

РУНО

Книга вторая

Студенческий литературно-художественный альманах

ЛИТО ЛЭТИ, выпуск VI

*Ты ли, Путаница-Психея,
Чёрно-белым веером рея,
Наклоняешься надо мной,
Хочешь мне сказать по секрету,
Что уже миновала Лету
И иною дышишь весной.*

(А. Ахматова. «Поэма без героя»)

Санкт-Петербург
2012

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Р 867

Редколлегия:

Редактор – *Никита Мокеев*

Редакторы-составители – *Юрий Королёв, Данила Данич*

Художественный редактор – *Марина Ясыченко*

Выпускающий редактор – *Максим Швец*

В оформлении обложки использована работа

Сергея Симкина:

«Аргонавты. Соединение Небесного и Земного рождает...».

Холст, масло, 60х80 см., 2009.

В оформлении сборника спользованы фрагменты работы

Александры Суворовой

Руно : В 2 кн. : Литературно-художественный альманах ЛИТО ГЭТУ (ЛЭТИ) – СПб.: Реноме; 2012. – Кн. II. – 320 с.: ил. – (Вып. VI).

Альманах литературного объединения «ЛИТО ЛЭТИ» включает художественную прозу, поэтические тексты, критику и публицистику студентов СПб ГЭТУ «ЛЭТИ» и других членов литературного объединения. Сборник проиллюстрирован живописью, графикой и фотоработами членов ЛИТО. Руководитель ЛИТО – А. И. Михалевич (поэтесса, член Союза писателей Санкт-Петербурга).

Вниманию господ авторов:

Желающих опубликовать стихотворения, прозу, публицистику, живопись, фотоработы и т.д. и т.п. в альманахе «Руно» покорнейше просим присылать свои произведения по адресу: danitschi@mail.ru

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-91918-247-4
ISBN 978-5-91918-249-8 (Книга II)

© Авторы, текст, иллюстрации

МУР КАК ЦМЯ

А. Ф. Лосев

О «Диалектике мифа» А. Ф. Лосева

Два маленьких отрывка из воспоминаний об Алексее Фёдоровиче Лосеве протоиерея Алексия Бабурова:

«В 1980 г. Алексею Фёдоровичу по состоянию здоровья понадобился массаж. Аза Алибековна стала искать массажиста, и ей рекомендовали меня. Вскоре я стал бывать в доме Алексея Фёдоровича очень часто, и постепенно наши отношения приобрели глубоко личный характер. Алексей Фёдорович стал для меня духовным наставником. Я восхищался отношениями Азы Алибековны с Алексеем Фёдоровичем. Они были нежными, чистыми, в высшей степени тактичными, преисполненными самой искренней и светлой любви. Благодарю Бога, что Господь меня соединил с семьей Лосевых и их друзьями, ставшими также моими. Благодаря Алексею Фёдоровичу я пришёл к осознанию необходимости вступить на путь непосредственного служения Богу и людям, путь священства.

За 8 лет интенсивного общения с Алексеем Фёдоровичем мне посчастливилось говорить с ним на самые разные темы».

«Однажды речь пошла об идеальном и материальном. Привожу на память слова К. Маркса: «Идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней».

А. Ф.: Сплошная путаница. С одной стороны – субъективный идеализм (идеальное существует только в голове, в субъективной реальности), с другой – отрыв идеи от материи.

Цитирую В. И. Ленина: «Идеи не бывают “ничьи”».

А. Ф.: Дальше своего носа они ничего не видят. А мир как целое? Разве жизнь возможна только на земле? А в мире? Неужели мир не развивается, не функционирует? Если мир живёт, то, значит, есть и мировой разум. Всякий отличит живое от неживого. Каждый знает, что из неживой материи не может родиться живое. Понимание же материи как самодвижущейся субстанции есть уже признание в ней жизни. В таком случае понятно её развитие до состояния «мыслящей материи». Если мы заявляем, что материя порождает дух, сознание, то тем самым мы утверждаем всемогущество материи. Таким образом, материя здесь есть Бог.

Материалистам не удаётся объяснить направленность движения материи. Каким образом из неживой материи появляется живая, и даже дух? Говорят о том, что миром управляют всякого рода законы. Так это же демоны какие-то, демонизм! Если бросают игральную кость и постоянно получают одно и то же число, то, как правило, предполагают, что в этой кости имеется какая-то подделка. Аналогично, если существует постоянный и непреложный какой-либо закон, значит, он замыслен. Материя сама себя приводит в движение. Стало

быть, она не мертвый механизм, а живой организм. Но как объяснить тогда его структуру, упорядоченность, направленность развития? Так это скрытый пантеизм. Поздравляю вас, вы – верующий! Только вера ваша ограничена и примитивна. Пантеизм – религия. Но бог его крайне несовершенен, бессодержателен. От пантеизма можно избавиться только признав тварность мира. Для пантеиста подсознательно «всё позволено». Он же часть божества – материи».

И ещё два отрывка из двух работ Арсения Гулыги: «О Лосеве» и «Абсолютная мифология (Лосев)».

«...Лосев показал, что вся русская классика пронизана духом высокого народного мифа. Анализу мифа посвящены лучшие страницы Лосева – и в первых его работах, и в одном из последних трудов «Знак. Символ. Миф». В теории мифа, развивая идеи Шеллинга, Лосев добился нового принципиального результата, что в философии в наши дни происходит крайне редко, всесторонне исследовав бытие индивидуального мифа. Сейчас на Западе философы начинают рассуждать о мифе индивида, не ведая о том, что полвека назад у нас об этом сказано Лосевым».

«Язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли, – этот афоризм приписывали Жозефу Фуше. Но в данном случае речь идёт о другом: мысль надо высказать, но так, чтобы поняли тебя только те, кому надо. Так рождается под пером М. Бахтина «полифоничность» у Достоевского, мыслителя монологично христианского, а у Лосева рассуждения о диалектике и о мифе, также однозначно утверждающие православие. Россия вползала в Апокалипсис, звериная действительность рождала новые условия «игры», только усвоив их, можно оценить Лосева. «В лице Лосева, – пишет В. Зеньковский, – русская философская мысль явила такую мощь дарования, такую тонкость анализов и такую силу интуитивных созерцаний, что всем этим удостоверяется значительность того философского направления, которое впервые с полной ясностью было намечено Вл. Соловьёвым».

В «Диалектике мифа» (1930) при внимательном чтении открываются три слоя: 1) апологетический, главный для автора – обоснование христианского мировоззрения, 2) аналитический – рассмотрение особенностей мифа как формы сознания, 3) полемический – разоблачение марксистской мифологии.

Апология (защита) православия – в конце книги (расчёт на то, что цензор устанет, запутается в терминологических тонкостях). В доброе старое время Шеллинг, рассуждавший о мифологии, мог завершить свои мысли словами об откровении как явлении истины. Лосев лишен такой возможности и вынужден говорить об «абсолютной мифологии»... Абсолютная мифология есть «абсолютное бытие, выявившее себя в абсолютном мифе, достигшее степени мифа, причём ни этому бытию, ни мифу не может быть

положено, никогда и никем, никаких препятствий и границ... Диалектика абсолютного мифа есть, в сущности, обыкновенная диалектика, ибо всякая диалектика говорит именно о последних, т. е. абсолютных основаниях знания и бытия» (А. Ф. Лосев. Из ранних произведений)...

Лосев не случайно обратился в конце жизни к творчеству Соловьёва. Это было возвращение к истокам, к роднику, который всегда утолял духовную его жажду. Между Соловьёвым и Лосевым целое поколение замечательных мыслителей... Лосев всегда отмечал синтетический характер своего мировоззрения: «В моем мировоззрении синтезируются античный космос с его конечным пространством и – Эйнштейн, схоластика и неокантианство, монастырь и брак, утончение западного субъективизма с его математической и музыкальной стихией и – восточный паламитский онтологизм и т. д., и т. п.» («Вопросы философии. 1989. №7). Цитата взята из сугубо личного письма, но выражает суть дела: «русская идея» чужда партикуляризму, она сливает мировую культуру в единый общечеловеческий поток».

Как пишет проф. Аза Алибековна Тахо-Годи, духовная жена А. Ф. Лосева, «Диалектика мифа» – последняя работа из знаменитого восьмикнижия А. Ф. Лосева, вышедшего с 1927 по 1930 г., которая спровоцировала его арест и запрет на издание собственных трудов.

В восьмикнижии Лосев формулирует своё философское кредо, нашедшее окончательное оформление именно в «Диалектике мифа». Основной проблемой всей философской концепции Лосева стала проблема мистических откровений. В его философии слился интерес к мифу как форме сознания и к мифологии как форме коммуникации с Богом. Согласно Лосеву, миф – древнейшая форма освоения мира, обобщающая в одном слове множество конкретности жизни, – которую философ исследует последовательно диалектически: сначала через отграничение от близких, но всё же иных категорий, затем – с точки зрения собственного смысла и внутренней формы. Таким образом, Лосев определяет миф как синтез четырёх понятий – личности, истории, чуда и слова. В итоге даётся окончательная диалектическая форма: «Миф есть в словах данная чудесная личностная история», «миф есть развернутое магическое имя».

Сначала мы хотели привести в альманахе конспект этой великой работы великого мыслителя, чтобы дать читателю, не знакомому ещё с «Диалектикой мифа», возможность получить хотя бы беглое представление об этом шедевре русской философии, о котором С. Л. Франк писал, что после «Феноменологии духа» Гегеля не было работы такой диалектической глубины, как заключительные книги восьмикнижия Лосева. Однако начав конспектировать Лосева, мы скоро поняли, что невозможно пересказывать его работы, опуская отдельные детали. Сам Лосев писал, что строгость его доказательств сравнима лишь

с доказательством математических теорем. Подобно тому, как при реферировании математического текста можно либо приводить доказательство того или иного утверждения целиком, либо целиком его опустить, сообщая только доказанный факт и отсылая читателя к литературе, где он подробно доказан, но совершенно немыслимо приводить вместо доказательства теоремы его отдельные фрагменты, точно так же невозможно и приводить рассуждения Лосева частично, опуская детали. Позволить себе в отдельных случаях заменять доказательства теоремы схемой доказательства может только её автор. Поэтому, боясь потерять бесценные мысли великого учёного, мы приводим его рассуждения в отдельных местах целиком, а в отдельных местах так же полностью опускаем, сообщая лишь доказанные Лосевым факты.

Конспект «Диалектики мифа»

«Миф, – пишет Лосев, – должен быть взят как *миф*, без сведения его на то, что не есть он сам. ... Не зная, что такое миф сам по себе, не можем говорить и об его жизни в той или другой *иноприродной* среде. Надо сначала стать на точку зрения *самой* мифологии, стать самому мифическим субъектом». И далее, с его обычной страстностью и любовью к апофатическим определениям, Лосев по пунктам даёт определение мифа.

I. Миф не есть выдумка или фикция, не есть фантастический вымысел
 «Это заблуждение почти всех «научных» методов исследования мифологии должно быть отброшено в первую голову... Нужно быть до последней степени близоруким в науке, даже просто слепым, чтобы не заметить, что миф есть (для мифического сознания, конечно) наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряжённая реальность. Это не выдумка, но – *наиболее яркая и самая подлинная действительность*. Это – *совершенно необходимая категория мысли и жизни*, далёкая от всякой случайности и произвола... Некоторые представители науки любили и любят щеголять такими рассуждениями: я вам даю учение о жидкостях, а существуют эти последние или нет – это не моё дело; или: я доказал вот эту теорему, а соответствует ли ей что-нибудь реальное, или она есть порождение моего субъекта или мозга – это меня не касается. Совершенно противоположна этому точка зрения мифического сознания. Миф – необходимейшая – прямо нужно сказать, трансцендентально-необходимая – категория мысли и жизни; и в нём нет ровно ничего случайного, ненужного, произвольного, выдуманного или фантастического. Это – подлинная и максимально конкретная реальность... Он <миф> – не выдумка, а содержит в себе строжайшую и определённую структуру и есть *логически, т. е. прежде всего диалектически, необходимая категория сознания и бытия вообще*».

II. Миф не есть бытие идеальное

«Под идеальным бытием условимся сейчас понимать не бытие лучшее, совершеннейшее и возвышеннейшее, чем бытие обыкновенное, но просто *смысловое* бытие. Всякая вещь ведь имеет свой смысл не с точки зрения цели, а с точки зрения существенной значимости. Так, дом есть сооружение, предназначенное для предохранения человека от атмосферных явлений; лампа есть прибор, служащий для освещения, и т. п. Ясно, что смысл вещи не есть сама вещь, он – абстрактное понятие вещи, отвлечённая идея вещи, мысленная значимость вещи. Есть ли миф такое отвлечённо-идеальное бытие? Конечно, *не есть ни в каком смысле*. Миф не есть произведение или предмет *чистой мысли*. Чистая, абстрактная мысль меньше всего участвует в создании мифа... Думают, что пища и есть пища и об её химическом составе и физиологическом значении можно узнать в соответствующих научных руководствах. ... Я же утверждаю, что тот, кто ест мясо, имеет совершенно особое мироощущение и мировоззрение, резко отличное от тех, кто его не ест. И дело не в химии мяса, которая при известных условиях может быть одинаковой с химией растительных веществ, а именно в *мифе*... Костюм – великое дело. Мне рассказали однажды печальную историю об одном иеромонахе *** монастыря *. Одна женщина пришла к нему с искренним желанием исповедаться. Исповедь была самая настоящая, удовлетворившая обе стороны. В дальнейшем исповедь повторялась. В конце концов, исповедальные разговоры перешли в любовные свидания, потому что духовник и духовная дочь почувствовали друг к другу любовные переживания. После долгих колебаний и мучений оба решили вступить в брак. Однако одно обстоятельство оказалось роковым. Иеромонах, расстригшись, надевши светский костюм и обривши бороду, явился однажды к своей будущей жене с сообщением о своём окончательном выходе из монастыря. Та встретила его почему-то вдруг холодно и нерадостно, несмотря на долгое страстное ожидание. На соответствующие вопросы она долго не могла ничего ответить, но в дальнейшем ответ выяснился в ужасающей для неё самой форме: «Ты мне не нужен в светском виде». Никакие увещания не могли помочь и несчастный иеромонах повесился у ворот своего монастыря. После этого только ненормальный человек может считать, что наш костюм не мифичен и есть только какое-то отвлечённое, идеальное понятие... Миф не есть бытие идеальное, но – *жизненно ощущаемая и творимая, вещественная реальность и телесная, до животности телесная действительность*».

III. Миф не есть научное и, в частности, примитивно-научное построение.

1. Сначала А. Ф. Лосев объясняет, в чём состоит деятельность учёного. «В хаосе и неразберихе эмпирически спутанных, текучих вещей надо уловить

идеально-числовую, математическую закономерность, которая хотя и управляет этим хаосом, но сама-то не есть хаос, а идеальный, логический строй и порядок (иначе уже первое прикосновение к эмпирическому хаосу было бы равносильно созданию науки математического естествознания). И вот, несмотря на всю абстрактную логичность науки, почти все наивно убеждены, что мифология и первобытная наука – одно и то же. Как бороться с этими застарелыми предрассудками? Миф всегда чрезвычайно практичен, насущен, всегда эмоционален, аффективен, жизнен. И, тем не менее, думают, что это – начало науки. ... Первобытная наука, как бы она ни была первобытна, есть всё же как-то *наука*, иначе она совершенно не войдёт в общий контекст истории науки, и, следовательно, нельзя её будет считать и *первобытной наукой*... В первобытной науке, несмотря на всю её первобытность, есть некоторая сумма вполне определённых устремлений сознания, которые активно не хотят быть мифологией, которые существенно и принципиально дополняют мифологию и мало отвечают реальным потребностям последней... Поэтому необходимо надо считать, что *уже на первобытной ступени своего развития наука не имеет ничего общего с мифологией*, хотя, в силу исторической обстановки, и существуют как мифологически окрашенная наука, так и научно осознанная или хотя бы примитивно-научно трактованная мифология».

Затем А. Ф. Лосев объясняет взаимоотношения мифологии и науки.

2. «В связи с этим я категорически протестую против второго лженаучного предрассудка, заставляющего утверждать, что *мифология предшествует науке*, что *наука появляется из мифа*, что некоторым историческим эпохам, в особенности современной нам, совершенно не свойственно мифическое сознание, что *наука побеждает миф*.

Прежде всего, что значит, что мифология предшествует науке? Если это значит, что миф проще для восприятия, что он наивнее и непосредственнее науки, то спорить об этом совершенно не приходится. Также трудно спорить и о том, что мифология даёт для науки тот первоначальный материал, над которым она будет в дальнейшем производить свои абстракции и из которого она должна выводить свои закономерности. Но если указанное утверждение имеет тот смысл, что *сначала существует мифология, а потом наука*, то оно требует полного отвержения и критики.

Именно, во-вторых, если брать реальную науку, т. е. науку, реально творимую живыми людьми в определённую историческую эпоху, то *такая наука решительно всегда не только сопровождается мифологией, но и реально и т а е т с я ею, почерпая из неё свои исходные и н т у и ц и и*.

Затем Лосев приводит множество примеров: Декарта, Канта, Фихте, Ньютона.

«Декарт – основатель новоевропейского рационализма и механизма, а стало быть, и *позитивизма*. Не жалкая салонная болтовня материалистов XVIII века, а, конечно, Декарт есть подлинный основатель философского позитивизма... Декарт – мифолог, несмотря на весь свой рационализм, механизм и позитивизм. Больше того, эти последние его черты только и объяснимы его мифологией; они только и питаются ею...

Механика Ньютона построена на гипотезе однородного и бесконечного пространства. Мир не имеет границ, т. е. не имеет формы. Для меня это значит, что он – бесформен. Мир – абсолютно однородное пространство. Для меня это значит, что он – абсолютно плоскостен, невыразителен, нерельефен. Неимоверной скукой веет от такого мира. Прибавьте к этому абсолютную темноту и неимоверный холод межпланетных пространств...

Итак, механика Ньютона основана на мифологии нигилизма. Этому вполне соответствует специфически новоевропейское учение о *бесконечном прогрессе общества и культуры*. Исповедовали часто в Европе так, что любая эпоха имеет смысл не сама по себе, но лишь как подготовка и удобрение для другой эпохи, что эта другая эпоха не имеет смысла сама по себе, но она тоже – навоз и почва для третьей эпохи и т. д. В результате получается, что никакая эпоха не имеет никакого самостоятельного смысла и что смысл данной эпохи, а равно и всех возможных эпох отодвигается всё дальше и дальше, в бесконечные времена. Ясно, что подобный вздор нужно назвать *мифологией социального нигилизма*, какими бы «научными» аргументами его ни обставлять. Сюда же нужно отнести и учение о *всеобщем социальном уравнении*, что также несёт на себе все признаки мифологически-социального нигилизма. Вполне мифологична теория *бесконечной делимости материи*...

Итак, наука *не рождается* из мифа, но наука не существует без мифа, наука всегда *мифологична*.

3. «Однако тут надо устранить два недоразумения. – Во-первых, наука, говорим мы, всегда мифологична. *Это не значит, что наука и мифология тождественны*... Но что такое та наука, которая воистину немифологична? *Это – совершенно отвлечённая наука как система логических и числовых закономерностей*. Это – наука-в-себе, наука сама по себе, чистая наука. Как такая она *никогда не существует*... Немифологична механика Ньютона, взятая в чистом виде. Но реальное оперирование с механикой Ньютона привело к тому, что идея однородного пространства, лежащая в её основе, *оказалась единственно значимой идеей*. А это есть вероучение и мифология... – Итак, всякая реальная наука мифологична, но наука сама по себе не имеет никакого отношения к мифологии.

Когда «наука» разрушает «миф», то это значит только, что *одна мифология борется с другой мифологией*. Раньше верили в оборотничество, вернее – имели опыт оборотничества. Пришла «наука» и «разрушила» эту веру в оборотничество. Но как она её разрушила? Она разрушила её при помощи механистического мировоззрения и учения об однородном пространстве. Действительно, наша физика и механика не имеет таких категорий, которые могли бы объяснить оборотничество. Наша физика и механика оперирует с *другим миром* и это есть мир однородного пространства, в котором находятся механизмы, механически же движущиеся. Поставивши вместо оборотничества такой механизм, «наука» с торжеством отпраздновала свою победу над оборотничеством. Но вот теперь воскресает новое, вернее, очень старое, античное учение о пространстве. Оказалось возможным мыслить, как одно и то же тело, меняя место и движение, меняет также и свою форму и как (при условии движения со скоростью света) объём такого тела оказывается равным нулю, по известной формуле Лоренца, связывающей скорость и объём. Другими словами, механика Ньютона *не хотела* ничего говорить об оборотничестве и хотела убить его, почему и выдумала такие формулы, в которые оно не вмещается. Сами по себе, отвлечённо говоря, эти формулы безупречны, и в них нет никакой мифологии. Но учёные отнюдь не пользуются *только тем одним*, что в этих формулах содержится. Они пользуются ими так, что не остаётся ровно никакого места для прочих форм пространства и соответствующих математических формул. В этом и заключается мифологизм европейского естествознания – в исповедании одного излюбленного пространства; и от этого и казалось ему всегда, что оно опровергло оборотничество. Принцип относительности, говоря о неоднородных пространствах и строя формулы относительно перехода от одного пространства к другому, снова *делает мыслимым оборотничество и вообще ч у д о*, а отказать в научности, по крайней мере, математической стороны этой теории может только неосведомленность в предмете и невежество в науке вообще. Итак, механика и физика новой Европы боролась со старой мифологией, но только средствами своей собственной мифологии; «наука» не опровергла миф, а просто только новый миф задавил старую мифологию, и – больше ничего. Чистая же наука тут ровно ни при чём. Она применима к любой мифологии – конечно, как более или менее частный принцип. Если бы действительно наука опровергла мифы, связанные с оборотничеством, то была бы невозможна вполне научная теория относительности. И мы сейчас видим, как отнюдь не научные страсти разгораются вокруг теории относительности. Это – вековой спор двух мифологий. И недаром на последнем съезде физиков в Москве при-

шли к выводу, что выбор между Эйнштейном и Ньютоном есть вопрос веры, а не научного знания самого по себе. Одним хочется распылить Вселенную в холодное и чёрное чудовище, в необъятное и неизмеримое ничто; другим же хочется собрать Вселенную в некий конечный и выразительный лик с рельефными складками и чертами, с живыми и умными энергиями (хотя чаще всего ни те, ни другие совсем не понимают и не осознают своих интимных интуиций, заставляющих их рассуждать так, а не иначе).

Итак, *наука как таковая ни с какой стороны не может разрушить мифа*. Она лишь его осознаёт и снимает с него некий рассудочный, например логический или числовой, план».

4. «Набросавши эти краткие мысли об отношении мифологии и науки, мы видим теперь всю их противоположность. Научные функции духа слишком отвлечённые, чтобы лежать в основании мифологии. Для мифического сознания нет ровно никакого научного опыта. Его ни в чём нельзя убедить. На островах Никобар бывает болезнь от ветров, против чего туземцы совершают обряд «танангла». Каждый год бывает эта болезнь, и каждый раз совершается этот обряд. Несмотря на всю его видимую бесполезность, ничто не может убедить этих туземцев не совершать его. Если бы тут действовало хотя бы минимальное «научное» сознание и «научный» опыт, они скоро бы поняли бесполезность этого обряда. Но ясно, что их мифология не имеет никакого «научного» значения и ни в какой мере не есть для них «наука». Поэтому она «научно» неопровержима. Кроме «научного» значения этот мифически-магический акт может иметь много других значений, которые и не снились Леви-Брюлю, приводящему этот акт в качестве примера бессмысленности мифологии. Например, этот обряд может даже и вовсе не иметь никаких утилитарно-медицинских целей. Быть может, и самый северо-восточный муссон вовсе не рассматривается здесь как злое и вредящее начало. Можно представить себе, что туземцы переживают его как акт справедливого наказания или мудрого водительства со стороны божества и что они вовсе не хотят избежать этого наказания, а хотят принять его с достойным благоговением; и, быть может, обряд этот имеет как раз такое значение. Да и мало ли какое значение может иметь этот обряд, если стать на почву действительной мифологии? Исследователи вроде Леви-Брюля, для которых мифология всегда ужасно плохая вещь, а наука всегда ужасно хорошая вещь, никогда и не поймут ничего в обрядах, подобных «танангла». С их точки зрения, можно сказать только то, что это очень плохая наука и беспомощное детское мышление, бессмысленное нагромождение идиотских манипуляций. Но это и значит, что Леви-Брюль и ему подобные исследователи ровно ничего не понимают в мифологии. «Танангла» и не претендовал на научность. Ведь

дико и глупо было бы критиковать сонаты Бетховена за их «ненаучность». Записывая простой факт «танангла» и давая свою «научную» интерпретацию, эти учёные не только сами не дают существенного раскрытия мифа, но и препятствуют сделать это нам самим, ибо откуда я узнаю подлинное мифическое содержание и смысл «танангла», если ни сам его не видел, ни автор мне не вскрыл этого содержания, предложивши мне вместо этого «критику» обряда со своей, условной для меня, «научной» точки зрения? Итак, миф – вненаучен и не базируется ни на каком «научном» «опыте»... Никак не хотят понять, что миф надо трактовать *мифически же*, что *мифическое* содержание мифа само по себе достаточно глубоко и тонко, достаточно богато и интересно и что оно имеет значение само по себе, не нуждаясь ни в каких толкованиях и научно-исторических разгадываниях».

5. «Вдумаемся в понятие чистой науки ещё раз и попробуем точнее формулировать её сущность; и – мы увидим, как далека чистая мифология от чистой науки.

а) Что нужно для науки как таковой? Нужна ли, например, убеждённость в реальном существовании её объектов? Я утверждаю, что *законы физики и химии совершенно одинаковы и при условии реальности материи, и при условии её нереальности и чистой субъективности*. Я могу быть вполне убеждён в том, что физическая материя совершенно не существует и что она есть порождение моей психики, и – всё-таки быть настоящим физиком и химиком. Это значит, что научное содержание этих дисциплин совершенно не зависит от философской теории объекта и ни в каком объекте не нуждается. Во-вторых, есть ряд отделов знания, которые, несмотря на свою полную эмпирическую значимость, выводятся совершенно дедуктивно, каковы, например, математика и теоретическая механика... Нечего и говорить, что *миф в этом отношении совершенно противоположен научной формуле*... Мифическое сознание оперирует только с реальными объектами, с максимально конкретными и сущими явлениями. Правда, в мифической предметности можно констатировать наличие *разных степеней реальности*, но это не имеет ничего общего с отсутствием всякого момента реальности в чистой научной формуле.

б) Далее, нужен ли науке *субъект* исследователя? Мы сказали, что содержание любого «закона природы» есть нечто, совершенно ничего не говорящее об объектах. Теперь мы должны категорически заявить, что оно также *ровно ничего не говорит и о субъекте исследования*. Лица, привыкшие к бессознательной метафизике и дурной мифологии, сейчас же нападут на меня и в миллионный раз повторят скучную истину, от которой уже давно у меня ощущается чувство лёгкой тошноты: да как же могла бы появиться и развиваться наука, если бы не было ни объектов для исследования, ни тех, кто

именно производит исследование? От этих возражений меня только тошнит и болит затылок. Я не буду тут дискутировать эти вопросы. Скажу только, что ни в каком «законе природы» я не могу вычитать тех или других особенностей его учёного создателя. Вот – закон падения тел. Кто его придумал и вывел? Когда, где и как жил его автор? Каков характер и какова личность этого автора? Совершенно ничего не знаю. Если *из других источников* я этого не узнал, то самый этот «закон» ничего мне об этом не скажет... И надо быть очень узким и специфическим метафизиком, чтобы думать, что чистая наука – вещественна или, наоборот, субъективно психична. Это, конечно, не значит, что для своего *реального осуществления* она не нуждается в вещах или не нуждается в творящих её субъектах. Но мало ли в чём нуждается наука для своего *реального осуществления*?

с) Но если мы будем всматриваться дальше в существо чистой науки, то мы найдём, что её чистое смысловое содержание, собственно говоря, *не нуждается даже в законченной и завершённой истине*. Чтобы наука была наукой, нужна только *гипотеза* и более ничего. *Сущность чистой науки заключается только в том, чтобы поставить гипотезу и заменить её другой, более совершенной, если на то есть основания*. Разумеется, мы всё время говорим тут о науке как таковой, о чистой науке... Реально действующий и творящий учёный всегда сложнее, чем его чистые абстрактно-научные положения. И вот, метафизика Нового времени почти всегда приводила к тому, что, например, понятие материи гипостазировалось и проецировалось вовне в виде какой-то реальной вещи, понятие силы понималось почти всегда реально-натуралистически, т. к. по существу ничем не отличалось от демонических сил природы (как это мы находим в разных религиях и т. д.), но только с явными признаками рационалистического вырожденчества. Нужно ли всё это *науке* как таковой? Совершенно не нужно... Я вывел закон расширения газов от нагревания. Для каких надобностей я буду считать свой закон непререкаемой реальностью и неподвижной истиной? Он – только гипотеза, даже если бы все его признали, и он просуществовал бы несколько веков. Конечно, вы можете верить в его «соответствие подлинной реальности». Но эта ваша вера ничего нового к самому «закону» не прибавит, и потому для него она не необходима. Гипотетизм науки не мешает ей строить мосты, дредноуты или летать на аэропланах. Подлинно научный, *чисто* научный реализм заключается в этом гипотетизме и функционализме, в этом панметодизме. Не то реальная наука, не то реальная жизнь и не то, стало быть, мифология...

6. Еще одно очень важное разъяснение, и – мы можем считать вопрос об отграничении мифологии от науки принципиально разъясненным. Именно, нельзя противоположность мифологии и науки доводить до такого аб-

сурда, что мифологии не свойственна ровно никакая истинность или, по крайней мере, закономерность. До такого абсурда доводит своё учение о мифе Э. Кассирер... В мифе есть своя мифическая истинность, мифическая достоверность. Миф различает или может различать истинное от кажущегося и представляемое от действительного. *Но всё это происходит не научным, но чисто мифическим же путём...*

Общий итог: миф не есть научное, и, в частности, примитивно-научное, построение, но *живое субъект-объектное взаимоотноение, содержащее в себе свою собственную, вне-научную, чисто мифическую же истинность, достоверность и принципиальную закономерность и структуру*.

IV. Миф не есть метафизическое построение

«Для ясности понятия мифа необходимо коснуться и этого отграничения. Для лиц, нечётко воспринимающих мифическую действительность, — очень большой соблазн спутать мифологию с метафизикой. Эти же лица по большей части страдают и неясными представлениями о метафизике. Метафизика говорит о чём-то необычном, высоком, «потустороннем»; и мифология говорит о чём-то необычном, высоком, «потустороннем»... Под метафизикой будем понимать обычное: это — натуралистическое учение о сверхчувственном мире и об его отношении к чувственному; мыслятся два мира, противостоящих друг другу как две большие вещи, и — спрашивается, каково их взаимоотноение».

А. Ф. Лосев объясняет различие между мифологией и метафизикой.

1. «На первый взгляд может показаться, что раз мифическая действительность есть сказочная действительность, нереальная, потусторонняя, то иначе не может и быть, как то, что мифология и метафизика тождественны... Миф есть сказка. Для кого — сказка? Для того, кто сам является мифическим субъектом и сам живет этим мифом? *Ничуть не бывало. Для мифического сознания как такового миф вовсе не есть ни сказочное бытие, ни даже просто трансцендентное. Это — самое реальное и живое, самое непосредственное и даже чувственное бытие. Это сказка — для позитивиста, да и то не для всякого, а специально для позитивиста XVII-XIX веков...*

Я утверждаю, что цвета, воспринимаемые нами всегда мифически, необходимым образом чувственны, несмотря на то, что могут быть наделяемы весьма несвойственными им качествами. Так, всякий вполне реально воспринимал, например, *тёплые* цвета, *холодные* цвета, *жёсткие* цвета. Это значит, что в данном восприятии (мы его должны назвать мифическим) теплота и холод воспринимаются зрением, они *видимы*. Почему это не есть самая реальная видимость и почему мы должны считать это метафизикой? Я могу *слышать* (и всякий слышал) *сталь*, ибо кто же не знает *стального* голоса или *серебри-*

стого голоса? Напрасно теоретики музыки говорят только о высоте звука. Звуки не только *высоки*, но и *тонки*, *толсты*, а греки говорили прямо об *острых* и *тяжёлых звуках*. Далее, звуки, несомненно, бывают большого объёма и малого объёма, густые, прозрачные, светлые, тёмные, сладкие, терпкие, мягкие, упругие и т. д. По-моему, зрением можно воспринять мягкость и нежность, вес и вкус вещи. И от этого ни зрение, ни слух не становятся метафизическими, хотя они, несомненно, получают тут мифологическое значение. Едва мерцающая в абсолютной темноте лампадка перед образом, несомненно, продиктована интуициями слабого, но искреннего, тёплого и часто горячего сердца, объятая тьмой небытия и взыскующего, по мере слабых сил; подлинного бытия, которое и является, освещая всё в меру этого взыскания. Я приведу замечательный пример одного мифического изображения; и мы на нём должны убедиться, что мифология очень мало имеет общего с метафизикой. Это – похождения философа Хомы Брута в гоголевском «Вие». Некая «бабуся» со страшным блеском глаз приближается к Хоме».

Далее А. Ф. Лосев приводит большой отрывок из «Вия» Н. В. Гоголя.

«Философ хотел оттолкнуть её руками но, к удивлению, заметил, что руки его не могут приподняться, ноги не двигались; и он с ужасом увидел, что даже голос не звучал из уст его: слова без звука шевелились на губах. Он слышал только, как билось его сердце; он видел, как старуха подошла к нему, сложила ему руки, нагнула ему голову, вскочила с быстротою кошки к нему на спину, ударила его метлою по боку, и он, подпрыгивая, как верховой конь, понёс её на плечах своих. Всё это случилось так быстро, что философ едва мог опомниться и схватил обеими руками себя за колени, желая удержать ноги, но они, к величайшему изумлению его, подымались против воли и производили скачки быстрее черкесского скакуна. Когда уже минули они хутор, перед ними открылась ровная лощина, а в стороне потянулся чёрный, как уголь, лес, тогда только сказал он сам себе: «Эге, да это ведьма!». «Он чувствовал какое-то томительное, неприятное и вместе сладкое чувство, подступавшее к его сердцу». Далее ему внизу видится какая-то русалка. «Она оборотилась к нему, – и вот её лицо, с глазами светлыми, сверкающими, острыми, с пеньем, вторгавшимся в душу, уже приближалось к нему, уже было на поверхности и, задрожав сверкающим смехом, удалялось: и она опрокинулась на спину, – и облачные перси её, матовые как фарфор, не покрытый глазурью, просвечивали перед солнцем по краям своей белой эластически-нежной окружности. Вода в виде маленьких пузырьков, как бисер, осыпала их. Она вся дрожит и смеётся в воде... Видит ли он это или не видит? Наяву ли это или снится? Но там что? Ветер или музыка? Звенит, звенит и вьётся и подступает и вонзается в душу какою-то

нестерпимую трелью. Что это? – думал философ Хома Брут, глядя вниз, несясь во всю прыть. Пот катился с него градом. Он чувствовал бесовски-сладкое чувство, он чувствовал какое-то пронзающее, какое-то томительно-страшное наслаждение. Ему часто казалось, что будто сердца уже вовсе не было у него, и он со страхом хватался за него рукою».

«Гоголь проявляет во всём этом отрывке не просто поэтическую, но именно *мифическую интуицию*, давая гениальным образом целую гамму мифических настроений. И мы прекрасно понимаем, что это экстатическое состояние... очень мало имеет общего с метафизикой, которая тоже как-то говорит о «сверхчувственном», но которая не имеет и следа этих реальных, этих чувственных, часто почти животных аффектов».

2. «Далее, метафизика не только как-то относится к «сверхчувственному», а мифология – по преимуществу к чувственному. *Метафизика есть наука* или пытается быть *наукой или наукообразным учением* о «сверхчувственном» и об отношении его к «чувственному», в то время как мифология есть не наука, а жизненное отношение к окружающему. Миф ни с какой стороны не научен и не стремится к науке; он совершенно не научен, вернее – вненаучен. Он – абсолютно непосредствен и наивен и не требует никакой специальной работы мысли, тем более – научной или научно-метафизической. Мысль работает в мифе отнюдь не больше того, сколько требуется мыслить для взаимообщения с обыкновенными вещами и людьми. Для метафизики же нужны доказанные положения, приведённые в систему выводы, терминологическая ясность и продуманность языка, анализ понятий...».

V. Миф не есть ни схема, ни аллегория

1. Сначала А. Ф. Лосев объясняет, что такое *выразительная* форма, или форма *выражения*. «Выражение есть всегда синтез чего-нибудь внутреннего и чего-нибудь внешнего. Это – тождество внутреннего с внешним... Самый термин «выражение» указывает на некое активное направление внутреннего в сторону внешнего, *на некое активное самопревращение внутреннего во внешнее*. Обе стороны и тождественны – до полной неразличимости, так что видится в выражении один, *только один*, и единственный, предмет, нумерически ни на что не разложимый, и различны – до полной противоположности, так что видно стремление предмета выявить свои внутренние возможности и стать в какие-то более близкие познавательновыявительные и смысловые взаимоотношения с окружающим. Итак, выражение есть синтез и тождество внутреннего и внешнего, *самотождественное различие внутреннего и внешнего...*».

2. Затем А. Ф. Лосев рассматривает три основных вида выражения.

«Какие же возможны вообще виды этого взаимоотношения? Их очень

много. Но, следуя Шеллингу, можно указать три основных таких вида. При этом будем иметь в виду, что наши термины «внутреннее» и «внешнее» – очень общие термины и их можно заменить другими, более узкими и более специфичными с той или другой точки зрения. Так, говоря о «внешнем» как проявлении «внутреннего», мы замечаем, что всякое «внешнее» есть *частный случай* «внутреннего», что оно именно такое «внутреннее», которое проявилось вовне. Другими словами, более «внутреннее» есть и более *общее*, а более «внешнее» есть и более *частное*. Точно так же можно сказать, что более внутреннее есть более *отвлечённое*, а более «внешнее» есть более *конкретное* или что более «внутреннее» есть более *идеальное*, *смысловое*, а более «внешнее» есть более *реальное*, *образное*...».

Во-первых, возможно такое выражение, в котором «внутреннее» будет *перевешивать* «внешнее». Что это значит? Это значит, что в выразительной форме мы замечаем такое «внутреннее», которое подчинило себе «внешнее», и последнее налично только постольку, поскольку это надо для выявления одного «внутреннего». Имеется *общее*, но выражается оно так, что ничего *частного* не привлекается для понимания этого общего. Частное имеет целью только показать общее, *голое* общее, которое по смыслу по своему чуждо всякого частного. Таков, например, всякий *механизм*... Он воплощает на себе чуждую своему материалу идею; и эта идея, это его «внутреннее» остаётся лишь методом объединения отдельных частей, *голой схемой*. Такова *первая* выразительная форма, *схематизм*. Можно быть уверенным, что *миф ни в коем случае не есть схема*. Если бы это было так, то в мифе его сверхчувственное, идеальное превратилось бы в отвлечённую идею, а чувственное содержание его осталось бы несущественным и ничего не прибавляющим нового к отвлечённой идее. Миф всегда говорит не о механизмах, но об *организмах* и даже больше того, о *личностях*, о живых существах...

Во-вторых, выражение может быть *аллегорией*. Здесь мы находим обратное взаимоотношение «внутреннего» и «внешнего». Здесь «*внешнее*» *перевешивает* «внутреннее», «реальное» – полнее и интереснее «идеального»... Однако аллегория есть всё-таки выражение, и потому в ней не может наличествовать только одна «внешность» как таковая. Эта «внешность» должна как-то всё-таки указывать на «внутреннее» и свидетельствовать о какой-то идее. Что же это за идея? Конечно, раз между обеими сферами существует неравновесие, то идея эта не может быть выведена из сферы своей отвлечённости и неявленности. Она должна проявиться как неявленная, должна *выразиться как невыраженная*. Это значит, что мы получаем «образ», в котором вложена отвлечённая «идея», и получаем «образ», по которому видна невыраженная, неявленная идея, – получаем «образ» как *иллюстрацию*,

как более или менее случайное, отнюдь не необходимое пояснение к идее, пояснение, существенно не связанное с самой идеей. Наиболее типичный и очевидный пример поэтической аллегории – это басня.

В-третьих, выражение может быть *символом*. В противоположность схеме и аллегории тут мы находим *полное равновесие между «внутренним» и «внешним», идеей и образом, «идеальным» и «реальным»*. В «образе» нет ровно ничего такого, чего не было бы в «идее». «Идея» ничуть не более «обща», чем «образ»; и «образ» не есть нечто «частное» в отношении идеи. «Идея» дана конкретно, чувственно, наглядно, а не только примышляется как отвлечённое понятие. «Образ» же сам по себе говорит о *выраженной идее*, а не об «идее» просто; и достаточно только созерцания самого «образа» и одних чисто «образных» же средств, чтобы тем самым охватить уже и «идею»... В *символе* – всё «равно», с чего начинать; и в нем нельзя узреть ни «идеи» без «образа», ни «образа» без «идеи». Символ есть самостоятельная действительность. Хотя это и есть встреча двух планов бытия, но они даны в полной, *абсолютной неразличимости*, так что уже нельзя указать, где «идея» и где «вещь». *Это, конечно, не значит, что в символе никак не различаются между собою «образ» и «идея»*. Они обязательно различаются, так как иначе символ не был бы выражением. Однако они различаются так, что видна и точка их абсолютного отождествления, видна сфера их отождествления.

Впрочем, тут надо провести более тонкую грань между символом, с одной стороны, и схемой и аллгорией – с другой... Дело в том, что «внутреннее» и «внешнее» содержат каждое в себе также разделение на «внутреннее» и «внешнее», на «смысл» и «явление», или на «идею» и «образ». Есть «внутреннее», которое в себе самом содержит разные слои «внутреннего», т. е. прежде всего «внутреннее» как факт; явление «внутреннего»; и – «внутреннее» как смысл, идею «внутреннего»; и есть «внешнее», которое в себе самом содержит разные слои «внешнего», т. е., прежде всего, «внешнее» как факт, явление «внешнего», и – «внешнее» как смысл, идею «внешнего»... Итак: 1) имеется два слоя бытия, относящиеся друг к другу как смысл и явление; 2) в каждом из них есть свой *смысл* и своё *явление*; 3) эти два слоя вступают друг с другом в отождествление и синтез; 4) при таком отождествлении возможны синтезы каждого отдельного момента одного слоя с соответствующим моментом другого. Какие же моменты отождествляются в каждом из указанных трёх типов выражения?

...если в аллгории отвлечённый смысл, идея «внутреннего» отождествляется с выраженным смыслом «внешнего», а в схеме выраженный смысл «внутреннего» синтезируется с отвлечённым смыслом и идеей «внешнего», то в *символе* самый факт «внутреннего» отождествляется с самым *фак-*

том «внешнего», между «идеей» и «вещью» здесь не просто смысловое, но – вещественное, реальное тождество.

На примерах это становится совершенно ясным и убедительным. Если механизм – схематичен, то всякий организм символичен. Почему? *Потому что он не обозначает ничего такого, что не есть он сам.* В механизме идея дана как отвлечённый и выраженный опять-таки отвлечённо смысл, но она не дана вещественно. Чтобы получились часы, надо, чтобы кто-то другой, *не сами часы*, осуществил их самих. Если бы часы появлялись и существовали своими собственными средствами, то это значило бы, что их идея дана в них не отвлечённо, но реально, и они были бы тогда организмом. *Организм обозначает то самое, чем он сам является реально, не что-нибудь иное.* Конечно, идея организма отличается от самого организма; однако организм потому и является таковым, что эта отличная от него идея дана в своём *вещественном отождествлении с ним...*

Искусство *само по себе* и есть и должно быть символичным или, по крайней мере, в разной степени символичным. Но по сравнению с реальной жизнью оно аллегорично. Жизнь же символична по самой природе своей, ибо то, как мы живём, и есть мы сами. Театр – аллегоричен, но, например, богослужение – символично, ибо здесь люди не просто изображают молитву, но реально сами молятся; и некие действия не изображаются просто, но реально происходят. Отсюда легко провести грань между православием и протестантизмом. Протестантское учение о таинствах – аллегорично, православное – символично. Там только благочестивое воспоминание о божественных энергиях, здесь же реальная их эманация, часто даже без особенного благочестия».

3. «Итак, миф не есть ни схема, ни аллегория, но символ. Нужно, однако, сказать, что символический слой в мифе может быть очень сложным». Далее А. Ф. Лосев отсылает к другим своим сочинениям, в которых содержится учение о символе. Здесь же он лишь обращает внимание на то, что *«одна и та же выразительная форма, смотря по способу соотношения с другими смысловыми выразительными или вещественными формами, может быть и символом, и схемой, и аллегорией одновременно» и приводит множество примеров.* Вот два из них. «Жизнь и смерть Пушкина можно сравнить с лесом, который долго сопротивлялся и отстаивал своё существование, но, в конце концов, не выдержал борьбы с осенью и погиб. Однако это не помешало Кольцову дать в своём известном стихотворении прекрасное изображение леса, имеющее значение совершенно самостоятельное и в своей буквальности – весьма художественное и символичное. Также и Чайковский изобразил в своём знаменитом трио «Памяти великого артиста» ряд картин из жизни Рубинштейна, но это – прекрасное произведение, ценное и само по себе, без всяких аллегорий. Отними-

те подразумеваемого Пушкина у Кольцова и Рубинштейна у Чайковского, и – и вы ничего не потеряете ни в художественности этих произведений, ни в их символизме... «Голубой цветок» для Новалиса – мистический символ; для обыкновенного любителя цветов он просто определённый растительный организм, т.е., по-нашему, символ; для рассказа, где он фигурирует наряду с другими более или менее условными персонажами, он – аллегория; наконец, для ботаника он – схема». «Поэтому миф, рассматриваемый с точки зрения своей символической природы, может оказаться сразу и символом, и аллегорией. Мало того. Он может оказаться *двойным символом*». Как пример двойного символа А. Ф. Лосев благоговейно анализирует Апокалиптическую «жену, облечённую в солнце». Далее следует множество других прекрасных поэтических примеров из мировой литературы, которые мы не в состоянии здесь ни процитировать, ни кратко пересказать. Надеемся, что каждый желающий профессионально заниматься тем или иным видом искусства обязательно прочитает и внимательно изучит «Диалектику мифа» А. Ф. Лосева, эту, по общему мнению, вершину русской философии, без овладения которой немыслимо сколько-нибудь современное занятие искусством.

4. а) А. Ф. Лосев приводит «ряд примеров символического мифологизирования света, цветов и вообще зрительных явлений природы». Сначала рассматривается мифология цвета в духе «Учения о цветах» И.-В. Гёте.

«Что такое, например, *жёлтый* цвет? Сказать: «я вижу жёлтый цвет» – это значит высказать нечто весьма абстрактное и мёртвое. Что касается, например, меня, то я никогда не вижу *просто* жёлтый цвет. «В своей высшей чистоте он всегда обладает светлой природой и отличается ясностью, весёлостью, нежной прелестью». Жёлтый цвет производит тёплое впечатление и вызывает благодушное настроение. Посмотрите сквозь жёлтое стекло в серые зимние дни. «Радует глаз, расширяется сердце, светло становится на душе; словно непосредственно повеяло на нас теплотой». Жёлтый цвет хорош для обстановки (занавес, обои) и для платья. С блеском (например, на шёлке или на атласе) он производит впечатление роскоши и благородства. Наоборот, потушенный жёлтый цвет производит неприятное действие какой-то грязноты. Так, неприятен цвет серы, впадающий в зелёное. Неприятен он на сукне, на войлоке. Из цвета почёта и радости он переходит в цвет отвращения и неудовольствия. «Так могли возникнуть жёлтые шляпы несостоятельных должников, жёлтые кольца на плащах евреев».

Если в жёлтом есть светлое, то в *синем* (голубом) – тёмное. Синий цвет – «преlestное ничто». «В созерцании его есть какое-то противоречие раздражения и покоя». «Как высокое небо, далёкие горы мы видим синими, так и вообще синяя поверхность как будто уплывает от вас вдаль. Как мы охотно пресле-

дуюм приятный предмет, который от нас ускользает, так мы охотно смотрим на синий цвет, не потому что он проникает в нас, а потому что он тянет нас вслед за собою. Синевa даёт нам чувство холода, напоминает также тень». «Комнаты, выдержанные в синих тонах, кажутся до известной степени просторными, но собственно пустыми и холодными. Синее стекло рисует предметы в печальном свете». В *сиреневом* цвете также есть нечто живое, но безрадостное. По мере дальнейшего потенцирования сине-голубого цвета беспокойство возрастает. «Обои совершенно чистого насыщенного сине-красного (т. е. фиолетового) цвета были бы невыносимы. Вот почему, когда он встречается в одежде, как лента или иное украшение, его применяют в очень разреженном и светлом виде; даже и так он, согласно отмеченной природе, оказывает совсем особенное впечатление». «Про высшее духовенство, присвоившее себе этот спокойный цвет, можно, пожалуй, сказать, что по беспокойным ступеням уходящего всё дальше подъёма оно неудержимо стремится к кардинальскому пурпуру». Мифологизирование *красного* цвета – общеизвестно. Возбуждающий и раздражающий характер его не нуждается в распознании. Пурпур – то, к чему всегда стремились правители, и настоящие, и бандиты. «Через пурпуровое стекло хорошо освещённый ландшафт рисуется в страшном свете. Такой тон должен бы расстилаться по земле и небу в день Страшного суда». На *зелёном* цвете мы получаем удовлетворение и вздыхаем. «Не хочешь идти дальше и не можешь идти дальше. Поэтому для комнат, в которых постоянно находишься, обои выбираются обыкновенно зелёного цвета».

Можно было бы дать реальную мифологию каждого цвета очень подробно, но, конечно, нас она не интересует сейчас специально. Можно указать разве только ещё на употребление этих цветов в жизни народов. «Люди природы, некультурные народы, дети проявляют большую склонность к цвету в его высшей энергии, – значит, особенно к жёлто-красному. У них есть также склонность к пёстрому». «Народы Южной Европы носят одежду очень живых цветов. Шёлковые товары, дешёвые у них, способствуют этой склонности. И можно сказать, что особенно женщины со своими яркими корсажами и лентами всегда находятся в гармонии с ландшафтом, не будучи в состоянии затмить блестящие краски неба и земли». «Живые нации, например, французы, любят потенцированные цвета, особенно активной стороны; умеренные, как англичане и немцы, любят соломенно- или кожевенно-жёлтый цвет, с которым они носят тёмно-синий». «Женская молодёжь держится розового и бирюзового цвета, старость – фиолетового и тёмно-зелёного. У блондинки склонность к фиолетовому и светло-жёлтому, у брюнетки – к синему и жёлто-красному, и склонность эта вполне правомерна. Римские императоры были чрезвычайно ревнивы к пурпуру. Одежда китайского императора – оранжевый цвет, затканый

пурпуром. Лимонно-жёлтый имеют также право носить его слуги и духовенство». «У образованных людей замечается некоторое отвращение к цветам. Это может происходить частью от слабости органа, частью от неуверенности вкуса, охотно находящей убежище в полном ничто. Женщины ходят теперь почти исключительно в белом, мужчины в чёрном».

б) Затем А. Ф. Лосевым приводятся «мифолого-символические размышления о цвете» по *П. А. Флоренскому*.

«Свет сам по себе неделим, сплошен и непрерывен. Созерцая солнце у горизонта, мы «видим свет и только свет, единый свет единого солнца». «Его различная окраска – не собственное его свойство, а соотношение его с тою землею и отчасти, может быть, небесною средою, которую наполняет собою этот единый свет». «Те роскошные цвета, которыми украшается небосвод, есть не что иное, как способ соотношения неделимого света и раздробленности вещества; мы можем сказать, что цветность солнечного света есть тот привкус, то видоизменение, которое привносит в солнечный свет пыль земли, самая тонкая пыль земли и, может быть, ещё более тонкая пыль неба. Фиолетовый и голубой цвета – это есть тьма пустоты, – тьма, но смягчённая отблеском как бы накинутого на неё вуаля тончайшей атмосферной пыли; когда мы говорим, что видим фиолетовый цвет или лазурь небосвода, то это мы видим тьму, абсолютную тьму пустоты, которую не осветит и которую не просветит никакой свет, но видим её не самое по себе, а сквозь тончайшую, освещённую солнцем пыль. Красный и розовый цвета – это та же самая пыль, но видимая не против света, а со стороны света, не смягчающая своего освещённостью тьму междупланетных пространств, не разбавляющая её светом, но, напротив, от света отнимающая часть света, застывшая глазу свет, стоящая между светом и глазом и, своею непросвещённостью, прибавляющая к свету – тьму. Наконец, зелёный цвет, по направлению перпендикулярному, зеленоватость зенита, есть уравновешенность света и тьмы, есть боковая освещённость частиц пыли, освещённость как бы одного полушария каждой пушинки, так что каждая из *них* столь же может быть названа тёмною на светлом фоне, как и светлою на тёмном фоне. Зелёный цвет над головою – это ни свет и ни тьма». «Лишь из соотношения двух начал устанавливается, что София – не есть свет, а пассивное дополнение к нему, а свет не есть София, но её освещает. Это соотношение определяет цветность. Созерцаемая как произведение Божественного творчества, как первый сгусток бытия, относительно самостоятельный от Бога, как выступающая вперёд навстречу свету тьма ничтожества, т.е. созерцаемая от Бога по направлению в ничто, София зрится голубою или фиолетовою. Напротив, созерцаемая как результат Божественного творчества, как неотделимое от Божественного света, как

передовая волна Божественной энергии, как идущая преодолевать тьму сила Божия, т.е. созерцаемая от мира по направлению к Богу, София зрится розовою или красною. Розовою или красною она зрится как образ Божий для твари, как явление Бога на земле, как та «розовая тень», которой молился Вл. Соловьёв. Напротив, голубою или фиолетовою она зрится как мировая душа, как духовная суть мира, как голубое покрывало, завесившее природу. В видении Вяч. Иванова – как первооснова нашего существа в мистическом погружении взора внутрь себя: душа наша – как голубой алмаз. Наконец, есть и третье метафизическое направление – ни к свету и ни от света, София вне её определения или самоопределения к Богу. Это тот духовный аспект бытия, можно сказать, райский аспект, при котором нет ещё познания добра и зла. Нет ещё прямого устремления ни к Богу, ни от Бога, потому что нет ещё самых направлений ни того, ни другого, а есть лишь движение около Бога, свободное играющее перед лицом Божиим, как зелёно-золотистые змейки у Гофмана, как Левиафан, «его же созда Господь ругатися (т.е. игратися) ему», как играющее на солнце – море. И это тоже София, но под особым углом постигаемая. Эта София, этот аспект Софии зрится золотисто-зелёным и прозрачно-изумрудным. Это – тот аспект, который мелькал, не находил себе выражения в первоначальных замыслах Лермонтова. Три основных аспекта первотвари определяют три основных цвета символики цветов, остальные же цвета устанавливаются в своём значении как цвета промежуточные. Но каково бы ни было многообразие цветов, все они говорят об отношении хотя и различном, но одной и той же Софии к одному и тому же небесному Свету. Солнце, тончайшая пыль и тьма пустоты в мире чувственном и – Бог, София и Тьма крошечная, тьма метафизического небытия в мире духовном – вот те начала, которыми обуславливается многообразие цветов как здесь, так и там при полном всегда соответствии тех и других друг другу».

с) А. Ф. Лосев со свойственными ему искромётным остроумием и полемической страстностью учёного формулирует: «Я утверждаю, что проводимая в таком толковании цветов символическая мифология (между прочим, одинаковая у Гёте и у Флоренского) есть всецело именно символическая, так как она построена на существенной характеристике каждого цвета в отдельности. Против этого могут только сказать, что эти характеристики необязательны, произвольны и субъективны. Что они необязательны, это может утверждать только засушенное и мёртвое, абстрактно-метафизическое сознание. *Никто никогда не воспринимает цвет без этих и подобных впечатлений.* Чистый цвет есть несуществующая абстракция и утверждается лишь теми, кто не привык видеть жизнь, а лишь живёт выдумками. Что же касается произвольности этих характеристик, то они являются таковыми только по

тому, что весьма мало людей, которые бы задавались целью изучить цвета в их полном жизненном явлении. Разумеется, тут возможна та или иная степень произвола, покамест наука не собрала хорошо проанализированный этнографический, психологический и феноменологический материал. Наконец, совсем уже нелепо обвинение в субъективизме. Думают, что возбуждённый характер красного цвета есть субъективное (так как нереальное) переживание, а колебательные движения среды, дающие красный цвет, – объективны. Почему? Чем одно лучше другого? Разве эти «волны» не суть тоже некое физическое явление, воспринимаемое обычным путём? Почему одни восприятия субъективны, другие вдруг объективны? По-моему, всё одинаково субъективно и объективно. И не лучше ли просто выкинуть всех этих субъектов и объектов и не лучше ли описывать предмет так, каким он является? Не хочется людям довериться живому опыту. А он как раз говорит, что не мы возбуждаем красный цвет, а он – нас; не мы успокаиваем зелёный цвет, но он – нас; и т. д. Ну, так и давайте запишем: красный цвет вызывает возбуждение, именно он, а не мы сами. И, значит, возбуждённость – его *объективное* свойство. Для меня оно, во всяком случае, гораздо более объективно, чем какие-то там волны неизвестно чего, о которых я с гимназических лет успел забыть всё, что ни вбивали в меня старательные физики. Физику я забыл, а красный флаг от белого всегда буду отличать, – не беспокойтесь».

д) Затем А. Ф. Лосев переходит к ещё более интересным примерам символического мифологизирования предметов. «Такова живая мифология цвета, ничего общего не имеющая с абстрактно-аллегорическими толкованиями «научных» теорий. Ещё сложнее и интереснее делается мифология, когда она относится не к свету и цвету вообще, но к световым или цветным *предметам*. Чтобы не сомневаться в том, что любой, кто прочитает этот краткий конспект «Диалектики мифа», прочтёт после этого и саму бессмертную работу А. Ф. Лосева, мы всё же приведём данный параграф полностью, боясь удалить или поменить в нём хоть одно слово. «*Лунный свет* отнюдь не такая простая вещь, чтобы можно было сразу взяться за вскрытие его мифологии; и тут немало можно было бы установить аналогий и уравнений, если бы взяться за сопоставление всех «лунных» интуиций в различных религиях, искусствах и поэзии. Можно написать целую историю интуитивной мифологии луны; и этой увлекательной задачей займутся тотчас же, как только начнут серьёзно относиться к непосредственным восприятиям жизни и перестанут заслонять от себя жизнь просветительским верхоглядством и абстрактной метафизикой, материалистической или спиритуалистической. Выйдите на луг, когда над вами безоблачное летнее небо и когда луна одна парит в высоте, так что ни ветер, ни тучи, ни дождь, ни какое-нибудь особенное состояние атмосферы не отвлека-

ют вашего внимания, и вы можете сосредоточиться только на луне. Этот лунный свет в самом существе есть нечто холодное, стальное, металлическое. Он есть нечто электрическое и в то же время как бы нечто механическое, машинное; действительно – как бы просто свет ровно светящего дугового фонаря. Однако эта механика, несомненно, магична. Лучи, вы чувствуете, льются на вас волнами. Холод и механика оказываются внутренне осмысленными, сознательно направленными на вас. Этот свет действует так, как действуют над нами врачи, желая нас незаметно для нас самих усыпить, как пассы гипнотизёра. Лунный свет есть гипноз. Он бьёт незаметными волнами в одну точку, в ту самую точку сознания, которая переводит бодрственное состояние в сон. Вы чувствуете, что в темени у вас начинает делаться что-то неладное. Там темнеет и холоднее мозг, но не настолько темнеет, чтобы заснуть нам без сновидений, и не настолько холоднее, чтобы прекратилась жизнь. Вы не засыпаете, нет. Вы переходите именно в гипнотическое состояние. Начинается какая-то холодная и мёртвая жизнь, даже воодушевление, но всё это окутано туманами принципиального иллюзионизма; это – пафос бескровных и мертвенных галлюцинаций. Луна – совмещение полного окоченения и смерти с подвижностью, доходящей до иступления, до пляски. Это – такое ничто, которое стало металлом, пустота, льющаяся монотонным и неустанным покоем, галлюцинация, от которой не стынет кровь в жилах, но которая несёт вас в голубую пустоту какими-то зигзагами, какими-то спиралями, не вверх и не вниз, а влево и вправо, в какую-то неведомую точку, вовнутрь этой точки, в глубины этой точки. Чувствуется, как мозг начинает расширяться, как образуются в нём чёрные провалы, как из этих провалов встаёт что-то чёрное и светлое, как бы прозрачное, не то скелеты, не то звёздные кучи, не то огромные, со светящимися глазами пауки. Ощущается сначала лёгкая тошнота, потом томление усиливается. В груди тесно. Потом как бы всё пропадает, и становится скучно. Прохладно, пусто, сонно и – скучно. Но это ненадолго. Потом уже совершенно явственно начинается пляска скелетов с оскаленными зубами и длинными-предлинными руками. Нет уже никакой луны, никакого луга, нет ни вас, ни ночи. Только слышен стук скелетов друг о друга; и оскаленные рожи вертятся всё быстрее и быстрее, и их становится всё больше и больше. Они заполняют луг, землю, небо, они заполняют весь мир. То вдруг стук пропадает, и вся вакханалия происходит в абсолютной тишине; только луна, показавшись ненадолго в этой голубой бездне, лукаво кивает и моргает, зовёт и хихикает как ни в чем не бывало. То вдруг стук превращается в гром, и тогда кто-то оглушительно хохочет и высовывает красный язык, и вы как бы насильно лезете куда-то кверху и в то же время бьётесь головой о что-то твёрдое и чёрное. Холод и смрад, оборотничество и самоистязание, голубое и чёрное, гипноз и жизнь,

вихрь и тишина – всё слилось в одну бесшумную и окостеневшую галлюцинацию. Недаром кто-то сказал, что у бесов семя холодное.

Определённую мифологию имеет *солнечный свет*. Определённая мифология принадлежит *голубому небосводу*. Зелёный цвет деревьев, синий цвет далёких гор, лиловатый и красноватый цвет зимних сумерек, – всё это я мог бы изобразить здесь в подробном и наглядном виде. Однако увлекаться этим не стоит в очерке, преследующем одни лишь принципиальные цели. Можно разве указать на мифологию электрического света, так как поэты, спокон веков воспевавшие цвета и цветные предметы в природе, покамест ещё недостаточно глубоко отнеслись к этому механически изготавливаемому свету. А между тем в нём есть интересное мифологическое содержание, не замечаемое толпой лишь по отсутствию вкуса и интереса к живой действительности. Свет электрических лампочек есть мёртвый, механический свет. Он не гипнотизирует, а только притупляет, огрубляет чувства. В нём есть ограниченность и пустота американизма, машинное и матёрое производство жизни и тепла. Его создала торгашеская душа новоевропейского дельца, у которого бедны и нетонки чувства, тяжелы и оземленены мысли. В нём есть какой-то пафос количества наперекор незаменяемой и ни на что не сводимой стихии качества, какая-то принципиальная серединность, умеренность, скованность, отсутствие порывов, душевная одеревенелость и неблагоуханность. В нём нет благодати, а есть хамское самодовольство полужнания; нет чисел, про которые Плотин сказал, что это – умные изваяния, заложенные в корне вещей, а есть бухгалтерия, счетоводство и биржа; нет теплоты и жизни, а есть канцелярская смета на производство тепла и жизни; не соборность и организм, но кооперация и буржуазный по природе социализм. Электрический свет – не интимен, не имеет третьего измерения, не индивидуален. В нём есть безразличие всего ко всему, вечная и неизменная плоскость; в нём отсутствуют границы, светотени, интимные уголки, целомудренные взоры. В нём нет сладости видения, нет перспективы. Он принципиально невыразителен. Это – таблица умножения, ставшая светом, и умное делание, выраженное на балалайке. Это – общение душ, выраженное пудами и саженьями, жалкие потуги плохо одарённого недоучки стать гением и светочем жизни. Электрическому свету далеко до бесовщины. Слишком уж он неинтересен для этого. Впрочем, это, быть может, та бесовская сила, про которую сказано, что она – скучища пренебрежительная. Не страшно и не гадливо и даже не противно, а просто банально и скучно. Скука – вот подлинная сущность электрического света. Он сродни ньютоновской бесконечной Вселенной, в которой не только два года скачи, а целую вечность скачи, ни до какого атома не доскачешься. Нельзя любить при электрическом свете; при нём можно только высматривать жертву. Нельзя молиться при элек-

трическом свете, а можно только предъявлять вексель. Едва теплящаяся лампадка вытекает из православной догматики с такой же диалектической необходимостью, как царская власть в государстве или как наличие просвирни в храме и вынимание частиц при литургии. Зажигать перед иконами электрический свет так же нелепо и есть такой же нигилизм для православного, как летать на аэропланах или наливать в лампаду не древесное масло, а керосин. Нелепо профессору танцевать, социалисту бояться вечных мук или любить искусство, семейному человеку обедать в ресторане и еврею – не исполнять обряда обрезания. Так же нелепо, а главное нигилистично для православного – живой и трепещущий пламень свечи или лампы заменить тривиальной абстракцией и холодным блюдом пошлого электрического освещения. Квартиры, в которых нет живого огня – в печи, в свечах, в лампадах, – страшные квартиры».

е) «Тот, кто захочет в будущем говорить о мифологии природных светов и цветов и вообще тех или иных картин природы, должен будет, в первую очередь, изучить эту мифологию так, как она дана в искусстве, хотя миф ещё не есть поэзия. Нужно подметить закономерности в мифологии, например неба или ночи, несомненно характеризующие целые циклы поэтических представлений. Об этом уже пробовали писать, хотя устойчивой традиции ещё не образовалось, методы такого описания остаются большею частью невыясненными и самые материалы продолжают быть незначительными».

Далее А. Ф. Лосев в качестве примера приводит «те наблюдения, над зрительным восприятием природы Пушкина, Тютчева и Баратынского», которые делает *А. Белый* в книге «Символизм как миропонимание»:

«Возьмем *луну*. У Пушкина – она женщина, враждебно-тревожная *царица ночи* (Геката). Отношение поэта к ней мужественное. Она его тревожит, а он обращает её действие в шутку, называя её «*глупой*». В 70 случаях из 85 она – *луна* и 15 раз – *месяц*. Тютчев, наоборот, знает только *месяц* и почти не знает «*луны*». Он – «бог», «гений», льющий в душу покой, не тревожащий и усыпляющий. Душа Тютчева женственно влечётся за «*месяцем*» в «царство теней». Пушкинская «*луна*» – в облаках. Она – «невидимка», «затуманена». «Бледное пятно» её «струистого круга» тревожит нас своими «мутными играми». Её движения – коварны, летучи, стремительны: «пробегаёт», «перебегаёт», «играет», «дрожит», «скользит», «ходит» (небо «обходит») переменчивым ликом («полумесяц», «двурогая», «серп», «полный месяц»). У Тютчева нет «полумесяца», «серпа», но есть его дневной лик, «облак тощий». Месяц Тютчева неподвижен на небе (и чаще всего на безоблачном). Он – «магический», «светозарный», «блистающий», полный. Никогда не бывает, в противоположность частому пушкинскому словоупотреблению, «сребристым».

Бывает «янтарным», но не жёлтым и не красным, как временами у Пушкина. «Месяц» Тютчева – туманисто-белый и почти не скрывается с неба. Менее всего он «невидимка». Он – «гений» неба. Итак, перед нами два индивидуальных светила: успокоенно-блистающий *гений-месяц* и – бегающая по небу *луна*. У Баратынского образ луны бледен («серебрянен», как у Пушкина, и «сладостен», как у Тютчева) и проявлен только в «подлунных впечатлениях» души поэта, заставляющих его уверять: месяц «манит за край земли». Он больше всего в душе. А по небу ходит его слово пустое: *луна, месяц*, «разве что *ясные*», добавляет А. Белый.

Точно так же надо отметить и три солнца. Солнце Пушкина – «зарёй выводимое солнце: высокое, яркое, ясное», как «лампадный хрусталь» (в противоположность «луне» – облачной, мятущейся, страстной). У Тютчева, наоборот, в противоположность спокойному месяцу, солнце – «пламенно», страстно и «*раскалённо-багрово*». Оно – «пламенный», «блистающий» «шар» в «молниевидных» лучах. Это какое-то молниеносное чудище, сеющее искры, розы и воздвигающее дуги радуг. У Баратынского солнце (хотя и *живое*) как-то «нехотя блещет» и рассыпает «неверное» золото. Его зрительный образ опять-таки призречен и переходит из подлинного солнца, при случае, в «солнце юности».

Три неба: пушкинский «небосвод» (синий, дальний), тютчевская «благо-склонная твердь» (вместе и «лазурь – огневая») и у Баратынского небо – «родное», «живое», «облачное». Пушкин скажет: «Небосвод дальний блещет»; Тютчев: «Пламенно твердь глядит»; Баратынский – «облачно небо родное».

Сводя в одну синтетическую формулу картины природы, зримые тремя поэтами, А. Белый говорит, что три поэта следующим образом стали бы рисовать природу.

П у ш к и н. «Небосвод дальний блещет; в нём ночью: туманная луна в облаках; в нём утром выводится: высокое чистое солнце; и оно – как хрусталь; воздух не преодолагает дремоты; кипит и сребрится светлая ключевая, седая от пены, вода и т. д.». «Начало картины», говорит Белый, «сдержанно, объективно и чётко (даже – выглядит холодно)». «Пушкин сознательно нам на природу бросает дневной, Аполлонов покров своих вещих глаз». Он изучает природу и находит слова для её хаоса.

Т ю т ч е в. «Пламенно глядит твердь лазуревая; раскалённый шар солнца протянут в ней молниевидным родимым лучом; когда нет его, то светозарный бог, месяц, миротворно полнит елеем волну воздуха, разлитого повсюду, поющего грудь, пламенящего ланиты у девы; и – отражается в зеркальной зыби (в воде)». «Такова картина пламенных природных стихий в поэзии Тютчева; и по сравнению в ней – холодна муза Пушкина; но эта

пламенность – лжива; и та холодность есть магия при более глубоком подходе к источникам творчества Пушкина, пламенно бьются у Тютчева все стихии; и все образы, срываясь с мест, падают в душу поэта:

Всё – во мне; и я – во всём.

Почему же этой строке предшествует другая, холодная?

Час тоски невыразимой:

Всё – во мне; и я – во всём.

Потому что здесь речь поэзии Тютчева распадается в тёмные глаголы природы; а эти глаголы – лишь хаос! бурю красочных радуг взметает пред Тютчевым: мгла Аримана; перед нею Тютчев бессилён; наоборот: вооружён Пушкин – тут; он проходит твёрдо сквозь мглу; и из неё иссекает нам свои кристальные образы.

Б а р а т ы н с к и й. «На родном, на облачном небе холодное, но живое светило дневное; чистый воздух благоухает; неприязненна летийская влага вод; она восстала пучиной; нет солнца: и сладко манит луна от земли».

«Целостно овладение природой у Пушкина; а у Тютчева целостно растворение; этого овладения и этого растворения в поэзии Баратынского нет: у него природа раздвоена: лунные и водяные начала (начала страсти) бушуют в нём; и ему непокорны; в воздухе, солнце и в небе черпает он свою силу; и этой целебную силою (благоухающий его воздух – целебен) он убивает в себе: непокорные пучины страстей: воды; водопадные «застылые» влаги – висят над землею; а сама земля – в «широких лысынах бессилья» (выражение Баратынского); и только этой ценою ему очищается воздух – не пламенящий, тютчевский воздух, а благоухающий, свежий.

Тютчева природа страстна, «вода» Баратынского – кипение сладострастия, побеждаемого упорно; образом и подобием природных стихий повествует нам поэзия Баратынского об умерщвлении её плоти; увь, этой ценой, утрату воды и земли – подымается благоухание её чистого и целебного воздуха».

А. Ф. Лосев подводит следующий итог:

«Формулированные три мифологии природы – независимо от правильности или неправильности интерпретации А. Белого – могут служить хорошим примером вообще возможной мифологизации природных явлений. На критике такой узкой и неталантливой теории, как солярная и метеорологическая, мы учимся, как распознавать подлинную мифологию природы и как находить её в других неприродных мифологических образах» и ещё раз повторяет основной вывод данного параграфа «о том, что миф никогда не есть только схема или только аллегория, но всегда, прежде всего, символ, и, уже будучи символом, он может содержать в себе схематические, аллегорические и усложнённо-символические слои».

Затем А. Ф. Лосев останавливается на «одном из коренных убеждений огромной части исследователей» – отождествлении мифологии и поэзии.

VI. Миф не есть поэтическое произведение.

1. Сначала А. Ф. Лосев указывает «главнейшие черты *сходства*». Во-первых, и мифический и поэтический образ суть «виды *выразительной формы*». «Выражение – арена встречи двух энергий, из глубины и извне». Слово – «всегда есть выражение, понимание, а не просто вещь или смысл сами по себе». «Слово всегда глубинно-перспективно, а не плоскоотно. Таков же и миф». А. Ф. Лосев доказывает, что по линии выражения, т.е. аллегории, схемы и символа, невозможно провести грань между мифологией и поэзией, поскольку и мифический, и поэтический образ может быть и схемой, и аллегорией, и символом.

2. Далее А. Ф. Лосев обращает внимание на то, что мифология и поэзия – «это не только выражение, но и *одушевлённое, одухотворённое* выражение». «Всякое искусство таково. В самых простых очертаниях примитивного орнамента уже заключена живая жизнь и шевелящаяся потребность жить. Это не просто выражение. Это – такое выражение, которое во всех своих извивах хочет быть одухотворённым, хочет быть духовно свободным, хочет стремиться к освобождению от тяжести и темноты неодухотворённой и глухонемой, тупой вещественности. Такова же и мифология... Однако тут надо уметь убеждаться от грубо натуралистического понимания поэзии и мифологии.

Именно, нельзя сказать, что сущность поэзии заключается в изображении *прекрасного* или *одухотворённого*, т. е. нельзя сказать, что *сущность поэзии заключается в тех или других особенностях её предмета*... Всем известно, что предмет её может быть и безобразен или мёртв. Стало быть, поэтичен не самый предмет, к которому направлена поэзия, но *способ его изображения, т. е.*, в конце концов, способ его *п о н и м а н и я*. То же самое мы должны сказать и о мифологии... *Мифического образа нет самого по себе*, как нет вещи, которая бы уже сама по себе была прекрасна... И по этой линии также невозможно провести грань между мифологией и поэзией. Они обе живут в одухотворённом мире, и эта одухотворённость есть способ проявления вещей, модус их оформления и понимания. Ни в мифологии, ни в поэзии вовсе не обязательно *всеобщее одушевление*... Мифически живущие и чувствующие люди прекрасно отличают одушевлённые предметы от неодушевлённых, и они вовсе не такие уж сумасшедшие, которые палку принимают за живое существо, а в животном ничего не видят, кроме неодушевлённого механизма. Последнее, правда, свойственно «дикарям», но только другого рода «дикарям», материалистам. Итак, между мифологией и поэзией то коренное сходство, что по способу созидания и

оформления своего предмета это суть «выразительные» акты, которые являются в то же время *интеллигентно-выразительными*, т.е. само их понимание вещей приводит последние к помещению в некоторую одухотворённую, живую среду, независимо от характера самих этих вещей».

3. Затем А. Ф. Лосев обращает внимание на то, что «и поэтическое и мифическое бытие есть бытие *непосредственное*, невыводное. Образ и в поэзии и в мифологии не нуждается ни в какой логической системе, ни в какой науке, философии или вообще теории. Он – наглядно и непосредственно видим. Выражение дано тут в живых ликах и лицах; и надо только смотреть и видеть, чтобы понимать». И поэзия, и мифология «одинаково непосредственны, наглядны, просты и картинны».

4. Затем А. Ф. Лосев сравнивает поэзию и мифологию с точки зрения общего для них обоих признака *отрешённости*. «Когда на театральной сцене изображается пожар, убийство и прочие бедствия или преступления, – мы отнюдь не кидаемся на сцену с целью помочь бедствию или избежать его, с целью предотвратить преступление или изолировать его. Мы остаёмся сидеть на своём месте, что бы на сцене ни изображалось. Таково же и вообще искусство. Оно живёт действительно «незаинтересованным удовольствием», и в этом Кант тысячу раз прав. Этим нисколько, конечно, не решается и даже не затрагивается вопрос об общественном значении искусства. Общественное значение может иметь ведь и «незаинтересованное наслаждение». И даже чем больше искусство отрывает нас от «действительности» и «интереса», тем, зачастую, больше платим мы за это искусство и тем больше иногда играет оно общественную роль... Несомненно, некоего рода отрешённость свойственна и мифологии... При всей своей живости, наглядности, непосредственности, даже чувственности миф таит в себе какую-то отрешённость, в силу которой мы всегда отделяем миф от всего прочего и видим в нём что-то необычное, противоречащее обыкновенной действительности, что-то неожиданное и почти чудесное».

5. «Но как раз в сфере отрешённости и проходит основная грань различия между мифологией и поэзией. Ни выразительность формы, ни интеллигентность, ни непосредственная наглядность, ни, наконец, отрешённость, взятые сами по себе, не могут отличить миф от поэтического образа. Только по типу этой отрешённости, а не по ней самой как таковой можно узнать, где миф и где поэзия, где мифическая и где просто поэтическая фантазия... Мифический субъект *бросается* на сцену, а не сидит, занятый безмолвным её созерцанием. Поэтическая действительность есть созерцаемая действительность, мифическая же действительность есть реальная, вещественная и телесная, даже чувственная, несмотря ни на какие её осо-

бенности и даже отрешённые качества... Это значит, что тип мифической отрешённости совершенно иной, чем тип поэтической отрешённости... В поэзии же уничтожается сама реальность и реальность чувств и действий, и мы ведём себя в театре так, как будто бы изображаемого на сцене совершенно не было и как будто бы мы в этом совершенно ни с какой стороны не заинтересованы. Для мифа и мифического субъекта такое положение дела совершенно немыслимо... Миф, таким образом, совмещает в себе черты как поэтической, так и реально-вещественной действительности... Фантастика, небывалость и необычайность событий даны здесь как нечто простое, наглядное, непосредственное и даже прямо наивное».

6. «Итак, миф не есть поэтический образ; их разделяет характер свойственной тому и другому типу отрешённости. Но для полного уяснения этого взаимоотношения поставим такой вопрос: возможен ли поэтический образ без мифического и возможен ли мифический образ без поэтического?»

На оба вопроса А. Ф. Лосев отвечает положительно.

«Борис Годунов и Евгений Онегин у Пушкина суть несомненно поэтические образы; тем не менее, в них нет ничего странного, необычного, отрешённого в мифическом смысле. Это – поэтически-отрешённое бытие, но не мифически-отрешённое... Поэтическая действительность довлеет сама себе; и она – в своей отрешённости – совершенно самостоятельна и ни на что не сводима...

Труднее ответить на вторую половину поставленного выше вопроса: возможна ли *мифология* без поэзии? Не должен ли образ быть *сначала* поэтическим, а потом уже, после прибавления некоторых новых моментов, мифическим?.. На первый взгляд проще всего мифический образ получить из поэтического путём добавления соответствующих моментов и, стало быть, трактовать поэтический образ как нечто необходимо входящее в состав мифического образа. Ближайшее рассмотрение, однако, этому, по-видимому, противоречит. Именно, обратим внимание на тот несомненный факт, что *мифическим характером обладает не только поэзия*. Мы, например, видели уже в предыдущем изложении, что мифические черты может содержать и всегда содержит *поэтивная наука*. Это не значит, что она сначала должна быть поэзией или содержать поэтические элементы, а потом это приведёт её к мифологии. Нет; наука, видели мы, мифологична сама по себе, только благодаря своему существованию в гуще исторического процесса, а не потому, что она – поэтична. Стало быть, мифология как будто нисколько не нуждается в поэзии».

7. А. Ф. Лосев раскрывает природу мифической отрешённости.

«Мы уже говорили об отличии мифического отрешения от поэтического. Стало быть, если в нём и содержатся какие-нибудь черты поэтической

отрешённости – выключим и их и оставим голую и беспримесную *мифическую* отрешённость... Какова *структура* чистой и голой мифической отрешённости?

Мифическая отрешённость есть отрешённость от смысла и идеи повседневных фактов, но не от их фактичности. Миф фактичен ровно так, как и все реальные вещи; и если есть какая-нибудь разница между мифической реальностью и фактической, вещественной реальностью, то вовсе не в том, что первая – слабее, менее интенсивна и массивна, более фантастична и бесплотна, но скорее именно в том, что она – сильнее, часто несравненно более интенсивна и массивна, более реалистична и телесна. Стало быть, единственная форма мифической отрешённости – это отрешённость *от* смысла вещей... Волосы, когда их выметают вместе с прочим сором в парикмахерской, и волосы как амулет – ровно ничем не отличаются по своей фактической реальности. И в том и в другом случае это – самая обыкновенная и простая вещь. Но волосы как *амулет*, как носители души или душевных сил или как знаки иных реальностей получают новый *смысл*, и с ними поэтому иначе и обращаются. Нельзя, например, быть настолько нечутким, чтобы не видеть разницы между стеарином и воском, между керосином и деревянным маслом, между одеколоном и ладаном. В стеарине есть что-то прикладное, служебное, к тому же что-то грязное и сальное, что-то нахальное и самомнительное. Воск есть нечто умильное и тёплое; в нём кротость и любовь, мягкосердие и чистота; в нём начало умной молитвы, неизменно стремящейся к тишине и теплоте сердечной... Одеколон же вообще существует только для парикмахеров и приказчиков и, может быть, только ещё для модных протодиаконов. Так, молиться со стеариновой свечой в руках, наливши в лампаду керосин и надушившись одеколоном, можно, только отступивши от правой веры. Это – ересь в подлинном смысле, и подобных самочинников надо анафемствовать. Таково же и значение бороды... Мифический смысл вещи не мешает ей быть вещью, а скорее наоборот, как-то подчёркивает её вещность. «Честная брада» и «скоблёное рыло» одинаково суть реальности; только одно – хорошая реальность, а другое – дурная. – Итак, мифическая отрешённость есть отрешённость фактов по их *идее* от их обычного идейного состава и назначения».

8. «Это мы уже знаем и сейчас только вспомнили об этом. Что вытекает отсюда для структуры мифической отрешённости или мифически-отрешённого слоя в любой другой структуре сознания?

а) Раз дана такая отрешённость, то, в чём бы она ни заключалась, она *объединяет вещи в каком-то новом плане, лишая их присущей им естественной раздельности*. Ковёр – некая вещь естественного распорядка. Летание

по воздуху – некий реальный процесс определённого естественного распорядка (для птиц, насекомых и прочих). Но вот «ковёр» и «лётание по воздуху» объединяются в один образ. Что это значит? Это значит, что, несмотря на всё их естественное различие и в некотором смысле даже несоединимость, они *объединяются* тут согласно особой *идее* объединения, и их естественное различие уже значительно померкло. При этом идея, их объединившая, сделала их *отрешённым* бытиём, перевела их из сферы обычных вещей и процессов в сферу отрешённую. Есть, следовательно, какая-то общая точка схождения этих вещей, какой-то общий и единый взгляд на них, в котором моментально потухает их естественная непримиримость, и они вдруг оказываются сразу объединёнными и примирёнными.

б) Отсюда следует, что мифическая отрешённость предполагает некую чрезвычайно простую и элементарную *интуицию*, моментально превращающую обычную идею вещи в новую и небывалую. Можно сказать, что каждому человеку свойственна такая специфическая интуиция, рисующая ему мир только в каком-то особенном свете, а не как-нибудь иначе. И потому мифическая отрешённость есть явление исключительное по своей *универсальности*. В каждом человеке можно заметить, как бы ни была богата его психика, эту одну общую линию понимания вещей и обращения с ними. Такая линия свойственна только ему и никому больше. На любом писателе это можно проверить и показать... Эта основная и примитивная интуиция есть нечто *совершенно простое*, нечто совсем, совсем простое, как бы только один взгляд на какую-нибудь вещь. Это действительно взгляд, но не на ту или иную вещь, а взгляд вообще на всё бытие, на мир, на любую вещь, на Божество, на природу, на небо, на землю, на свой, наконец, костюм, на еду, на мельчайший атом повседневной жизни, и даже, собственно, не взгляд, а какая-то первичная реакция сознания на вещи, какое-то первое столкновение с окружающим... И можно сказать, что миф, если выключить из него всякое поэтическое содержание, есть не что иное, как *только общее, простейшее, до-рефлексивное, интуитивное взаимоотношение человека с вещами*. Реально ощутить эту до-рефлексивную реакцию можно на примерах нашего повседневного общения с чужой психикой. Вот человек плачет или смеётся. Как мы это воспринимаем? Взглянувши на лицо человека, мы сразу, без всякого вывода, – можно сказать, почти мгновенно – схватываем это страдание или этот смех. В нас ещё нет *мысли* о страдании, но мы уже точнейшим образом констатировали страдание этого человека. И не только констатировали, но уже и особенным образом отнеслись к нему, оценили его. *Мысль* же о страдании появляется уже в дальнейшем... Таково же наше восприятие и вообще всей и всякой чужой индивидуальности... Лер-

монтов гениально пронаблюдал, что у солдата, который должен быть убит в сегодняшнем сражении, уже с утра появляется какое-то особенное выражение лица, не замечаемое обычно ни окружающими, ни им самим. «Прозорливость» у религиозных и часто даже совсем нерелигиозных натур – общеизвестна, и не стоит тут приводить никаких примеров. Это – различное по глубине и широте – прозрение в чужую психику и даже в её судьбы всякий не раз встречал в жизни и в литературе, как бы ни старались некоторые уродливые теории отрицать непосредственность восприятия чужой психики. Но точно таково же и *мифическое* воззрение и прозрение в вещи. Миф тоже вырывает вещи из их обычного течения, когда они то несоединимы, то непонятны, то не изучены в смысле их возможного дальнейшего существования, и погружает их, не лишая реальности и вещественности, в новую сферу, где выявляется вдруг их интимная связь, делается понятным место каждой из них и становится ясной их дальнейшая судьба.

с) В связи с этим особенное значение приобретает самый термин «отрешённость». Сейчас мы можем сказать, что он далеко не точно выражает свой предмет, так как это – настолько же отрешённость, насколько и образная конкретность. В самом деле, с точки зрения *чего* тут говорится об отрешённости? Отрешённость тут – от чего? От обычной идеи, обычных вещей и явлений, сказали мы. Но что такое обычная идея и что такое обычные вещи? Не есть ли это простая условность? Не бывает ли так, что одна и та же вещь в одно время обычна, а в другое время – совершенно необычна и неожиданна? Конечно, содержание этого термина есть нечто в величайшей мере относительное и условное. Обычное иной раз оказывается чрезвычайно загадочным, даже чудесным, из ряда вон выходящим, а ведь оно остаётся всё тем же обычным. Ясно, что лучше говорить не о мифической отрешённости, но о том, что *всё на свете вообще*, всё существующее, начиная от мельчайшей и ничтожнейшей вещи и кончая миром в целом, *есть та или иная степень или качество мифической отрешённости*. То, что мы называем обычным течением вещей, есть тоже результат некоего нашего мифического взгляда, так как и здесь вещи всё же не даны в своих изолированных функциях и не даны как отвлечённые понятия, но мы видим некую их подчинённость тем или другим идеям, пусть не очень ярким и не очень глубоким...

Из всего вышесказанного следует, что «мифическая отрешённость» есть просто *отрешённость от чисто отвлечённого и дискретного существования*. Она есть та специальная сфера, в которую погружаются отвлечённые понятия, чтобы превратиться в живые вещи живого восприятия. Миф, видели мы, есть живое, выразительное и символически-выразительное, интеллигентно-выразительное бытие...».

В данном выпуске альманаха мы привели конспект только шести первых параграфов, т. е. примерно четвертую часть работы А. Ф. Лосева, если учесть, что в последнем, четырнадцатом, параграфе А. Ф. Лосев только намечает изучение диалектики абсолютной мифологии. Абсолютной мифологии была посвящена другая работа А. Ф. Лосева – Дополнение к «Диалектике мифа», не полностью сохранившаяся и частично вошедшая в другие работы. В Дополнении к «Диалектике мифа» А. Ф. Лосев дает ещё одно, своё, доказательство бытия Бога. Конспект остальных (7 – 14) параграфов «Диалектики мифа» и уцелевших частей Дополнения мы намерены привести в следующих выпусках альманаха. Наша цель – мотивировать тех, кто намерен профессионально заниматься тем или иным родом искусства – серьёзно изучать Русскую философию от Соловьёва до Лосева. Без усвоения основ русской философии, с нашей точки зрения, не может быть сколько-нибудь серьёзного художественного творчества.

Стихотворения Алексея Фёдоровича Лосева

* * *

Я просыпаюсь в ранний час,
Когда меж снами и дневною
Тщетою тайны возле нас
Душе глаголят тишиною.

Ты знаешь эту тишину:
Она сгибает нам колени,
Будя в груди у нас весну
Неведомому восхвалений.

Мой друг, мне хорошо тогда
В моей простой и детской вере:
Я вижу мир – в ином всегда,
В пустом пространстве не затерян.

И с радостью мой новый день
Я словом верным начинаю:
Мне драгоценна эта сень,
Которую я с детства знаю.

π³ ο πλατωνισμός ο πατριωτισμός ο πνευματισμός

И мирные ночей сверчки
В своих часовенках застенных –
Глуши невзрачные дьячки –
О тех же тайнах сокровенных.

* * *

У меня были два обручения,
Двум невестам я был женихом.
Может оба златых облачения
Запятнал я, в безумстве, грехом.

Но мои обе светлых невесты
Были нежны так и хороши,
Что они обнялись и вместе
Сохранили мне правду души.

Я пришёл возле них, столь же юным,
Как и был, к этой вот седине,
Что ещё прикасаюсь к струнам,
Что ещё поклоняюсь весне.

И одна мне дала в моих детях
Несказанную радость отца,
А другая – живую в столетях
Мысль и мудрость и жизнь без конца.

Работа Елены НОВИКОВОЙ

*ОТ РЕАЛЬНОГО
К РЕАЛЬНЕЙШЕМУ*

Работа Марии СЕЛЕДЧИК

Антон АЛЕКСАНДРОВ

Выпускник СПб ГЭТУ Императора Александра III

*Член оргкомитета поэтического конкурса имени Великого Князя
Константина Константиновича (К. Р.)*

* * *

Мы любим музыку гробниц,
Тенистых кладбищ запустенье.
На бледных масках наших лиц
Заметно смерти дуновение.

Мы так загадочно нежны,
Мы так доверчиво красивы,
И только нам ещё слышны
Печальных песен переливы.

Для нас мерцают до зари
Во мраке лунные дорожки.
Мы бродим там и говорим
Словами мягкими, как кошки.

Чёрная лилия сада теней

Жизнь отдавая мечтам и сомнениям,
В едком дыму средь безликих камней
Верю, что встречу в другом измерении
Чёрную лилию сада теней.

В мире, истерзанном вечными войнами,
Мне остаётся лишь грезить о ней.
Ждёт меня где-то изысканно стройная
Чёрная лилия сада теней.

В тёмных пределах страны неизбежного
Мягко лелеет закат моих дней
Странно безмолвная, губительно нежная
Чёрная лилия сада теней.

Валерия КОКОВКИНА «Роза»

Нимфа девственных лесов

Мы в дикой чаще ставим сеть
Для грёз ночных – крылатых снов.
О, дай мне силы улететь
В бездонный мир твоих зрачков!

Ты – нимфа девственных лесов,
И ты вплетаешь в свой обряд
И танцы синих огоньков,
И можжевеловый закат.

Мы в ночь нырнём как в океан,
И мы разделим на двоих
Брусничный розовый туман
С зелёным запахом хвои.

Видение сэра Ланселота Озёрного

Я покинуть хотел колдовские леса,
Я бродил по окраинам мира,
Но зеркальных озёр неземные глаза
Мне являли обличье кумира.

Превращались в круги потревоженных вод
Миражи из чужих измерений,
И фантазий пустых бесконечный полёт
Потянул меня в омут лишений.

Я склонился к воде, я лицом к ней приник,
Ускользающий образ растаял.
Из бездонных глубин оборвавшийся крик
Распугал перелётную стаю.

На щеках у меня жемчугами блестят
Очертания лика любимой
И куда-то уводит мистический взгляд,
Обрекая на жизнь пилигрима.

Крест на вершине горы

Грежу видением странным:
В сумерках летней поры
Тонет в объятьях тумана
Крест на вершине горы.

Рядом в молчанье печальном,
Призрачна, как волшебство,
Девушка в платье венчальном
Смотрит с мольбой на Него.

Скалы немые и угрюмые,
Мрачен чертог тишины,
Словно греховные думы,
Лики ущелий темны.

Марево дымно-бесплотно,
Смутно предчувствие сна,
Будто под небом холодным
Есть только Крест и Она.

Но приоткрылись неожиданно
Двери в иные миры...
Тонет в объятьях тумана
Крест на вершине горы.

Анастасия АНДРЕЙЧУК

* * *

Этот голос мне слышится ночью,
Этот образ мне снится во сне,
Словно ангел приходит порочный
Исповедоваться ко мне.

Его шёпот ласкающе-томный,
Его крылья как сажа темны,
Он приходит как пёс бездомный,
Завороженный зовом луны.

Он приходит такой белоснежный,
Разгоняя сумрачный дым,
Но какой же он всё-таки грешный
Рядом с сыном невинным моим.

Виктория БАЗЛОВА-БОРЩЕВСКАЯ

Песня

Нежно-небывалая отрада...

Николай Гумилев

А бесконечность – брюнетка.

И моя жена.

Вячеслав Дробков

Журавка-милая устанет ждать.
И верный конь один вернётся к дому.
Сегодня я останусь ночевать
У той, с которой мы едва знакомы.

К ней запросто по шляху не дойти.
Там не гостят земное зло и скверна.
В её зрачках – все Млечные Пути.
И каждая пылинка там бесценна.

А ночь прямых распущенных волос
Сильнее ветра и дороже шёлка.
Там, рядом с ней, похоже, всё сбылось.
И до рассвета – бесконечно долго.

Она ни слова не промолвит мне,
Когда мы подниматься станем выше.
И в той неоспоримой тишине
Иные клятвы суждено услышать.

Холодное тепло её руки
Любую рану навсегда излечит,
Когда в степи мерцают светляки,
Бесшумно капли звёзд летят на плечи.

Работа Виктории БАЗЛОВОЙ-БОРЩЕВСКОЙ

Мария БЕЗРУЧКИНА

Мой мир

Злая реальность давит на душу,
Давит на сердце, на разум и плоть,
И негде укрыться ни в зной и ни в стужу.
Кто мне поможет? Только Господь.

Найду утешенье я в книге волшебной –
Забуду волненья, заботы и страх.
Там всё распускается веточкой вербной,
А зло, отступив, рассыпается в прах.

Страница одна, и другая, и третья,
И не оторваться от книги опять.
Я помню, что там! Я не помню о смерти!
И хочется мне лишь читать и читать.

Забыться б навечно, уплыть в море Солнца,
Волшебных искусств, колдунов и огней,
Остаться бы в этом глубоком колодце,
В том мире эльфов, волшебниц и фей.

Где добрый герой побеждает злодея
И все помогают друг другу всегда,
Где борются с ведьмами, в правду лишь веря,
Где злых чародеев ждёт только беда.

Там в небе летают драконы и грёзы,
Там вместо комет – златовласки и лёд,
И по облакам, как по лестнице звёздной,
Ты к радуге мчишься, вперёд и вперёд.

Качаться на месяце, звёзды считая,
В светящихся лилиях спать на полях;
И даже холодное сердце оттаёт,
Когда ты как птица летишь в небесах.

Миры приключений полны и загадок,
Ведь там испытания блещут во тьме.
Сбежать бы туда, и без всяких оглядок
Остаться навечно в том радужном сне.

Но так невозможно, и нужно смириться,
 Живёт кто-то там, а я жить буду здесь,
 И нужно в Свой мир непременно влюбиться,
 А тот – пусть лишь снится, как дальняя весть.

Елизавета БЕЛЯНИНА

* * *

По тем же улицам, вдоль тех же серых стен
 Стучит мой шаг, и бьётся пульс быстрее.
 И старых мыслей бесполезный плен
 Вдруг чувствуется жёстче и острее.

Со дна сознания, из самой глубины
 Потянет ветром, колким и холодным,
 И два пореза по краям спины
 Вдруг заболят под действием погодным.

Как будто вырвавшись из погребца обид,
 Воспоминанья выплывут на волю.
 И хоть казалось, голос в нём убит,
 Моё мне сердце скажет: «Я всё помню».

Дарья БЕРТОВА

Оптимистическое

А сломанная жизнь – в спираль скрутилась
 И от витка к витку по ней кружу:
 Была мечта, как водится, разбилась...
 И с этих пор с мечтами не дружу.

Была любовь... А может, нет... Кто знает...
 Тут утверждать я что-то не рискну.
 Ну а с любовью часто так бывает:
 Прошла, пропала, где-то ждет весну...

Была надежда: «Счастье будет скоро»,
 Но «скоро» – не спешило наступать.
 Надежда умерла и стала сором:
 Что суждено – того не миновать...

И нет мечты, любви, надежды нету...
И все же жизнь – прекрасна – вот комизм:
Я радуюсь весне, зиме и лету,
Ведь главное по жизни – оптимизм!

Марина ГАДЖИЕВА

Новый вдох

Вдохновение пахнет дождём,
Вдохновение можно послушать:
Стук ритмичных шагов под окном,
Ароматные брызги по лужам.

Вдохновение – это когда
Бард под нос напевает картинку.
А с ресницы стекает вода –
То ли слёзы, а то ли дождинки.

Вдохновение – это мгновенье,
Столь же краткое, что и вдох,
Ветерка и души дуновенье,
Бесконечное, словно Бог...

Вера ГАЙДАР

Разговор с Ангелом

– Что у тебя с настроением? Что с лицом?
– Всё хорошо... ничего... просто дождь за окном.
– А почему на щеке заблестели слезинки?
– Да всё в порядке... просто в глазу соринка...
– SMS-ка пришла! Почему не ответишь?
– Это уже бесполезно, ты разве не видишь?
– Падает звёздочка, ты же о чем-то мечтаешь?
– Да, но желанье моё ты не угадаешь...
– Можно спросить: как ты думаешь, кто я такой?
– Знаю, ты Ангел.... Зачем говоришь ты со мной?
– Я лишь хочу, чтобы ты перестала бояться!
– Но это сложно... не хочется даже смеяться...
– Ангелам тоже, бывает нередко, взгрустнётся,
Но, стоит взлететь, и улыбка к ним снова вернётся!

И у тебя тоже крылышки были, но только вчера.
Ты где-то оставила их и пока не нашла...

Екатерина ДУБКОВА

* * *

За окном мелькают тени,
Отпечатки прошлых лет...
Неземных переплетений,
Этот мир сойдёт на нет.

Параллельно-перекрёстно
Наши два идут пути
Вечно долго... и непросто
Выход нам с тобой найти.

Марина ЕВТЮХИНА

Выпускник МГИАИ

Ни дня без строчки

* * *

Светает.
Опять та же ворона на том же дереве.

* * *

Дом напротив моего окна
перечеркнут ветками деревьев,
как неудавшийся текст.

* * *

От перемен в погоде крыжовник стал слаще винограда.
От перемен в жизни сводит скулы.

* * *

Мы с дочкой излишне строги друг к другу.
Вместе нам всегда тесно.
Она даже родилась на три недели раньше срока.

* * *

Как собака в стойке застываю перед явлением стиха.

* * *

Обессилев в потоке мыслей, отдалась их течению.
Вынесло.

Юлия ЖИВОЛУПОВА

* * *

Что гроз не вечные оковы?
Всё время – вспять – по камням вброд.
Пусты немые разговоры,
Что прошлое к нам не придёт.

Всю жизнь по кругу в этом цикле
Бежим и, падая, встаём.
К течению времени привыкли
И словно по реке плывём.

Как крик младенца в колыбели
Затихнет в предрассветный час,
Так временные карусели
– Все! – остановятся для нас!

Лишь только ты глаза закроешь –
О чудо! Вспомнишь о былом...
Лицо в реке времён умоешь
И сядешь в прошлого паром.

И с отражёнными мирами
Поймёшь ошибки все свои,
Что были за семью замками,
Что осознать боялся ты.

Под водопадом впечатлений
И под дождём приятных снов,
Сойдёшь ты с этой карусели,
Освободившись от оков!

Татьяна ЗАХАРЧЕНКО

* * *

На пороге завтрашнего дня
Встретились мы вечером вчерашним,
Чтобы из-под ног ушла земля
Чтобы стало прочее неважным...

Чтобы где-то вспыхнула на миг,
Ослепляя молнией, Надежда,
Чтобы мир рокошующий притих,
Встретив новорожденную Нежность...

Чтобы где-то старый, мудрый Бог
Отодвинув рукопись столетий,
На секунду выглянул в окно,
Улыбнулся, нас вдали заметив...

Чтобы ветер разметал листы
С прежними, ненужными стихами,
Чтобы были только я и ты –
И святое нечто между нами.

* * *

Я словно маленький Будда
Навечно перерождён.
И кажется мне, как будто
И я просветлён.
Как он.

Я словно бы окунулся
В одну из священных рек.
Во мне обострилось чувство,
Что я человек.
Навек.

Я словно сорвал повязку
Слепого с глаз.
И всё вижу в новых красках.
Как вижу сейчас
И вас.

Олег ИЛЬИН

* * *

Унеси меня вдаль,
Как Харон на последнем пароме.
Чтоб не видеть ни зги
В пустотелой ночной тишине.

Чтоб я чувствовал Ночь,
Ничего не желающей кроме
Моего восхищенья в душе,
Обращённого к ней.

Унеси меня в Ночь,
Убаюкана тёмным пространством,
Что мешает уснуть,
Пред глазами во тьме шевелясь.

И тяжёлая Вечность
С тяжёлым своим постоянством
Воцарилась в пространстве,
И яблоку негде упасть.

Я люблю вспоминать
Первозданность в первичном наряде,
Ощущать невесомость
Осколков вселенского льда.

И увидеть внезапно
В таинственном, тихом обряде
Зарождение жизни —
Сейчас, наовсем, навсегда.

Расцветают цветы,
Улыбаются тихие зори.
Поднимается Солнце —
Глубокое море тепла.

И тихонько на луг,
Взявшись за руки, Первые Двое
Осторожно выходят,
Чтоб жизнью напиться сполна.

Наталия КЛИВАК

Магистрант ФЭМ СПб ГЭТУ Императора Александра III

*К 23 Февраля и 8 Марта
(для газеты «Электрик»)*

* * *

Интересуются все ныне,
Каким же должен быть мужчина?
А я считаю, чтоб был мил,
Любя всегда цветы дарил,
Чтоб ухаживать уметь,
Был умен, красив и смел.
Чтобы был во всём опорой,
Избегал с женою ссоры,
Чтоб Отечество любил,
Кроме праздников не пил.
Был примером для детей
И надёжным для друзей,
Чтоб здоровье и успех
Демонстрировал для всех.
Чтоб судьбу свою нашёл,
И всё было хорошо!

Работа Наталии КЛИВАК

Алексей КОРОЛЁВ

Читая А. Ф. Лосева

1.

Моя луна – не та, что в небесах,
Она мне светит из другого мира.
Разбрызганный в зеленоватых тлях,
Её огонь на розовых стеблях
Теплей, чем пальцы Эос у Омира.

Её лучи я чувствую впотьмах
Стрекочущих садов трескучей ночью,
Тяжёлый бражник мечется в корчмах,
Сиреневый на пепельных крылах,
Летит ко мне, вот он, со мной, воочью,

И мне принёс другие времена,
Там память расслоилась, как пространство,
Вся жизнь единовременно видна,
Как эпика мгновеннейшего сна
И детская наивность протестанства.

Нам нет преград при выборе пути,
Но трёх дорог мы не осилим разом,
И по которой вздумаем пойти,
И где и как чему произойти,
Конечно же, предвидит чей-то разум.

Так Цезарь рвёт и мечет у реки,
Не зная, что итог его метаний
Давно записан в летопись тоски,
Но замерли неверные полки,
Не верящие в фатум предсказаний.

2.

*Свято верь в её крест побеждающий,
В её свет, лучезарно спасающий...*

С. Я. Надсон

Я не верю в посмертье, ни в то, что посмертия нет.
Басням бедного Тита Лукреция Кара не верю,
Как не верую в разум, не верю, что разума нет,
И в первичность материй безликих и вовсе не верю.

Верю только в любовь – «лучезарно-спасающий свет» –
И в его несовместность с какой-либо чувственной жаждой,
Верю в тождество веры и мысли, в её вечно Новый Завет,
Вечно свежий и юный, с тех пор, как Он явлен однажды.

Сергей КОПЫТКИН

Белая Дама

В дворцовых покоях Потсдама,
Когда император уснул,
Зловещая Белая Дама
Смутила ночной караул.

Сверкали на ней бриллианты,
Шумел белоснежный волан,
И впали в испуг лейтенанты,
Дрожал трёхаршинный улан.

Вцепившись в тяжёлые рамы,
Зажмурили очи скорей
При виде таинственной Дамы
Курфюрсты немых галерей.

Был старым Вильгельмам и Фрицам
Не по сердцу странный визит.
Потсдамским владетельным лицам
Он страшным несчастьем грозит.

Князёк Гогенцоллерн когда-то
Сгубил на пиру в старину
Жену молодого магната,
Московского рода княжну.

Она закололась у спальни,
Томимая гневным стыдом.
Был найден в придворной читальной
Загадочный свиток потом.

И грамота та отмечала
Коварного рода судьбу:
Он будет возвышен сначала,
Победно закончив борьбу,

Возьмёт золотую корону,
Получит великую власть.
Но сказано – прусскому трону
От холодной Московии пасть.

По древним покоям Потсдама
Под утро при свете луны
Зловещая Белая Дама
Прошла накануне войны.

Татьяна ЛАПИНА

* * *

Лене Павловой

Если нá сердце ненастье
Или жизнь заерундит,
Открывай семь букв на счастье –
Поиграем в «эрудит».

Пусть не сразу и не часто,
Сквозь ошибки, вновь и вновь
Ставь на синей клетке «счастье»,
А на красную – «любовь».

Кн. Мария МЕЩЕРСКАЯ

Магический свет

В тиши и во мраке ночном
За нами, за нами, след в след,
Невидимым серым котом
Ступает магический свет...
Он ярок и необратим,
Невидим, чернее угля,
И мягким сияньем своим
Зовёт за собою меня.
Я прыгну, и звёзды звенят,
В росистой укрывшись траве...
И мягкий, дурманный яд
Таится в моей голове.
Так тихо. В небесной дали
Кружатся золотые стада...
И все эти звёзды – мои!
Ловите же их, господа!
Ловите-ловите, ведь я
Вся так невозможно щедра.
Бежит золотая змея
По волнам – луна!
И странный, магический свет
Дурманит, пугает, пленит...
А мне б засмеяться в ответ –
Где эхо звенит...

И тает, слетая во тьму.
 Ступайте за мной, господа!
 Под иву на старом пруду,
 В платке серебра...
 А я – отраженье в воде,
 Я прыгну – и рыбой в волну –
 Растаю, как тень в глубине,
 Разбив на осколки луну...
 А звёзды гроздьями висят
 И светится призрачный лес.
 Звериные шорохи спят
 В траве до небес...
 И я – черноокая ночь.
 Бесшумно ступая, след в след
 Несу из бесцветия прочь
 Незримый, магический свет...

Мария МИРОНОВА

Звезда

Яркая звезда на тёмном небосводе
 Светит, будто манит и зовёт...
 Вереница мыслей в быстром хороводе
 В память о прошедшем унесёт.

 Снова нежно замелькают тени счастья,
 Снова по душе бежит тоска,
 Снова окажусь в забвения тёплой власти,
 Чашу сказки снова выпью я...

 Но не долго этот чудный сон продлится,
 Отрезвляют ночи холода.
 И от горькой правды невозможно скрыться –
 Всё сама придумала тогда...

 Страшно верить мне в своё предназначенье,
 Страшно полной грудью задышать,
 Но исчезнут в сумраке сомненья,
 Буду снова, как звезда, сверкать!..

Евгений МОЧЕНКОВ

* * *

*Воспрянув без лени, и истрезвився,
востав от сна, рцы сие...*

Молитвы утренняя

Я расскажу свой сон к полудню
с широким блеском на зрачках,
и тот, кто душу мою судит,
над ней – как знать? – замедлит взмах.

Я был хозяином в том замке,
в тяжёлой сказке на горе,
и бился свет в старинной смальте,
смеркая розу на столе.

Широкий стол в пороше пыльной
вершил скрипучий главный стул,
и звуки праздничного гимна
тревогою трещали тут.

Свиданье стрел на циферблате
на пир свело моих гостей,
и Дориан узнал де Сада,
и руку подал дез Эссент.

Под звон тарелок белоснежных
лилось прозрачное вино,
мой голос глухо-безутешный
царапал нервное стекло.

Летели тосты в беспределье,
мой взгляд их взглядов всё искал,
но я как можно незаметней
сливал под стулья свой бокал.

Слились в одну слепые стрелы,
и умер первым Дориан,
гнев духоты де Сад изведаль,
и дез Эссент багров и пьян.

Рождённый крик октав высоких –
мой крик! – обрушил витражи,
согретый солнцем светлый воздух
отнял у розы цвет и жизнь.

Он растворил тела бесследно,
как крик – сверкание стекла,
он отворил мой слух и зрение,
стрела с постели вознесла.

Бежала рябь, я словно свечка
стоял и таял горячо,
и в зеркале, расправив плечи,
в другую сторону пошёл.

Валентина ОСИПОВА

* * *

Она блистала, стоя в бигуди
«Пять вечеров» беззвучного рыдания,
Хоть «20 дней», но «без войны» пройти
Нам было тяжело. И в ожидании
Её ошеломляющих ролей,
Трагичных и смешных до слёз и боли!
Мы верили: в последнем кадре с ней
Гаврилов встретится «на поле боя»
И будет роль такая, что затмит
Все остальные долготой страдания.
Никто не верил: 20 лет молчит
«Пятиминутное Коронованье»,
Но есть Господь и только Он – Один
Не дал иссякнуть силам и терпению,
И «Голубей Любви», «Полётов» дым
Он ниспослал от «Старых стен»
– Прозреньем!
«Сибириада», «Мама», «Бенефис»
и фронтовые песни до Победы,
И ком у горла! ты поёшь на бис
С чечёткой! Кино живёт, а
нету
Людмилы Гурченко.
Протянутой рукой –
Последний путь
И первое свиданье,
Где ждёт Любовь Христа
И сна покой

Для сердца,
не понёсшего
страдания.

Анастасия ПЕРЛУХИНА

«...ловить остатки старины...»

Отпустите меня в девятнадцатый век,
Наблюдать за течением девственных рек,
За дуэлью поэтов, за резьбой пистолетов,
Где наивен и счастлив порой человек.

Отпустите туда, где полуденный свет,
Где судьба управляет хороводом планет,
Где рождаются нимфы, сотворяются мифы,
Где услышу я эха бывшего завет.

Где весна записалась в подружки ко мне,
Где печальные вести исчезают во мгле,
Где в малиновых зорях прорастают узоры,
Где сомнения нет, что есть рай на земле.

Георгий ПЕТРЕНКО

* * *

Как молния, разрезав тучи,
Бросает блик на стены кельи,
Воспоминанья болью жгучей
В мозгу уставшем заблестели.

Сперва из серо-чёрной гущи
Рождается разряд мгновенный, —
Отчаянья надрыв гнетущий
За ним приходит непременно.

Потом всполох, расколы грома.
Душа в углу, обняв колени,
Глядит на стены: там знакомой
Улыбки бледное свечение.

А по стеклу сбегает струи,
И всё становится размытым...
Мне не надеть на память сбруи,
Но верю: и не быть забытым.

Письмо к Н.

Вот такие новости, такие вот...
 Вчера, будто оглушён был,
 А сегодня сразу прошиб пот,
 Сморщенный хмурый лоб застыл.
 Я водил

беспомощно
 клавишам
 по,

Не зная,
 что
 на это
 ответить,

Я,
 как ошипанный
 цветок
 в кашпо

На обрыдшем в момент Невском проспекте.
 Мне б

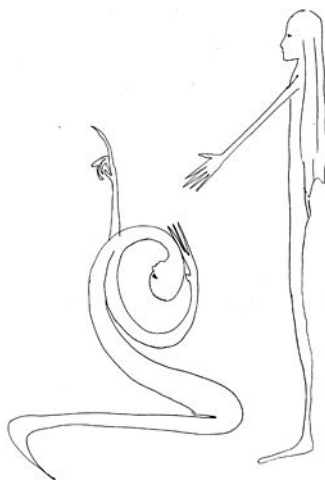
сейчас
 по
 Champs-
 Elysees

Побродить за серьёзным с тобой разговором,
 А не глядеть, как на очередном незнакомом лице
 Расположится скука знакомым узором.

А может, мне привиделось всё,
 Может, это лишь блажь простая,
 Что во мне от тебя что-то цветёт,
 День за днём потихонечку нарастая?

Скажут: «Мало ль на небе светил?
 Ну, одной звездой меньше стало...»
 Но таких, от которых море сил,
 Солнц греющих очень мало!

Что ж,
 на корабль!
 придётся
 опять...

Александра СУВОРОВА
«Объяснения»

По просторам большой и чёрной Вселенной...
Но если мимо солнца буду пролетать,
Я лучам твоим улыбнусь непременно.

Не печалься! Любой поступил бы
так,

Окажись на твоём он месте.

Не твоя же

вина,

что какой-то

дурак

Втемяшил

в голову,

не Бог весть...

Ты не бойся, я сильный, хоть прыгают желваки,

А свет в лице, ветер в хаере

Всё равно

копошатся. В русло реки

Метро, душной, спускаюсь стайером...

Мне уже

не впервой,

я привыкну

вновь,

Только шрам

на душе

глубже

и болезненней...

Ты, возможно, слегка приподнимешь бровь

От диких бредней моей поэзии.

Но ответь

на вопрос

на один

на мой,

Я, может, разом всю жизнь переделаю:

Надо ль разницу в три года с фигнёй

Считать в отношениях лежащей за пределами?

Мила ПОЦЕЛУЕВА

Инженер-архитектор

* * *

На Благовещенье
Пошла я в Храм
Свечу зажечь.

Туман спустился с гор,
Клубится под ногами,
Не видно ничего.
И заблудилась я.
Лишь лаяли собаки.

Вдруг, лёгкий ветерок
Пронёсся над землёй,
Рассеялся туман
И солнышко зажглось,
И загорелись луковки церковей.
И только холодок остался на щеке.

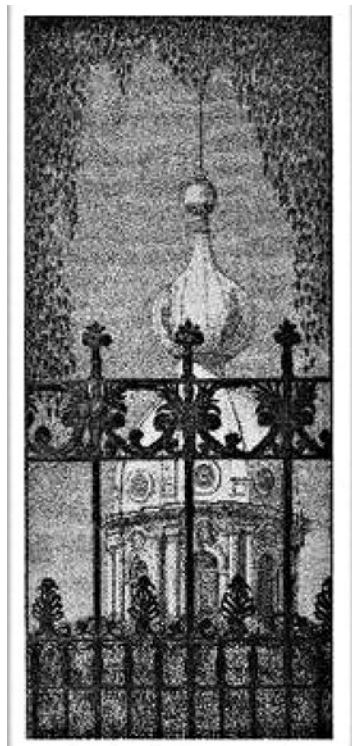
То, голубь, Дух святой,
Задел меня крылом,
Летя к Марии.

* * *

О, белый лист, единственный мой друг,
Тебе свою я доверяю душу.
Мои творенья никому не нужны,
Они пугают всех.

О, белый лист, я чувствую волнение,
Тебя беру в мои мечты.
Я знаю, милый друг, в любое время
Меня не бросишь ты.

О, белый лист,
Ты лучший из полотен всех времён!

Работа Игоря ПУЧНИНА

Николай СЕРГЕЕВ

* * *

Как хорошо стоять на крыше,
Лаская взглядом горизонт.
Дома вокруг мокры как мыши –
Я не спешу достать свой зонт.

Смывая пыль с души усталой,
На крышу капает вода.
По небу Ангелы летают,
Садясь на шпиль иногда...

Калерия СОКОЛОВА

* * *

Где та грань, за которой наш парусник жизни быллой
Сложит крылья устало и с морем сливаться начнёт,
А потом затрепещет, пройдёт по глади юлой,
И огромною бабочкой взмоет в далёкий полёт?

Где та грань, что закат превращает внезапно в рассвет,
Полоса, за которой, как в зеркале, синий мираж,
Где та дверь, что оставила прежним великий завет,
А из душ сотворяет по-новому каждый купаж?

Где та грань, что зовёт и пугает, манит и страшит?
Где та грань, что из памяти вычеркнет зло и обман?
Где та грань, на которой палач и спаситель стоит,
Ревизор с окровавленным клювом, как сокол-сапсан?

Вячеслав СТЕПАНОВ

Студент ФЭМ СПб ГЭТУ Императора Александра III

* * *

Таисии Ивленковой

Беру лицо твое в ладони,
В глаза прекрасные гляжу.
Они бездонны, они – море.
Я окунуться в них хочу.

А губы полные желанья,
 С ума сводящий звонкий смех...
 Ты – совершенное создание,
 Другой такой на свете нет!

Беру лицо твое в ладони
 И пью твой нежный поцелуй.
 Он опьяняет меня, гонит
 Сильней по жилам кровь мою.

Ты млеешь, таю я от страсти.
 Тебе на ухо я шепчу:
 Ты лучше всех, ты мое счастье,
 Люблю тебя, тебя люблю!

Вера СТЕПАНОВА

Феликсу

Мой блаженный, искрящийся смехом,
 дивный мой – в озорных переливах,
 и совсем по-житейски, с огрехом
 и в земном, и в небесных порывах.
 Разный: ласковый, согнутый болью,
 и навечно осёдланный делом,
 и увенчанный трудною ролью –
 быть моим и за смертным пределом...
 Что тебе мои не-совершенства,
 бед моих круговая порука,
 все восстания в доме блаженства,
 нрав, которому сбиться бы с круга?
 Что мои неразумные речи
 и улыбок неласковых лики?
 Мне и час без тебя –
 искалечен.
 Даже малые беды велики,
 мой любимый.

Александр ТАНКОВ

* * *

Если – смерть, то зачем, то зачем, то зачем
Эта нежность и жар, эта жесть,
Если нечем платить, не оплакать ничем –
То зачем, то зачем это есть?
То зачем это рдеет, рыдает, горит
И зачем это бьётся в руке,
И зачем этот ливень со мной говорит
На своем жестяном языке?
И зачем этот сизый холодный рассвет,
И зачем этот плач за стеной,
И зачем этот вечный двуличный ответ
И дождя барабан жестяной?

Святослав ТЕРНОВ

* * *

Потерпи! Морозный горный воздух
Грудь однажды вздохом распахнёт.
И душа, заслуживая отдых,
От пещеры камень оттолкнёт.

И войдёт смущённая, рыдая,
В недра рассекреченной горы.
И навстречу ей взметнётся стая
Дум, хранящих радости дары –

Размышлений бережных, нетрудных
О высокой тайне бытия,
Упований светлых, неподсудных –
И поверит в них душа твоя.

И поймёт, что здесь уже бывала,
Что всегда ей снился белый снег –
Тайн благоуханных покрывало
И лугов цветущих оберег.

И темно не то, что с нею было,
 А воспоминание о том,
 Как она усталая бродила
 И не находила милый дом.

Как мечтала выслужить свой отдых,
 А над ней усиливался гнёт,
 И шепнул ей кто-то: Горный воздух
 Грудь твою для счастья распахнёт!

Светлана ХРОМИЧЕВА

Сон

Бельмо луны из рваных туч блеснуло;
 Лицо вдовы сквозь траур кружевной,
 Неясною улыбкой обмануло
 И взглядом поманило за собой.

Вдова-луна иль месяц вероломный;
 Мне всё равно, была бы ночь темна,
 Свет утомил, хочу я ночи тёмной
 И наслаждений в вязкой власти сна.

Качаться на волнах туманных сновидений,
 Свободной от забот и вечной суеты,
 В прекрасный храм войти по мраморным ступеням,
 Иль в облаках лететь на радуге мечты.

И падать в никуда мучительно и долго...
 Потом блуждать, искать по комнатам чужим...
 И, наконец, найти, взять за руку и толком
 Не разглядеть лица, но с ним, конечно, с ним...

Да, с ним одним мне радостно и вольно,
 Но рушится стена, дробятся кирпичи...
 Потерян друг. Зеркал осколки режут больно.
 И я одна в крови, в развалинах, в ночи.

Мечусь в отчаянии, бегу и спотыкаюсь,
 Дыханье за спиной, касанье липких рук,
 Их пальцы – по лицу, и ветра хрип вокруг
 И из последних сил кричу... И просыпаюсь.

Алексей ХУДЯКОВ

Слово

Когда умрут все сюжеты и темы.
 Когда исчезнут, потеряв всякий смысл, слова.
 Когда умрут все надежды, воспоминания и сны.
 Когда моя жизнь в последнем безумном рывке
 Свернётся в кольцо и поглотит саму себя
 В пустоте, в великом предвечном Ничто.
 Вопреки всем непреложным законом бытия.
 Я найду Слово – божественный Логос.
 И отделию свет от тьмы, небо и землю, воду и твердь.
 А потом закурю сигарету.
 И в одиночестве беспредельном, как подобает творцу,
 Я буду стоять в тишине, вдыхая воздух морозный и чистый.
 И смотреть на летящий из вечности снег.
 И на мир, что появился мгновение назад.
 Ещё необжитый, ещё безмолвный и неподвижный.
 А время будет раскручивать свой маховик все быстрее.

Вера ЧИГАРИНА

Сны (№3)

Вчера мне снился замок из песка,
 Он плыл в ночи, залитый лунным светом,
 А я глядела на него с портрета,
 По-королевски гордо, свысока,
 Как он хорош – песчаный замок мой,
 И царский трон доставили без спора,
 Он днём послужит троном для вахтёра,
 Который ночевать ушёл домой,
 Вот я в кругу вассалов и друзей,
 А, может быть, мне это только снится?
 И небо всё никак не прояснится
 Там за окном... и дремлет наш музей,

π³ ο πλατωνισμός ο πατριωτισμός ο πνευματισμός

Картины оживают по ночам,
И смотрят сны, мешая быль и небыль,
Раскрыть секрет они могли вполне бы...
Какой секрет? Увы, они молчат.

Максим ШВЕЦ

* * *

Там, где кончается граница
дождя и света, виден день.
Там прошлое мое хранится,
в чужом неведомом нигде.

Придѣшь, не отворишь, не влезешь!
Всѣ заперто на сто замков.
И вынимают сотни лезвий
сто стражников. Таков закон.

А я бегу, бегу по кругу.
Смотрю на красные зонты.
Гудят машины в сиплый рупор:
«Зайди, зайди, зайди...»
Зайти?

На сайт случайный в Интернете.
Открыл и встретил там себя...
Все знают – утро мудренее.
Заснул. Проснулся. И... Ба-бах!

Замки расщёлкнулись, раскрылись
все двери в прошлое, туда,
где нам поѣт небесный клирос
во время Страшного Суда.

* * *

– Ох, не надо бы, не надо бы...

Виктор Кудрявцев

Сразу – в Рай! Без билета и пропуска!
Сразу – через служебный вход
пронесла бы меня над пропастью
пара ангелов в небосвод!

Мировые моты
 приходят и уходят вечно в строгах
 бытия может, а так ради тревоги
 любви, воодушевления и этого сна.

Работа Марины ЯСЫЧЕНКО

Акушеры – «Не нужен! Пасынок!
Он – больной!.. Он – не божий сын!..
Он – слепой, глухой, недоразвитый!..»

...

Но назвали меня – Максим...

И не надо бы, и не надо бы...
Если б мама с папой смогли –
отпустить меня к вечной радуге
с этой смертной сырой земли!..

Сразу – в Рай – без справки и паспорта,
сразу – мимо судьбы тенёт –
прямо – в белые кущи райские!
«Всяк, безвинный – не обвинён!»

Ошибались мирские «кесари».
Папа с мамой ошиблись? Нет?..
И теперь, курильщик нетрезвый – я
утопаю в своей вине.

И не надо бы, и не надо бы.
Тяжела, как смола, вина
твердолобая, словно надолба,
бьёт до самого жизни дна.

Сразу – в Рай – без лицензии, допуска.
Сразу – вмиг – сквозь ушко иглы!
Без надежды, выбора, отпуска!..
Может, лучше, что не смогли?!

Сразу – в Рай без мандата и грамоты. –
в счастье полное...
Без любви?..
Страсти плотской?..
Греха и памяти?..
Что ж, ты, Господи! Отзовись?!..

Елена ШИПИНА

Беседа в сумерках

(двойной автопортрет на фоне заката)

Присели, сумерничать стали,

беседу шутливо ведём:

– Коварные сроки настали

Открылся судьбы окоём.

– На что наша дружба сгодилась?

Синхронность движений души?

– Скажи мне, что жизнь не приснилась...

– Ах, как облака хороши!

– А то, что у нас не сложилось,

не спелось и не свилось,

так то, может быть, – Божья милость,

не просто не удалось.

– Не нужно нам счастья иного,

иная судьба не манит...

Край солнца – край сердца живого –

кроваво-роскошно горит.

Сергей ЩЕПОТЬЕВ

Член правления союза писателей

Ленинградской области и Санкт-Петербурга

Амазонка

Так и вижу, сударыня, вас амазонкой!

Вы летите вперёд, чуть качаясь в седле.

Улыбаетесь ветру – загадочно, тонко...

И немножко – кому-то, и чуточку – мне.

Вы принцесса из сказки, из сна, из легенды!

Я – ваш верный и искренне преданный паж.

Я шептал вам изысканные комплименты.

И, ударив коня, прошептал: bone voyage!

А вояж, как на грех, вам достался нелёгкий:

Через войны и голод, сквозь грозы и мрак.

И повсюду – огни, да мечи, да верёвки.

И на каждом шагу – то ли шпик, то ли враг.

Вы промчались, прошли, прорвались, пострадали.

В этой скачке в седле удержаться смогли.

Только волосы... Волосы белыми стали.

Только горькие складки у губ пролегли.

Ну, довольно. Теперь можно, кажется, шагом.

Но куда же вы снова погнали коня?

– Моей жизни ещё не дописана сага, –

Вы сказали, с улыбкой взглянув на меня.

Что ж, пожалуй, вы правы, замечено тонко:

Амазонкам не страшен ни возраст, ни стаж!

Дай вам Бог долгой скачки, моя амазонка!

Ну, а я – буду рядом, ваш преданный паж!..

Национальный вопрос

Я рождён в семье православной,

Все фамилии – русских корней.

Оттого мне бывает странно

Слышать мнение, что я – еврей.

Я на то не подумал бы злиться,

Но другое меня страшит:

Часто в лицах издёвка змеится,

Ядовитое слово жужжит...

Стариков и детей из подвалов

(это видела моя мать)

В сорок первом такие же гнали,

Чтоб «арийцы» могли их стрелять...

Чуть жива была мать от бомбёжки,

Но с евреями – ночью без сна –

Кров, еду до последней ложки

И одежду делила она.

Список Шиндлера – не единственный,

Как и шумный Нюрнбергский процесс.

Да, спасённых от смерти насильственной

Наш, щепотьевский, список есть.

Я – с евреем сидел за партой,
Ел на пасху кулич – и мацу!
И «семь сорок» плясал азартно.
Одесситу нацизм не к лицу!

Помню храм, зимним солнцем залитый,
Где, согласно вере его,
Под эгидой митрополита
Отпевали отца моего.

Две еврейки по свечке держали,
И глаза их полны были слёз.
А на паперти – «наши» дрожали,
Чтоб в партком кто-нибудь не донёс...

...Я свернул родословную в свиток,
Потому что сердце щемит:
Чем же лучше я антисемитов,
Заверяя их: «Я – не семит».

Коль широк я для лбов ваших узких –
Как хотите! Считайте – еврей
Я, поляк, украинец и русский,
Финн и турок –
Щепотьев Сергей.

Ирина ЯРКОВА

Песня

Осёдлан Росинант. И собраны в дорогу
Нехитрые харчи, что Санчо приберёт.
Куда его ведёт от самого порога
Прекрасная звезда – то знает только Бог.
И подвигов не счесть, и смелых и высоких.
А что до мудрецов – насмешников лихих,
Они в делах любви и пользы просто доки,
Да только небеса не рады пользе их.
Осёдлан Росинант, почти что шесть столетий
На небе всё горит прекрасная звезда.
И смотрят в эту синь и взрослые, и дети.
Кто знает, что влечёт, бесстрашных их, туда...

*АНТОЛОГИЧЕСКИЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ*

Иван ЛЕБЕДЕВ «Храм Нептуна»

Николай АРТЁМЕНКО

* * *

В тумане утреннем виднеется Колхида,
Я вижу паруса летящего Арго,
О, где ты, дочь греха, исчадь Еврипида,
Зачем от мест родных ушла ты далеко?

Что сделали с тобой коварные Эроты,
Не вечен тот огонь в ясоновой груди,
Ты с родиной своей свела коварно счёты,
Эринниям зажгла возмездья фитили.

Шумят величественно слуги Посейдона,
Морская рать за нас решила всё давно.
Я вижу вдалеке Медею и Ясона,
И пламенем искрит проклятое руно.

Виктория БАЗЛОВА-БОРЩЕВСКАЯ

Ника

Победа не с теми, кто ставит капканы,
Пусть кажется, что только им – карты в руки.
И кто её знает, с кем крутит романы
Крылатая женщина с древней фелуки.
А мы – лишь забава в плену снисхождений.
И список её многострочный дополнит
Седой генерал и израненный гений,
И тот, о котором никто и не вспомнит.
И что там награды, и старые кости,
И белые флаги, и старая вата?..
Она нечувствительна к боли и злости,
И к радости тоже нейтрально-крылата.
Нельзя угадать все ходы и маневры.
Её одарённость подобна стихии.
Пусть ей подражают дешёвые стервы
И красятся в тон её слов – дорогие,
Она посмеётся над пылью и пудрой...
От острых лучей даже камень увянет.
И часто не знают ни глупый, ни мудрый,
Кому она руку привычно протянет.

π³ ο πλατωνισμός ο πατριωτισμός ο πνευματισμός

Скользнёт со змеиным проворством движений,
Стремительней птицы в реальность ворвётся.
Победе неведом позор поражений,
Цена приношений и горечь сиротства.

Ирина ИОЛИНА

* * *

Над лесом рыжая луна
В ультрамариине звёздном. Лето.
Ночь ослепительно нежна
В сгущении тепла и света.
Не спится мне. Игра теней
Над миром властвует в безмолвье,
А спящих сон ещё сильнее
К земному клонит изголовью.
И кажется, распалась связь
Всего живого, всей Вселенной,
Но пряжи не устали прясть –
И рук движенья неизменны.
Нет позывных и нет примет,
Сплетенье сокровенных нитей,
И скоро тронется рассвет –
Сигнальщик зреющих событий...

Работа Марии СЕЛЕДЧИК

Алексей КОРОЛЁВ

* * *

*Один, возрев на женскую красоту, прославил при
сём Творца и от единого взора погрузился в любовь
Божью и в источник слёз. И чудно было видеть –
что для другого бы послужило рвом погибели, то
для него сверхъестественно стало венцом.*

А. Ф. Лосев. Диалектика мифа. X. 2

Кто созерцает формы милых жён
Не с любованием, но с вожделеньем,
Тот Богом изначально осуждён.
Его душа не подлежит спасенью.

Об этом нам поведал добрый Бог
Не только в тезисах Нагорной речи.
Об этом повествует каждый вдох
И каждый волос, падая на плечи.

Об этом же писал ещё Платон
В папирусах прославленного «Пира»
И думал кипрский царь Пигмалион,
Ваяя формы своего кумира.

Король испанский Питера спросил:
«А сам-то ты бывал налогом?»
На это Рубенс гневно возразил:
«Нет, сир, тогда бы не был я художником!»

Лада КОРОЛЁВА

Гроза

Сперва – железом о железо,
И рвущихся материй треск.
На половинки небо режет
По тёмной туче яркий блеск.
Листочки яблонь бьют тревогу,
И вот... исклёвана дорога –
Дождь вдруг заговорил взахлёб.
Всё будет терпеливо слушать
Его земля и лишь вздохнёт,
Кивнув ему в ответ послушно.

Дрозды застигнуты дождём
В облитых жемчугом кустах.
Клюют иргу, купаясь в нём,
И мокнет щебет на устах.
Набег на сад им не оставить.
Кустарник вздыблен мокрой стаей,
И сам он, будто крыльев взмах,
Стреноженный грозой до срока,
Взметнувшись серебром впотьмах
Внутри внезапного потока.

Окно и стены – не преграда
Дрожанью вертикальных струн.
В свеченьи их – сквозная радость.
А дробь тугих и быстрых струй,
Стаканя в стёкла, дразнит ухо.
Хоть на полу и будет сухо –
К нам на ходулях входит дождь,
Как гость, которого не ждали,
Неся с собою капель гроздь
Как ягоды из дальней дали.

Жан МОРЕАС
(1856 – 1910)

Перевод Александра Королёва

* * *

Суний, Суний родной, край земли величавый
Под лазурью небес.
Здесь души колыбель и сознания, и славы,
И могила их здесь!
И когда, молодой, я прекрасной порою
Край родной покидал,
Образ твой поразил моё сердце стрелою
Навсегда, навсегда.
Ах! Как сердце щемит! Пусть хранит моё зренье
Непрестанно во мне
Искалеченный храм и его повторенье
В набежавшей волне.

* * *

О свет, небосвод голубой наводнивший,
Заливов вдали ослепительный блеск
И дым неподвижный над ветхою крышей,
И ряд кипарисов на фоне небес,

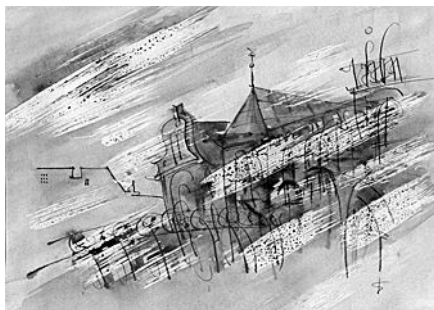
Оливы Кифийсосу, от дуновенья
Ветров дух Софокла в листве говорит;
Развалины храма, средь всех оскорблений
Их мрамор хранит свет грядущей зари;

Имитос, Парнон, гордо ваши вершины
Отбросили тень на полуденный склон;
Деревья и горы, луга и руины,
Увидел однажды и в вас я влюблен.

Евгений МОЧЕНКОВ

* * *

Я вспомню путь до родины своей,
что прячется в тенях и зазеркалье,
под тонкой корочкой эмали.
Уже мне снится море орхидей,
уже мне кажется, это не просто сон,
короткий опыт будничных смятений,
плод милой и домашней лени.
Я вспомню имя вдруг – Эндимион.
Проснусь туда, в пещерный мой дворец,
из мира, ставшего предметом торга
и люциферова восторга.
Луна, верни мне греческую речь!

Катя ЗАРХ

«Дождь в городе. Петроградская сторона». Бум., акв., тушь. 30х20 см.

Антон ПОГРЕБНЯК

Мандельштаму

Я список кораблей прочёл до середины...

О. Мандельштам

Вокзал. Бессонница. Платформа номер пять.
Я список поездов прочёл до середины,
Дорожным багажом надломленные спины,
Привычные встречать и провожать.

Едва заметно тронулся перрон.
Зевая, фонари заглядывают в окна
И бесконечных проводов волокна
Расчерчивают небо с двух сторон.

Колёса брякают – тум-дум – о стыки рельс.
Здесь можно думать только в этом ритме
О том, что поезд снова говорит мне
О том, что жизнь проходит всё быстрее.

И снова делится на «до» и «после»,
Как будто в этом есть глубокий смысл,
И дождь на стёклах росчерками брызг
Рисует бесконечный знак вопроса.

Как будто никого на свете нет,
Ты замурован в скорлупе вагона.
Ах, греки! Что вам стены Илиона?
И что за счастье погибать в чужой стране?

Что корабли, что поезда – всё канет в Лету,
Что выйдет из своих подземных берегов,
И снова будем вопрошать богов,
И получать всё те же самые ответы.

Греческая Прощальная

Ушли за горизонт твои триремы,
Суровый Посейдон вгрызается в гранит.
Сверкают позолоченные шлемы,
Но Троя всё равно не устоит.

Известно, как случится смерть Геракла,
 Лаокоона и его детей.
 Безликим эхом отражаясь многократно,
 Сам над собой смеётся Одиссей.
 Растаял берег. Дремлют аргонавты,
 Во сне бормочут имена богов.
 Театр безмолвствует. Все ждут второго акта.
 Под звуки арф выходит Пифагор,
 Торгует разноцветными штанами
 Коринфской медью, наконечниками стрел.
 Уже известно всё, что будет с нами,
 И то, что ты однажды не предусмотрел,
 Становится твоим предначертаньем.
 Убей себя о стену, царь Эдип.
 Не помогло тебе, что знал заранее
 Историю, в которую ты влип.
 Уходят в вечность и ахейцы, и данайцы,
 Незрячие глаза закрыл Гомер.
 О чём он думает, поди-ка догадайся,
 Переложь его слова на свой манер.
 Ни амфоры с вином, ни чаши с ядом
 Не возвратят обратно тех трирем.
 Прощай навеки, древняя Эллада,
 Твои враги опять останутся ни с чем.

Максим ШВЕЦ

* * *

Облачко розовое
 купается в синем небе,
 как милая девушка —
 в синем озере,
 совсем без одежды,
 распутив кустом
 краснокарие волосы,
 мягко и нежно
 плывёт,
 и расступаются ласково волны.

Девушка – окунь
окунается в прозрачное молоко,
отдалённо напоминающее воду,
смеётся, тихонько ойкает,
и плывёт легко и свободно.
Обнажённые груди
с затвердевшими от воды сосками,
красными, словно плавники причудливые,
озёрную озорную гладь рассекают.
Девушка плывёт мелодично
и медлительно,
её обвивают шаловливые струйки воды,
а в янтарных глазах –
невинность и восхитительность...
Девушка – облачко
превращается в загорелую цзяожэнь*.

* * *

Песок, как ветвь, и платье, как песок,
шуршит и льётся, падает волнисто.
Уходит время, быстрое, как сон,
сквозь лёгкие тропические листья.

Плывёт, бежит, летит, и не догнать
ни пешему, ни конному, ни мысли.
Стрела сверкает впереди коня
сквозь узкие тропические листья.

Песок спадает тонкий, словно свет;
спугнёшь дыханьем, взглядом потревожишь.
И платье, опускаясь, словно ветвь,
лучам прозрачным открывает кожу.

Ручьём сбегает, лентой мельтеша,
клубится пылью, встряхиваясь, морщась,
к коленям, к бёдрам, струйками дождя,
лучам прозрачным открывая кожу.

* – Русалка (Кит.)

Вера СТЕПАНОВА

* * *

Уходит лето. В мятеже заката
беснуется и пляшет горизонт.
Кипит залива серебро и злато,
и бурей бредит весь Эвксинский Понт.

Вдруг парус белый выметнуло море —
как крик над бездной: «Помни и прости!»
Грохочут волны в месиве простора,
сжимают чёлн до судорог в горсти.

Всё круче, круче кутерьма и пляска!
Но белый взмах отважен и речист.
Глумится буря, бесится оснастка
и реет парус, помыслами чист...

Ирина ЯРКОВА

Лето

Спелый август. В саду Гесперид
Запах яблок дурманит Геракла.
Я черчу на песочке пентакли
И спина уже слабо горит...
То ли мифы владеют умом,
То ли я на песке перегрелась...
Мне мерещатся луки и стрелы
И герои античные днём...
Андромеду спасает Персей,
Он чудовище рубит с размаху.
Молит Пирра опять Андромаха...
Мир наивный богов и людей
В облаках надо мною плывёт...
Дышит Аттика ветром с залива
Спелый август, как сладкая слива,
Сочной мякотью просится в рот.

*АФРОДИТА
УРАНИИ*

Сандро БОТИЧЕЛЛИ
(Алессандро ди Мариано Филиппи, 1445 – 17 мая 1510)

Владимир СОЛОВЬЕВ

Das Ewig-Weibliche**(Слово увещательное к морским чертям)*

Черти морские меня полюбили,
 Рыщут за мною они по следам:
 В Финском поморье недавно ловили,
 В Архипелаг я – они уже там!

Ясно, что черти хотят моей смерти,
 Как и по чину прилично чертям.
 Бог с вами, черти! Однако, поверьте,
 Вам я себя на съеденье не дам.

Лучше вы сами послушайтесь слова, –
 Доброе слово для вас я припас:
 Божьей скотинкою сделаться снова,
 Милые черти, зависит от вас.

Помните ль вы, как у этого моря,
 Там, где стоял Амафунт и Пафос,
 Первое в жизни неожиданное горе
 Некогда вам испытать довелось?

Помните ль розы над пеною белой,
 Пурпурный отблеск в лазурных волнах?
 Помните ль образ прекрасного тела,
 Ваше смятенье, и трепет, и страх?

Та красота своей первою силой,
 Черти, не долго была вам страшна;
 Дикую злобу на миг укротила,
 Но покорить не умела она.

В ту красоту, о коварные черти,
 Путь себе тайный вы скоро нашли,
 Адское семя растленья и смерти
 В образ прекрасный вы сеять могли.

Знайте же: вечная женственность ныне
 В теле нетленном на землю идет.
 В свете немеркнувшем новой богини
 Небо слилось с пучиною вод.

* – Вечная Женственность (нем.)

Всё, чем красна Афродита мирская,
Радость домов, и лесов, и морей, —
Всё совместит красота неземная
Чище, сильнее, и живей, и полней.

К ней не ищите напрасно подхода!
Умные черти, зачем же шуметь?
То, чего ждет и томится природа,
Вам не замедлить и не одолеть.

Гордые черти, вы всё же мужчины, —
С женщиной спорить не честь для мужей.
Ну, хоть бы только для этой причины,
Милые черти, сдавайтесь скорей!

Евгений БАРАТЫНСКИЙ

Она

Есть что-то в ней, что красоты прекрасней,
Что говорит не с чувствами — с душой;
Есть что-то в ней над сердцем самовластной
Земной любви и прелести земной.
Как сладкое душе воспоминанье,
Как милый свет родной звезды твоей
Какое-то влечёт очарованье
К её ногам и под защиту к ней.
Когда ты с ней, мечты твоей неясной,
Неясною владычицей она:
Не мыслишь ты, — и только лишь прекрасной
Присутствием душа твоя полна.
Бредёшь ли ты дорогою возвратной,
С ней разлучась, — в пустынный угол твой,
Ты полон весь мечтою необъятной,
Ты полон весь таинственной тоской.

* * *

<А. А. Воейковой>

Очарованье красоты
В тебе не страшно нам:
Не будишь нас, как солнце, ты
К мятежным суетам;

От дольней жизни, как луна,
Манишь за край земной,
И при тебе душа полна
Священной тишиной.

Дмитрий ВЕНЕВИТИНОВ

К изображению Урании

Пять звёзд увенчали чело вдохновенной:
Поэзии дивной звезда,
Звезда благодатная милой надежды,
Звезда беззакатной любви,
Звезда лучезарная искренней дружбы,
Что пятая будет звезда?
Да будет она, благотворные боги,
Душевного счастья звездой.

Александр ПУШКИН

* * *

Всё в ней гармония, всё диво,
Всё выше мира и страстей;
Она покоится стыдливо
В красе торжественной своей;

Она кругом себя взирает:
Ей нет соперниц, нет подруг;
Красавиц наших бледный круг
В её сияньи исчезает.

Куда бы ты ни поспешал,
Хоть на любовное свиданье,
Какое б в сердце ни питал
Ты сокровенное мечтанье, —

Но встретясь с ней, смущённый, ты
Вдруг остановишься невольно,
Благоговевя богомольно
Перед святыней красоты.

* * *

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,

Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит – оттого,
Что не любить оно не может.

Я твой по-прежнему, тебя люблю я вновь
И без надежд и без желаний.
Как пламень жертвенный, чиста моя любовь
И нежность девственных мечтаний¹.

Барон Антон ДЕЛЬВИГ

* * *

Зачем, зачем ты отравила
Неисцелимо жизнь мою?
Ты, как дитя, мне говорила:
– Верь сердцу, я тебя люблю.

И мне ль не верить? Я так много,
Так долго с пламенной душой
Страдал, гонимый жизнью строгой,
Далёкий от семьи родной.

Мне ль чуждым быть любви прекрасной?
О, я давно нуждался в ней!
Уж помнил я как сон неясный
И ласки матери моей.

И много ль жертв мне нужно было?
Будь непорочна, – я молил,
Чтоб вечно я душой унылой
Тебя без ропота любил.

¹ – Это последнее четверостишие А. С. Пушкину пришлось исключить из стихотворения, поскольку из него явствовало, что стихи обращены не к Н. Н. Гончаровой, а к той, «с которой образован Татьяны милый идеал», кому посвящены все лучшие произведения А. С. Пушкина, и в случае его опубликования целиком полученное А. С. Пушкиным с таким трудом согласие на брак с его невестой было бы аннулировано.

Фёдор ТЮТЧЕВ

* * *

Как неразгаданная тайна,
 Живая прелесть дышит в ней –
 Мы смотрим с трепетом тревожным
 На тихий свет её очей.
 Земное ль в ней очарованье,
 Иль неземная благодать?
 Душа хотела б ей молиться,
 А сердце рвётся обожать...

* * *

Я помню время золотое²,
 Я помню сердцу милый край.
 День вечерел; мы были двое;
 Внизу, в тени, шумел Дунай.
 И на холму, там, где, белея,
 Руина замка в дол глядит,
 Стояла ты, младая фея,
 На мшистый опершись гранит,
 Ногой младенческой касаясь
 Обломков груди вековой;
 И солнце медлило, прощаясь
 С холмом, и замком, и тобой.
 И ветер тихий мимолетом
 Твоей одеждою играл
 И с диких яблонь цвет за цветом
 На плечи юные свевал.

² – Оба стихотворения с похожими первыми строками адресованы дочери прусского короля Амалии фон Лехтенфельд (баронессе фон Крюденер, графине фон Адлерберг) – единственному человеку, перед которым Ф. И. Тютчев мог в чём-либо одолжаться. Будучи намного моложе Ф. И. Тютчева, графиня фон Адлерберг оставалась его добрым другом до конца жизни и приехала проститься с умирающим. «Вчера я пережил минуты жгучего волнения вследствие моего свидания с графиней фон Адлерберг, моей доброй Амалией Крюденер. В её лице прошлое лучших моих дней явилось дать мне прощальный поцелуй», – диктует умирающий Тютчев одной из своих дочерей письмо к другой дочери.

Ты беззаботно вдаль глядела...
Край неба дымно гас в лучах;
День догорал; звучнее пела
Река в померкших берегах.
И ты с веселостью беспечной
Счастливый провожала день:
И сладко жизни быстротечной
Над нами пролетала тень.
<1836>

* * *

Κ. Β.

Я встретил вас – и всё былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое –
И сердцу стало так тепло...
Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенётся в нас, –
Так, весь обвеян дуновеньем
Тех лет душевной полноты,
С давно забытым упоеньем
Смотрю на милые черты...
Как после вековой разлуки
Гляжу на вас, как бы во сне, –
И вот – слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне...
Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь, –
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!..
26 июля 1870

Алексей АПУХТИН

Выпускник училища правоведения, автор самых известных русских романсов на муз. П. И. Чайковского, любимый поэт Петра Аркадьевича Столыпина

* * *

Прости меня, прости! Когда в душе мятежной
Угас безумный пыл,
С укором образ твой, чарующий и нежный,
Передо мною всплыл.

О, я тогда хотел, тому укору вторя,
Убить слепую страсть,
Хотел в слезах любви, раскаянья и горя
К ногам твоим упасть!

Хотел все помыслы, желанья, наслажденья —
Всё в жертву принести;
Я жертвы не принёс, не стою я прощенья...
Прости меня, прости!

* * *

О, возврати мне вновь огонь, и вдохновенье,
И светлую любовь недавней старины,
И наших первых встреч счастливое волненье,
И красотой твоей навеянные сны!

Останови на мне чарующие взоры,
Когда-то ласково встречавшие мой стих,
Дай мне услышать вновь былые разговоры,
Доверчивый рассказ надежд и дум твоих.

Опять настрою я ослабленную лиру,
Опять я жить начну, не мучась, но любя,
И пусть погибну я — но на прощанье миру
Хочу я бросить песнь, достойную тебя.

Модест Ильич Чайковский (1850–1916), младший брат П.И. Чайковского, драматург, переводчик, оперный либреттист, театральный критик, первый биограф А.Н. Апухтина, писал о «Лёле Апухтине», как его называли друзья, начиная со школьных лет: «Все родственные и дружеские отношения, все сердечные увлечения его жизни после кончины Марьи Андреевны были только обломками храма этой сыновней любви».

* * *

Безмесячная ночь дышала негой кроткой.
Усталый я лежал на скошенной траве.
Мне снилась девушка с ленивою походкой,
С венком из васильков на юной голове.

И пела мне она: «Зачем с таким несчастьем
Вчера, безумец мой, ты следовал за мной?
Я не люблю тебя, хоть слушала с участием
Признанья и мольбы души твоей больной.

Но... но мне жаль тебя... Сквозь смех твой
в час прощанья

Я слёзы слышала... Душа моя тепла,
И верь, что все мечты и все твои страданья
Из слушавшей толпы одна я поняла.

А ты, ты уж мечтал с наивностью невежды,
Что я сама томлюсь, страдая и любя...
О, кинь твой детский бред, разбей твои надежды,
Я не хочу любить, я не люблю тебя!»

И детский взор её блеснул улыбкой кроткой,
И около меня по скошенной траве,
Смеясь, она прошла ленивою походкой
С венком из васильков на юной голове.

Афанасий ФЕТ

* * *

Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали
Лучи у наших ног в гостиной без огней.
Рояль был весь раскрыт, и струны в нём дрожали,
Как и сердца у нас за песнею твоей.

Ты пела до зари, в слезах изнемогая,
Что ты одна – любовь, что нет любви иной,
И так хотелось жить, чтоб, звука не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой.

И много лет прошло, томительных и скучных,
 И вот в тиши ночной твой голос слышу вновь,
 И веет, как тогда, во вздохах этих звучных,
 Что ты одна – вся жизнь, что ты одна – любовь,
 Что нет обид судьбы и сердца жгучей муки,
 А жизни нет конца, и цели нет иной,
 Как только веровать в рыдающие звуки,
 Тебя любить, обнять и плакать над тобой.

* * *

Шёпот, робкое дыханье.
 Трели соловья,
 Серебро и колыханье
 Сонного ручья.

Свет ночной, ночные тени,
 Тени без конца,
 Ряд волшебных изменений
 Милого лица,

В дымных тучках пурпур розы,
 Отблеск янтаря,
 И лобзания, и слёзы,
 И заря, заря!..

* * *

А. Л. Бржеской

Далёкий друг, пойми мои рыдания,
 Ты мне прости болезненный мой крик.
 С тобой цветут в душе воспоминанья,
 И дорожить тобой я не отвык.
 Кто скажет нам, что жить мы не умели,
 Бездушные и праздные умы,
 Что в нас добро и нежность не горели
 И красоте не жертвовали мы?
 Где ж это все? Еще душа пылает,
 По-прежнему готова мир объять.
 Напрасный жар. Никто не отвечает;
 Воскреснут звуки и замрут опять.

Лишь ты одна! Высокое волненье
 Издалека мне голос твой принс.
 В ланитах кровь, и в сердце вдохновенье. –
 Прочь этот сон, – в нём слишком много слёз!
 Не жизни жаль с томительным дыханьем,
 Что жизнь и смерть? А жаль того огня,
 Что просиял над целым мирозданьем,
 И в ночь идёт, и плачет уходя.

Κ. Ρ

(Великий Князь Константин Константинович РОМАНОВ)

Серенада

О, дитя, под окошком твоим
 Я тебе пропою серенаду...
 Убаюкана пеньем моим,
 Ты найдешь в сновиденьях отраду;
 Пусть твой сон и покой
 В час безмолвный ночной
 Нежных звуков лелеют лобзанья!

Много горестей, много невзгод
 В дольном мире тебя ожидает;
 Спи же сладко, пока нет забот,
 И душа огорчений не знает,
 Спи во мраке ночном
 Безмятежным ты сном,
 Спи, не зная земного страданья!

Пусть твой Ангел-хранитель святой,
 Милый друг, над тобою летает
 И, лелея сон девственный твой,
 Песню рая тебе напевает;
 Этой песни святой
 Отголосок живой
 Да дарует тебе упованье!

Спи же, милая, спи, почивай
 Под аккорды моей серенады!
 Пусть приснится тебе светлый рай,
 Преисполненный вечной отрады!
 Пусть твой сон и покой
 В час безмолвный ночной
 Нежных звуков лелеют лобзанья!

Евгений ГРЕБЁНКА

* * *

Я тогда ещё молодухой была,
 Наша армия в поход далёкий шла.
 Вечерело. Я стояла у ворот,
 А по улице всё конница идёт.

Тут подъехал ко мне барин молодой,
 Говорит: «Напой, красавица, водой!»
 Он напился, крепко руку мне пожал,
 Наклонился и меня поцеловал...

Долго я тогда смотрела ему в след.
 Обернулся, помутился белый свет.
 Всю-то ноченьку мне спать было невмочь,
 Раскрасавец барин снился мне всю ночь.

А потом, уж как я вдовушкой была,
 Пятерых я дочек замуж отдала,
 К нам приехал на квартиру генерал,
 Весь израненный, так жалобно стонал.

Пригляделась, вострепелась душой:
 Это тот же, прежний барин молодой,
 Та же удаль, тот же блеск в его глазах,
 Только много седины в его усах.

И опять я молодёшенькой была,
 И опять я целу ночку не спала.
 Целу ноченьку мне спать было невмочь,
 Раскрасавец барин снился мне всю ночь.

Владимир СОЛОВЬЕВ

* * *

Бедный друг, истомил тебя путь,
Тёмен взор, и венок твой измят.
Ты войди же ко мне отдохнуть.
Потускнел, догорая, закат.

Где была и откуда идёшь,
Бедный друг, не спрошу я, любя;
Только имя моё назовёшь –
Молча к сердцу прижму я тебя.

Смерть и Время царят на земле, –
Ты владыками их не зови;
Всё, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.

Работа Марии СЕЛЕДЧИК

Владимир МАЗУРКЕВИЧ

Стихотворение «Письмо» (1900 г.) В. А. Мазуркевича, положенное на музыку в 1906 г. композиторами Д. Сартинским-Беем и М. Штейнманом под названием «Уголок», стало едва ли не самым популярным русским романсом начала XX века. Не будет преувеличением сказать, что в начале XX века «Уголок» пела вся Россия.

Владимир Александрович Мазуркевич (30.09.1871, СПб. – 19.02.1942) – русский поэт, прозаик, драматург. Сын врача, потомственного дворянина. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, был помощником присяжного поверенного. Одновременно с юридической работой выступал как актёр в театре Яворской и на других сценах. С 1885 под псевдонимами публиковался в журналах «Шут», «Осколки». Впервые под своим именем выступил стихотворением «Заброшенная лира» («Родина», 1887). С этого времени помещал лирические стихотворения в «Ниве», «Живописном обозрении», «Петербургской жизни», «Вестнике Европы», «Наблюдателе», «Вестнике иностранной литературы» и др. Писал очень много в юмористические издания. Много переводил из Шандора Петефи, Поля Верлена, Франсуа Коппэ, Байрона (для издания под ред. С.А. Венгерова), а также перевёл большую драматическую поэму венгерского поэта Имре Мадача «Трагедия человечества» («Всемирный вестник», 1904). Стихотворения Мазуркевича, выделявшиеся лёгкостью и изяществом формы, были собраны в двух книгах (СПб., 1894 и 1904). Отдельно также были изданы пять сборников мелких рассказов и сборник театральных пьес (1901). Многие стихотворения Мазуркевича стали известными романсами, как например, «Письмо». Автор пьес «Мужчина и женщина» (1912), «Наполеон после Бородина» (1912), «Фальшивая нота» (1913), «Что любят женщины» (1913), «Спартак» (1920), сборников стихов для детей «Улита едет» (1925), «Ковёр-самолёт» (1926). Умер от голода в блокадном Ленинграде.

Письмо

(Монолог)

Дышала ночь восторгом сладострастья...
 Неясных дум и трепета полна,
 Я вас ждала с безумной жадой счастья,
 Я вас ждала и млела у окна.

Наш уголок я убрала цветами,
К вам одному неслись мечты мои,
Мгновенья мне казались часами...
Я вас ждала; но вы... вы не пришли.

В окно вливался аромат сирени,
В лучах луны дремал заглохший сад,
Дрожа, мерцали трепетные тени,
С надеждой вдаль я устремляла взгляд;
Меня томил горячий воздух ночи,
Она меня, как поцелуй ваш, жгла,
Я не могла сомкнуть в волнение очи, —
Но вы не шли... А я вас так ждала.

Вдруг соловей защёлкал над куртиной,
Притихла ночь, в молчании застыв,
И этот рокот трели соловьиной
Будил в душе таинственный призыв.
Призыв туда, где счастье возможно
Без этой лжи, без пошлой суеты,
И поняла я сердцем, как ничтожна
Моя любовь — дитя больной мечты.

Я поняла, что счастье не в ласках
Греховных снов с возлюбленным моим,
Что этот мир рассеется, как в сказках
Заветных чар замороженный дым,
Что есть другое, высшее блаженство, —
Им эта ночь таинственно полна, —
В нём чистота, отрада, совершенство,
В нём утешенье, мир и тишина.

Мне эта ночь навесила сомнение...
И вся в слезах задумалась я.
И вот теперь скажу без сожаленья:
«Я не для вас, а вы — не для меня!»
Любовь сильна не страстью поцелуя!
Другой любви вы дать мне не могли...
О, как же вас теперь благодарю я
За то, что вы на зов мой не пришли!

На «Уголок» В. Мазуркевича был вскоре написан встречный, как тогда говорили, романс К. Сурина, также имевший большой успех.

Я всё забыл, мечтая у окна

Ответ на романс «Уголок»

Музыка О. Де-Бове

Слова К. Сурина

Дышала ночь восторгом сладострастья,
Неясных грёз и трепета полна...
Моя душа вся замерла от счастья,
Я всё забыл, мечтая у окна.

Мне аромат несли цветы ночные,
Я в глубину смотрел таинственных небес.
В уме роились грёзы золотые,
И страсти жар в груди моей исчез.

Мне эта ночь навеяла отраду,
Открыла тайны дивной красоты,
И, выйдя, я бродил один по саду,
И в песни стройные слагались мечты.

Я гимны пел: я пел звездам далёким
И этой красоте земли моей родной,
И, полн любви и счастьем одиноким,
Забыл, прости, мой друг, что зван тобой.

Мы не приводим в этом разделе ни одного стихотворения А. А. Блока, потому что Блок был главным «соловьёвцем», последователем философии В. С. Соловьёва, т. е. младосимволистом, и называл, как и все младосимволисты, своим крёстным отцом по части поэзии – А. А. Фета, и практически всё наследие Блока, как и Фета, за редкими исключениями, обращено к Афродите Урании, в то время как у других поэтов часто всего лишь по два-три (лучших) стихотворения. Мы могли бы здесь, для этого раздела, с равным успехом выбрать любое из стихотворений Блока, но не стали этого делать, следуя известному принципу «Нет лучших, ибо нет худших».

Вячеслав ИВАНОВ

Любовь

Мы – два грозой зажжённые стволы,
Два пламени полуночного бора;
Мы – два в ночи летящих метеора,
Одной судьбы двужалая стрела!

Мы – два коня, чьи держит удила
Одна рука, – язвит их шпора;
Два ока мы единственного взора,
Мечты одной два трепетных крыла.

Мы – двух теней скорбящая чета
Над мрамором божественного гроба,
Где древняя почиет Красота.

Единых тайн двугласные уста,
Себе самим мы – Сфинкс единой оба.
Мы – две руки единого креста.

Франческо ПЕТРАРКА

Пер. Вячеслава Иванова

LXI

Благословен день, месяц, лето, час
И миг, когда мой взор те очи встретил!
Благословен тот край и дол тот светел,
Где пленником я стал прекрасных глаз!

Благословенна боль, что в первый раз
Я ощутил, когда и не приметил,
Как глубоко пронзён стрелой, что метил
Мне в сердце Бог, тайком разящий нас!

Благословенны жалобы и стоны,
Какими оглашал я сон дубрав,
Будя отзвучья именем Мадонны!

Благословенны вы, что столько слав
Стяжали ей, певучие канцоны, –
Дум золотых о ней, единой, сплав!

Валерий БРЮСОВ

Первые встречи

Как любил я, как люблю я эту робость первых встреч,
 Эту беглость поцелуя и прерывистую речь!
 Как люблю я, как любил я эти милые слова, —
 Их напев не позабыл я, их душа во мне жива.
 Я от ласковых признаний, я от нежных просьб отвык,
 Стал мне близок крик желаний, страсти яростный язык,
 Все слова, какие мучат воспалённые уста,
 В час, когда бесстыдству учат — темнота и нагота!
 Из восторгов и уныний я влекусь на голос твой,
 Как изгнанник, на чужбине услышавший зов родной.
 Здесь в саду, где дышат тени, здесь, где в сумраке светло,
 Быстрой поступью мгновений вновь былое подошло.
 Вижу губы в лёгкой сети ускользающих теней.
 Мы ведь дети! все мы дети, мотыльки вокруг огней!
 Ты укрыла, уклонила в темноту смущенный взгляд...
 Это было! все, что было, возвратил вечерний сад!
 Страсти сны нам только снятся, но душа проснётся вновь,
 Вечным светом загорятся — лишь влюбленность!
лишь любовь!

Женщине

Ты — женщина, ты — книга между книг,
 Ты — свёрнутый, запечатлённый свиток;
 В его строках и дум и слов избыток,
 В его листах безумен каждый миг.

 Ты — женщина, ты — ведьмовский напиток!
 Он жжёт огнём, едва в уста проник;
 Но пьющий пламя подавляет крик
 И славословит бешено средь пыток.

 Ты — женщина, и этим ты права.
 От века убрана короной звездной,
 Ты — в наших безднах образ божества!

 Мы для тебя влечём ярём железный,
 Тебе мы служим, тверди гор дробя,
 И молимся — от века — на тебя!

Анна АХМАТОВА

* * *

Есть в близости людей заветная черта,
Её не перейти влюбленности и страсти, –
Пусть в жуткой тишине сливаются уста
И сердце рвётся от любви на части.

И дружба здесь бессильна и года
Высокого и огненного счастья,
Когда душа свободна и чужда
Медлительной истоме сладострастья.

Стремящиеся к ней безумны, а её
Достигшие – поражены тоскою...
Теперь ты понял, отчего мое
Не бьётся сердце под твоей рукою.

Слушая пение

Женский голос как ветер несётся,
Чёрным кажется, влажным, ночным,
И чего на лету ни коснётся –
Всё становится сразу иным.
Заливает алмазным сияньем,
Где-то что-то на миг серебрит
И загадочным одеяньем
Небывалых шелков шелестит.
И такая могучая сила
Зачарованный голос влечёт,
Будто там впереди не могила,
А таинственный лестницы взлёт.
19 декабря 1961 (Никола Зимний)

Ольга БЕРГГОЛЬЦ

Ответ

А я вам говорю, что нет
напрасно прожитых мной лет,
ненужно пройденных путей,
впустую слышанных вестей.

Нет невоспринятых миров,
нет мнимо розданных даров,
любви напрасной тоже нет,
любви обманутой, больной, —
её нетленно-чистый свет
всегда во мне,
всегда со мной.
И никогда не поздно снова
начать всю жизнь,
начать весь путь,
и так, чтоб в прошлом бы — ни слова,
ни стона бы не зачеркнуть.

Новелла МАТВЕЕВА

* * *

Любви моей ты боялся зря, —
Не так я страшно люблю!
Мне было довольно видеть тебя,
Встречать улыбку твою.

И если ты уходил к другой
И просто был неизвестно где,
Мне было довольно того, что твой
Плащ висел на гвозде.

Когда же, наш мимолетный гость,
Ты умчался, новой судьбы ища,
Мне было довольно того, что гвоздь
Остался после плаща.

Течение дней, шелестенье лет, —
Туман и ветер, и дождь...
А в доме события страшнее нет,
Из стенки вырвали гвоздь!

Туман и ветер, и шум дождя...
Течение дней, шелестенье лет...
Мне было довольно, что от гвоздя
Остался маленький след.

Когда же и след от гвоздя исчез
Под кистью старого маляра, –
Мне было довольно того, что след
Гвоздя был виден вчера.

Любви моей ты боялся зря, –
Не так я страшно люблю!
Мне было довольно видеть тебя,
Встречать улыбку твою!

И в тёплом ветре ловить опять
То скрипок плач, то литавров медь...
А что я с этого буду иметь?
Того тебе – не понять.

Александр ТАНКОВ

* * *

Беда благоприятствует любви
И подлинным, мучительным словам.
Рот в музыке, как в спёкшейся крови.
Предавшие меня, спасибо вам.

То бросят в воду, плыть не научив,
То в небо бросят, не уча летать.
Разбитый рот души музоточив.
К столу, пока не начало светать.

К перу, пока не кончило болеть,
Пока благоприятствует беда
Душе – похолодеть и посветлеть,
Любви – запечатлеться навсегда.

Максим ШВЕЦ

Портрет

Колючий волчец, полынь, лебеда...

Николай Гумилёв

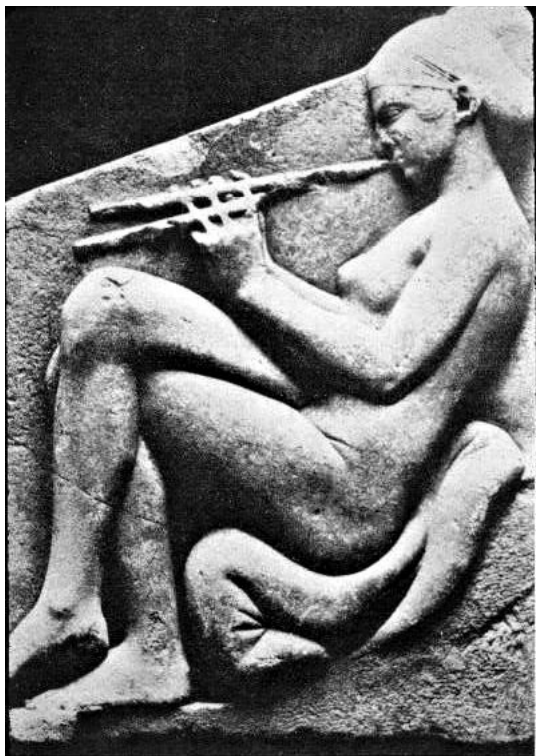
Она красива?
 Нет...
 Она прекрасна?
 Да!
 Цветут в её стране
 полынь и лебеда.
 Там камышовых глаз
 качает ветер взор,
 где холод, серебрясь,
 стоит перед грозой.
 Там облетает снег
 с деревьев – не листва...
 Она красива?
 Нет...
 Она прекрасна!
 Да!!

Она вас любит?
 Нет...
 Она любима?
 Да!
 Щёк смугловатый снег
 краснеет, как листва.
 Неяркий тонкий рот
 улыбчивее роз.
 Как галочье перо,
 блестит огонь волос.
 Цветут гвоздик нежней
 полынь и лебеда.
 Она вас любит?
 Нет!
 Она прекрасна?
 Да!!!

Работа Марины ЯСЫЧЕНКО

*ΑΦΡΟΔΙΤΑ
ΠΑΝΔΕΜΟΣ*

«То, что современное искусство называет любовью, к любви отношения не имеет»

(Патриарх Московский и всея Руси Кирилл)

Наталья СОСНИНА

Наболевшее

Шальная ночь желанием дышала.
 Сплетенье тел... истома... забытьё...
 Вдруг с губ, что ты недавно целовала,
 Слетает имя, только не твоё.
 Разбито сердце от удара словом,
 Душе теперь покой не обрести.
 А он твердит, он повторяет снова
 В каком-то отупении: «Прости!»
 И сразу кровь заledenела в венах.
 Понять пыталась по его глазам
 За что просил прощенья? За измену?
 Или за то, что проболтался сам?
 Тебя мужчины взглядом провожают,
 И внешностью Господь не обделил,
 Друзья, подруги любят, уважают,
 А он тебе так подло изменил.
 За что тебе такое унижение?
 Ему дарила ласку и любовь.
 Он просит у тебя сейчас прощенья,
 Но вдруг всё это повторится вновь?
 Всё отступило. Только боль потери...
 Глядит луна в открытое окно.
 Надежда с верой закрывают двери,
 На сердце пусто, холодно, темно...

Вера СТЕПАНОВА

* * *

Свирель терзает вдохновенно Пан
 и воспекает даль ручья, и рощу,
 и нимфу. Осмелев, и словно пьян,
 облапит мощно. Я гримас не морщу.
 Довольна, мой уже седой сатир,
 и подчиняюсь неумной страсти.
 Так дивно скроен наш подлунный мир –
 Уныные суеты его не застит.

π³ ο πλατωνισμός ο πατριωτισμός ο πνευματισμός

Живём как птицы, рады пустякам.
Одежды прочь, обыденности скуку!
Дарован год за годом только нам.
Потяжелей клади на лоно руку.

Подольше разжигай, не прекословь.
Прильнут к тебе мои живот и губы.
Так нежен ты. Уже совсем не грубый.
Воспламеняешь. Закипает кровь.

*КОМПЛЕКСЫ
ОЛЕГА ШЫНА*

Работа Валерии КОКОВКИНОЙ

*Печальные сказки братьев Гримм,
Хоть я их не читал.*

Олег Ильин

Александр КОРОЛЁВ

* * *

Печален стих Олега Ильина,
Я не читал, да и читать не буду.
Его труды украдкой раздобуду,
Повеселюсь над оными сполна.

Вера СТЕПАНОВА

* * *

Олегу Ильину

Сократа череп, удаль пацана,
неукротимость яркой прибаутки.
Как фарт, навеки искренность дана
и радость острой незаёмной шутки.
Чутьё к словам, к их атомам, игре.
Все эквилибры выдумок и смыслов,
упрятанные в речевой норе —
за хвост, на свет!
Несёт на коромыслах,
как вёдра, разноцветье наших драм,
волшебник, превращающий в игру
огрехи, глупости житейские и хлам
фрейдистских комплексов,
что шастают в миру.

Антон ПОГРЕБНЯК

Сон в летнюю ночь

*Я заблудился в Эрмитаже
Среди картин.
С уведомленьем о пропаже,
Олег Ильин.*

Мне снилось, будто по карнизу
Я шёл домой.
Открыл глаза, а город снизу,
Над головой

Летит бессмысленным оскалом
 Сквозь этажи,
 Подобно кадрам сериала,
 Мелькает жизнь,
 Заполнив горечью утраты
 Добра и Зла
 Пустые формы, нет возврата
 В те зеркала,
 Где знаки времени исчезнут
 Уйдут как дым,
 Лишь тянутся по краю бездны
 Следы, следы.
 В калейдоскопе тротуаров
 Осколки звёзд.
 О, предрассветные кошмары!
 Как будто Босх,
 Увлёкшись, вышел за границы
 Своих холстов.
 Глаза закроешь – снова снится
 Чёрт знает что.

Олег ИЛЬИН

Комплекс №1

(вроде бы из Алкмана)

* * *

Стекающим по телу воском
 Прольётся страсть.
 Безумием на грани Босха
 Упьюсь властью.

Убитых виноградин пятна
 На простыне.
 Щекотно, больно и приятно
 Тебе и мне.

Работа Марины ЯСЫЧЕНКО

Кусай меня, моя Менада!
Кусай взашей.
Рисуй на теле остриями
Карандашей.

Пока не превратилась в тыкву
Слепая Ночь,
Кусай, рычи, шепчи молитву,

Иначе скотч
Твои уста сомкнёт навеки.
Я так решил!

Восстанут зомби-человеки
Из всех могил.
Лишь тот, кто вложит мармеладку

В твои уста,
Поймёт, как жить
Бывает сладко.

И неспроста.
На голом теле капли воска.
И плоть в огне.
Ещё немного капель Босха
Тебе и мне...

Комплекс №2

(вроде бы из Торквадо Тассо)

* * *

Иступленно целую кожу в области плеч,
Я хочу твои ахи и охи действительно предостеречь.
Не глотай меня сразу драконовски внутрь себя

Как змея Анаконда ползком из Урочища Зла.
В воду плюх, а потом по земле
Поползла, поползла, поползла.

И шипящие в «женщинах» (в слове)
Всё так же шипят.
Анаконда молчит, вперив в душу
Урочищный взгляд.

Стекленеющий ужас в глазах отражает её.
И в душе растревожено ею шальное зверье.

Ну, давай меня, ешь меня, пей меня,
Злая змея.

Не мила мне
Тебя породившая
Злая земля.

Я пришёл и ушёл.
Мне не важно –
Я Богом забыт!
Этот мир! Этот поезд
Из глупо (из глупо!) разбитых корыт.

Этот всадник... четвёртый...
Бледнеющий... Грохот копыт...

Апокалипсис. Ночь. Анаконда.
Бледнеет. Молчит.

Комплекс №3

(вроде бы из Санфо)

* * *

Тайна спелой лесбийской любви
Упадёт на помятую простынь.
Мы насытились яблоком взрослым
На лучах восходящей зари.

Спелый, сочный, сочащийся плод
Мы кусали, касаясь друг друга.
И священное слово «подруга»
Мы шептали друг дружке взахлёб.

Спелой плоти божественный ток.
В беспорядке волос колесницы.
И склонённые навзничь ресницы –
Необузданной страсти поток.

*ВЕСЬ ГОРОД МОЙ
НЕЛОСТИЖИМЫЙ*

Валерия КОКОВКИНА «Сердце Петербурга».
75х75 см., роспись по шёлку — батик.

Николай АГНИВЦЕВ

Гранитный барин

Париж, Нью-Йорк, Берлин и Лондон!
Какой аккорд! Но пуст их Рок!
Всем четырём один шаблон дан,
Одни и тот же котелок!

Ревут моторы, люди, стены,
Гудки, витрины, провода...
И, обалдевши совершенно,
По крышам лупят поезда!

От санкюлотов до бомонда
В одном порыве вековом
Париж, Нью-Йорк, Берлин и Лондон
Несутся вскачь за пятаком!..

И в этой сутолке всемирной –
Один на целый мир вокруг –
Брезгливо поднял бровь Ампириный
Гранитный барин Петербург!

Николай АРТЁМЕНКО

Ночная симфония

Разъезжаются гости домой,
Светлый сумрак повис над Невой,
А ночной дирижёр
И мажор, и минор
Зажигает воздушной рукой.

Ноте до молча внемлет Нева,
Тихой рябью волнуясь едва,
Но не дремлет моряк,
И Андреевский стяг
Неизвестные шепчет слова.

На асфальте в лучах фонарей,
Красных, жёлтых, зелёных огней,
В свете тающих фар,
Нагнетая пожар,
Нота ре раздаётся сильней.

Дирижёр в музыкальной цепи
В руки ветру даёт ноту ми,
Что-то шепчет листва,
Словно низкое фа
Над травой пронеслась по степи.

Нотой соль беспокойный прилив
Порождает холодный мотив.
Вторит ветру волна,
И немая луна
Слышит гордый немолчный залив.

А у храма в завесе ночной
Нота ля пролилась тишиной.
И пищат у воды
Нотой си комары,
Перед алой, цветущей зарёй.

Вновь закончится нотный листок,
Пламенея, забрезжит восток,
Но вернётся луна,
Зажелтеют дома,
И к струне прикоснётся смычок.

Надежда БАРАНОВА

Карта метро

Карта метро. Четыре ветки.
Четыре цвета. Четыре пути.
Катятся под землёй вагонетки
Битком набитые людьми.

Карта метро. Шесть пересадок.
Кружочки жирные двумя цветами,
А наверху стерегут порядок
Милиционеры с пустыми глазами.

Карта метро. Чёрные буковки
 Каждой станции – своё название,
 Точки как цветные луковки,
 Из которых тянутся кверху здания.

Карта метро. На белом фоне
 Поверх голубенькой полоски Невы.
 Никто не узнает об этом, кроме
 Таких сумасшедших, как Я и Вы.

Павел БЕКЛЕШОВ

Петербужская весна

1.

Из окна уже свежестью веет,
 Но сосульки местами висят.
 Будто город о прошлом жалеет
 И мечтает вернуться назад.

Видно, раньше сугробы и наледь
 Его раны скрывали от глаз
 И лелеет об этом он память
 Что исчезнет буквально за час.

Плачет город о том, что минуло –
 За слезой на сосульке – слеза...
 Но опять свежим ветром подуло –
 Едет в гости к нам тётя Гроза!

2.

Ещё покрыты снегом крыши,
 На ласку беден редкий луч,
 Но головы заметно выше,
 Уже одежды вскрыт сургуч.

И улица как будто шире –
 Быть может, разошлись дома,
 Чтобы в своём автомобиле
 Проехать здесь могла весна.

Александра СУВОРОВА «Рассвет из окна»

Елизавета БЕЛЯНИНА совместно с Алексеем МЕРКУЛЕМ

Питер лечит меня...

Питер лечит меня. По-своему лечит,
Облака опуская на плечи,
Даже если и греться, то нечем...
Он незаметно, неслышно, но лечит.

Ветром сдувает мечты на рассвете
Глупые, детские с привкусом соли,
Или дождём всё смывает на свете
Так, что сознание не помнит о боли.

Но через миг, почему-то в кювете,
Роешься в собственных мыслях до воя,
Ищешь того, кто за что-то в ответе,
Считаешь потери кровавого боя.

И не заметив, как всё поменялось,
Бьёшься в сетях, забывая о прошлом,
И говоришь: «ничего не осталось»,
Только обидно и больно, и тошно.

И остаются надменные речи
Новые нужные яркие встречи,
И забывается слово «навечно».
Так Питер лечит меня. Всё же лечит.

Елизавета БЕЛЯНИНА

Город

Иссиня-чёрный цвет: вода и отражение.
И движущийся свет пустых огней.
И тень луны, и ночи приближенье
И город стен, фундаментов, камней.

Потрескавшийся лёд под тяжестью ботинок.
Дыханье воздуха, заставшее врасплох,
И на щите немой, безликий снимок
И осени последний тихий вдох.

Замёрзший серый снег, уснувший вдоль асфальта,
И шум машин, убийца тишины.
Подскок, прыжок, двойное сальто –
И мрак упал с небесной вышины.

Холодный острый взгляд везде и всюду
И жадный блеск украденных идей,
Гранит, бетон, осколков груды.
Здесь город стен, но только не людей.

Дарья БЕРТОВА

Путь

Холод кусает коленки и нос;
Соль – сапоги разъедает...
В зимнюю сказку нас Питер унес –
Сказка ведь разной бывает...
Чувства закованы в склеп ледяной;
Так неуверенно-скользко:
Думала, просто иду по прямой,
А оказалось – не только...
Путь выбирая – тропинку ищу –
Снегом всё замело...
«К счастью тебя ни за что не пущу» –
Вьюга пропела зло!
Я же иду, хоть и холодно – жуть...
Так бы и спряталась в щель!
Просто я знаю, что счастье – есть путь,
А не конечная цель!

Ксения БУРЖСКАЯ

* * *

Таков мой город зимой:
Острые словечки льда сломанного
На Обводном,
Ругань ветра сиплого...
Не подскажите, как пройти в Капеллу?
Прямо, до поворота, а там –
Налево. Спасибо!

С Невского –
 Два оборота кольца
 До моего (маршрут от Новаторов).
 А мне уже хрипло,
 Даже после глинтвейна,
 И липкими лужами площади
 Испещерены, как экваторами,
 Дама в метро в шубе каракулевой
 Заняла два места с букетом
 На эскалаторе –
 Такая нагрузка.
 Не подскажете где Аврора?
 Пожалуйста: вдоль по набережной.
 Катастрофа: не попасть в Русский.
 Понаехали. А там Врубель.
 Но сейчас все к культуре тянутся,
 Билеты только в цирк. А он, что же –
 Не искусство?
 Зубрами дома вставляли новые.
 До чего нескладно:
 Здесь, конечно же, тоже что-то
 Построят. Со львами, к примеру.
 Или рисованными атлантами.

Екатерина ВОРОБЬЁВА

Мой Петербург

Мне бы вечно бродить по залам
 Твоих улиц, хваля судьбу.
 Ты поймал меня в сеть каналов,
 Мой таинственный Петербург.

Ты балтийским вином под звуки,
 Что морская несёт волна,
 Из хмельного финского кубка
 Напоил меня допьяна.

И в пыли на краю дороги
 Без гроша за моей душой
 Буду славить я имя Бога
 За прекраснейший жребий свой.

π³ ο πλατωνισμός ο πατριωτισμός ο πνευματισμός

Жить под небом твоим ненастным
И терпеть беспощадность бурь.
Без тебя для меня нет счастья,
Незабвенный мой Петербург.

Марина ГАДЖИЕВА

* * *

В. Исаевой

Где-то в белоснежном Питере
Бродит одиночество.
В сером дедушкином свитере
Запереться хочется...

Красный лак и кеды синие –
Так не сочетаются!..
Мостовая. Утро. Иней.
Богу всё понравится.

Наталья ЗАБЕЛИНА

Вкус лета

Эти чёрносмородиновые вечера,
Черешни губ твоих –
Сладко.

Так близко зеркальной воды Невы темнота
И счастье на двоих –
Нежно.

Холод и рано желтеющая пустота,
Последний пустостих –
Горько.

Я знаю, что потеряла тебя навсегда,
Ты лишь в слезах моих –
Больно.

Катя ЗАРХ «Дом на Большом». Бум., акв. тушь. 30х20 см.

Татьяна ЗАХАРЧЕНКО

Диптих

1.

Приезжай ко мне в этот город
Безумцев с налётом романтики,
По которому так просто учить все эти портики-антики,
Каннелюры, все тонкости архитектуры,
В город, где зимой холоднее, чем в Арктике –
Где особая аура, своя семантика.
В окнах, будто в глазах пляшут искры и чёртики,
Город двух якорей, перекрещенных кортиков...
Город-сфинкс, город-сон, город-явь...
Этот город,
Где рассвет навсегда
Шпилям крепости вспорот,
Город-стих, город-стерх, ослепляющий сполох...
Призрак, ангел, фантом,
Наваждение, Молох...
Как засевший в груди
Старой пули осколок...
Как плечо моряка не вмещает наколок,
Каждый угол трещит от легенд...
Где любое найдёт
Из чудовищ мифолог,
Всё находится здесь, чего нет.
Наплевав на дожди, на туман, снег и холод,
На грабительский уровень цен РЖД,
Приезжай поскорее.
Мы ждём: я и город,
Отражённый в по-зимнему тёмной воде.
Приезжай поскорей.
Побродить по осенней,
Увядающей быстро, подмёрзшей листве...
Я обрывки стихов, что в моей голове

Не хотят помещаться в привычных размерах,
 Прочитаю, возможно, стесняясь, тебе –
 Ты, конечно, всегда
 Критикуешь без меры.
 Впрочем, всё ерунда. Это так, для примера...
 Дело вовсе не в том.
 Приезжай поскорее.
 Мы ждём.

2.

*Посмотришь на него – человек как человек, а внутри –
 Город, дымящийся в руинах.*

из «Кодекса Царя Хаммурапи»

В этом городе все мы –
 С акцентом влюбленности,
 С прищуром безумия,
 С какой-то лёгкостью
 Экстравагантны:
 Бравируем, шутя цитируя Канта,
 Без тени манерности, весьма впопад.
 Мы пишем портреты, стихи, эпиграммы,
 Мы ждём чье-то слово, а может, и взгляд...
 И нет напускного ни доли, ни грамма
 В том, что говорим
 Или нам говорят.
 Обычные люди, но здесь на каждом
 Есть тайный знак. И не тень эпатажа,
 Другое.
 Заглянешь в глаза – а там город,
 Но не дымящийся, не в руинах,
 Такой, как на деле – да на картинах:
 Острый шпиль, Ангел,
 Огонь на колоннах,
 Суда на каналах, –
 Да весь он, огромный!..
 И в каждом вдохе,
 В каждом твоём вздохе –

Воздух с залива,
В нетерпеливом,
Спешащем шаге – гулкость «бурга»,
Скрипением снега – «Санкт»...
И где-то
лучом фонарного света,
Лёгкий как ветер –
«Петер».

Олег ИЛЬИН

* * *

Высокомерия убийственных законы.
Записывая день очередной,
Жильцов ушедших сдавленные стоны
Ты вдруг услышал где-то за стеной.

Вечерних сумерек поток из Петроградки –
Из чашки, пенясь, льётся через край.
Загадочно, дневнично из тетрадки
Выглядывают буквы невзначай.

Ты в центре Петербурга – в центре мира –
Усталый взгляд застыл на потолке.
Как деревянного, тяжелого кумира
Тебя жильцы сплавляют по реке.

Течение времени. Тоска. Неумолимо
Потоки сумерек стремятся через край.
И в дневнике твоём неувовимо
Живые буквы плачут невзначай.

Антонина КАРИМОВА

* * *

Пышет золотом парк,
Светел город в наряде осеннем,
Ворожит листопад,
Как затейливо листьев круженье!
Мириадами солнц,
Излучая надежду повсюду,
Славят жизни сезон
Фейерверки сентябрьского чуда.

Татьяна ЛАПИНА

* * *

У берегов Английского пруда
На бликах солнечных покачивались лодки,
Ласкал портвейн студенческие глотки.
Мы были молоды и счастливы тогда.

На берегах Английского пруда
Теперь дорожки строги и линейны,
Сирень сиренева, а лилия лилейна,
Не рвать, не мять, не заходить туда.

По берегам Английского пруда
Траву равняют аккуратной грядкой,
Так и у нас по строгому порядку
Разложены десятками года.

В каких морях сегодня та вода?
И лодки те в каком уснули месте?
Какая разница, когда мы снова вместе
На берегах Английского пруда.

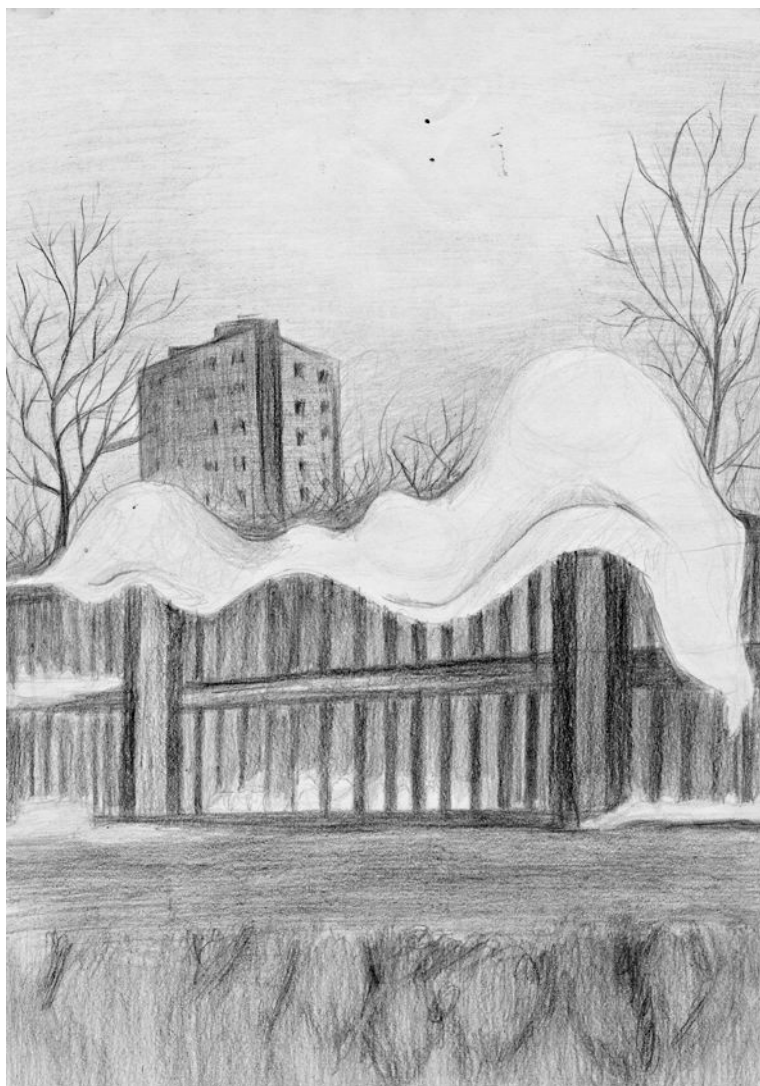
Людмила НОВИКОВА

Ангел

Когда на улицах темно,
И всё движенье замирает,
Ты ночью выгляни в окно:
Там Ангел по небу летает!

Вот он медлительно кружит
Над Петроградской стороною...
А Петербург устал и спит,
Укрывшись снежной пеленою.

Чтоб мы спокойно спать могли,
Хранитель наш, помощник скорый
Покинул лучезарный шпиль
Над Петропавловским собором!

Александра СУВОРОВА «Снег»

Уснули площади, мосты,
Нева в серебряных оковах...
Не спит лишь Ангел, с высоты
Всегда на зов прийти готовый.

Валентина ОСИПОВА

* * *

Маме моей

Мама в детство уехала... плакать,
Окунуться в волшебное «было»,
Ощутить душистую мякоть
Деревеньки, где все забыли
И мне кажется, не узнали,
Потому что в сединках детство,
Ну а мама, за ручку с мамой,
Ищет тех, кто жил по соседству.
С мамой доброй, воскресшей, прежней
Тихо память девочку водит
Босиком по колючкам внешним,
На вечорочке хороводит...
Вспоминает, как ранней пташкой
Петь в церковном хоре летела,
Как в двадцатом тятё в рубашку
Горько плакала: Церковь горела.
Сколько лет уже ленинградка
И прабабушка – скоро год,
Забывая блокаду, сладко
Колыбельные песни поёт.

Александр ПАК

Песенка про Купчино

Что такое Купчино? Это наш район.
Спальный, очень спальный, очень спальный он.
Сны идут по улицам и по площадям,
И от солнца жмурятся в окнах тут и там.

Может, окнам снятся тайны пирамид.
Может, окнам снится Парфенона вид.
Может быть, им снится римский Колизей,
Или Царскосельский царственный лицей.

Может, снится Лувр, может, Эрмитаж,
Может, Атлантиды голубой мираж,
Статуя Свободы на семи ветрах,
Эйфелева башня и Москвы размах.

Снится Амазонка, и страна Тибет,
И над Фудзиямой радужный рассвет –
Необъятна наша круглая Земля.
И повсюду Купчино – Родина моя!

Анастасия ПЕРЛУХИНА

Рождество в Петербурге

Рождество в Петербурге, мерцание свечек ночное,
И Нева леденелая, светом луны залитая.
Серебристые звёзды во мгле ожидают покоя –
Это сон или явь, вы признайтесь, такое бывает?
Утонул в волшебстве яркий луч колокольного звона,
Засветились огнём золотистых церквей купола.
На дворе – Рождество, на столе – образа и иконы.
Эхо Ангелов тает в таинственной дымке добра.
Пусть проходят года, унося за собой всё былое,
Все грехи, оправданья, любую вину человека.
Догорает звезда, забирая на память с собою
Петербург. Торжество. Рождество XXI века.

Георгий ПЕТРЕНКО

* * *

Шаг. Шаг. Шаг, тук, шаг, тук, шаг –
Чеканю шаги я по улицам Питера,
Воздухом хладным дыша,
Шаг. Шаг. Шаг, тук, шаг, тук, шаг,
Неоном на вывеске светится литера,
Мимо машины спешат,

Шаг. Шаг. Шаг, тук, шаг, тук, шаг,
 И тело наполнено силою,
 И пышет восторгом душа,
 Шаг. Шаг. Шаг, тук, шаг, тук, шаг,
 Ряды фонарей столь постылые,
 И жизнь бесконечна, (шаг, шаг)
 Хо-ро-ша,
 Тук, шаг, шаг, шаг...

Антон ПОГРЕБНЯК

Патриции

*Нет в Петербурге ни «Васек», ни «Петроградок»
 И никогда не было никаких!!!*

Из комментариев на livejournal.com

Осенний ветер гнал над Петроградкой
 Обрывки фраз, газеты, тучи, листья.
 Здесь пропадали в куче мёртвых истин
 Твои патриции. Все двигалось к упадку,

А там, в метро толкаются плебеи,
 Кусают локти, разбивают лица
 Твоих патрициев. Уходят колесницы.
 Ещё один последний день Помпеи.

Ты вновь снижаешь цены на надгробья
 Твоим патрициям. Опять теряешь память.
 Как веками, цепляешься веками
 За небоскрёбы. Смотришь исподлобья

Сквозь громогласные трибуны стадиона
 На хлеб и зрелища, на волны и мосты,
 Осенний ветер обострил черты
 Твоих патрициев, на старость обречённых.

Они идут сквозь наводнения и блокаду.
 Они уходят, осыпаются листвой
 Твои патриции. Лишь ветер над Невой
 Казнит и милует, и раздаёт награды.

Лет через тридцать или пятьдесят –
Ты только продержишься, не сдай позиций –
Я молча стану в строй, как твой патриций.
Свои не выдадут, чужие не съедят.

Николай СЕРГЕЕВ

* * *

Мне плевать на местных голубей.
Я печалюсь о далёких чайках...
Не любил я, как они кричали
Над Невой: что может быть грубей? –

Думал я, спеша с пакетом срочным
И стихами в пыльном рюкзаке...
А теперь я на другой реке
И другие в небе многоточья.

До работы пять минут ходьбы –
Не до птиц, не до стихов тем паче...
Лишь порою чудится, что плачут
Чайки обо мне... ах, если бы!

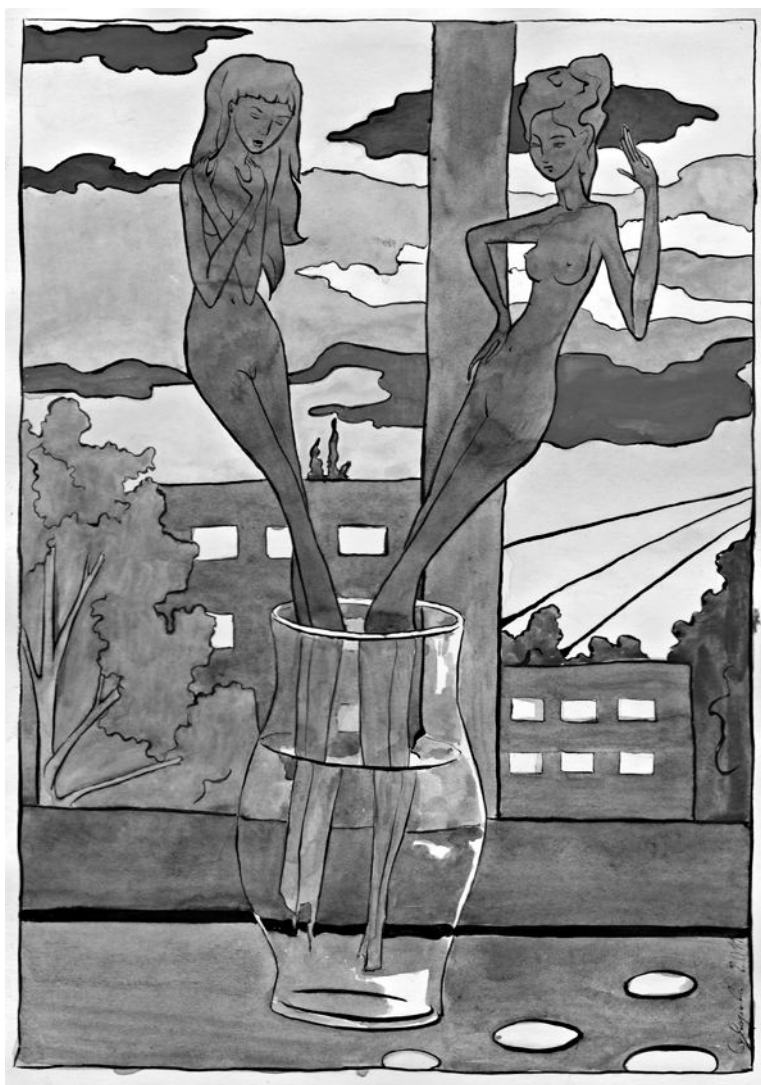
Калерия СОКОЛОВА

* * *

Не яркий и не тусклый,
Во все печали вхож,
В плечах и бёдрах узкий,
Ни русский, ни французский,
А петербургский дождь.

Несутся лёгким дымом
Густые облака,
Как призрак Хиросимы,
Как злые херувимы,
Как кончики платка.

Счастливец, неудачник,
Влюбленный, пессимист,
И бабушка, и мальчик,
Автобусы на Стачек –
Всех любит ливень-Лист.

Александра СУВОРОВА «Две»

Вера СТЕПАНОВА

* * *

Мой Петербург, дари неспешные рассветы,
раздумий тишину, секрет полутонов,
И мудростью веков развенчивай наветы
неразберихи дел и суетности слов.

По праву старшинства наивность неопита
излечивай во мне, изведавшей напасть
доверия к любви, чья суть была размыта,
надсаду отведи, не дай душе пропасть.

Мир очевидностей переживём по-братски
и, может быть, вдвоём распутаем клубок
посулов пустоты и вылазок пиратских
обманчивых надежд. И да поможет Бог.

Святослав ТЕРНОВ

* * *

Бесцельно дробится хрусталь отколовшейся льдины
На тёмно-коричневых, пьяных от солнца волнах.
Грифоны, мурлыча, мечтательно, выгнули спины
И нюхают воздух, забыв о пророческих снах.

На шеях у Сфинксов цепочками звякают блики,
Потом рассыпаются в пляске с тенями воды.
Возможно, что радость и горе не равновелики,
Но тают пронзённые негой бесценные льды.

Алексей ХУДЯКОВ

Прогулка

Обескровленный борьбой с химерами,
Измотанный яростными спорами с призраками,
Контуженный, оглушённый в бесконечных боях с собою самим,
Солнечным, сентябрьским утром в едва заметной дымке
Я пойду на Крестовский, я пойду на Елагин
По безлюдным аллеям.
Я буду смотреть на сияние опавшей листвы на медленной чёрной воде
И на дрожащее в ней небо, вылинявшее от дождей.

И вдыхать усталой душой безмолвие,
Наполняя себя тихим светом осеннего солнца.
Долго будет плутать трамвай коммунальными коридорами Петроградской.

Максим ШВЕЦ

1.

Город каменных львов,
вечных сфинксов и медных коней;
продувная столица,
забытая новой элитой;
где на окнах моих
по ночам пантомимы теней
представляют в китайском театре
фонарные блики...
Город сонных каналов
и белых ночей восковых,
и гранитных колонн,
и блестящих, как слава, фонтанов;
где на мрамор дворцов и узорный чугун мостовых
ветер западный с моря солёную пыль наметает.
Город нежных богинь,
невесомых решёток сквозных,
и дворов проходных,
и летящих, как небо, соборов;
где бодрят круглый год
острый воздух и свет белизны,
как любовь без ответа,
трескучий мороз,
сумасшедшая скорость.

2.

Это – город-мечта, город-марево,
город-туман,
то ли царская блажь, –
то ли дар благодати небесной.
Чудом света он был,
и заморских гостей принимал,
был тюрьмою народов
и проклятым местом.

Это город-герой,
ставший городом пыльных дорог,
непутёвой провинцией
нового плоского мира;
весь в трущобах дворцов,
в небоскрёбах бездонных дворов,
в заскорузлых гранитах
на жиже болотного жира.

И магический холод,
и мощи увядших могил
ждут последнего часа,
последнего преображенья,
погружения в толщу, в пласты,
в прародительский ил,
в золотое беспамятство
духов блаженных.

И синюшная цвель
покорёженных бронзовых лат
пахнет тиной сырою,
сырьём первобытного моря.
И консервные банки трамваев
со звоном летят
мимо сказочных свалок
и славных помоек.

Горький ветер, томление плоти
и старая боль.
Нам не страшно, не страшно,
не страшно, не страшно, не страшно...
Это – дыма горящих лесов
ядовитая соль,
это – белая ночь
и дождя непролазная чаша...

Работа Марии СЕЛЕДЧИК

Елена ШИПИНА

Пегасоград

Это что за выкрутасы?
Вдоль по Невскому Пегасы
Пролетают – просто асы! –
Мимо Думы, мимо Спаса.

Над Невой Пегасы тоже,
На мосты они похожи.

Выгиб спин такой игривый!
Невский ветер бьётся в гриве,
Невский ветер выюжит хвост...
Посмотри, ну чем не мост?

На Фонтанке, как посты,
Те Пегасовы мосты.
Сколько их и седоков
Без удил, подков, оков?!
Ну, так что же вы хотите?
Это же Пегасо-Питер!

Ирина ЯРКОВА

1. Петроград

Знаешь, здесь неба много.
Знаешь, оно – бездонно...
Воздух со вкусом грога,
С примесью беладонны.

Здесь разрывают ветры
В клочья вуаль тумана.
Гения – геометра
Замысел без изъяна...

В камне встают и блеске
Улиц тугие стрелы
Дали пронзают резко
Шпили, кресты и стеллы...

Знаешь, я прирастаю
 Плотью своей к граниту,
 Небу без дна и края,
 Льющему слёзы в сито.

2.

А у нас – минус три.
 Ослепительно солнце на шпиле,
 Как осколки зари,
 Что с утра вдруг небрежно разбили.
 Загляделась весна
 В небеса, на себя удивляясь:
 «Хороша я со сна!
 Ничего, что так поздно являюсь».
 «Красоту не проспичь» –
 Утешает себя и смеётся.
 Даже бронзовый чиж
 На Фонтанке проснулся от солнца.

**Валерия КОКОВКИНА «Аничков мост». 70х70 см.,
 роспись по шёлку — батик.**

ФИШАЛ МПӨ ЛЭТИ В ДЕ-КАСТРИ

с. Богородское Хабаровский край Ульчский район

Работа Валерии КОЛЫЧЕВОЙ

Татьяна ИВАНИЛОВА

Стихи для детей

Детство

Что такое детство?
 Это солнца лучик.
 Это ветер дерзкий
 Разгоняет тучи.
 Маленький кораблик
 В маленьком ручье,
 И моя ручонка
 В маминой руке.
 Что такое детство?
 Почему проходит?
 Отчего растём мы?
 Что такое годы?
 Нет на всё ответа,
 Но я знаю: просто
 Детство – самый лучший
 И весёлый остров!

Не верю

Не верю я, что мама
 Малюсенькой была,
 И что мою бабулю
 Вдруг... мамою звала.
 Такого быть не может,
 Не верю ни за что!
 Ну, разве мама сможет
 Залезть в моё пальто?
 Мне отвечала мама:
 Каталась я с горы
 И лазила в сугробах
 С ватагой детворы.
 Быть этого не может!
 Мои слова верны.
 Смеётся мама: Что же,
 Упала я с Луны?

Работа Марины ЯСЫЧЕНКО

С Луны – такое может,
Там мамы все живут
И к нам они приходят,
Когда их позовут!

Смех

Для чего нам нужен смех?
Чтобы мы смеялись,
Чтобы все до одного
Дружно улыбались!
Если кто заплачет,
Рассмешу опять.
Как? Да просто стану
Пятки щекотать!

Прятки

Я в прятки так люблю играть,
Ну, хоть с утра до вечера.
Но не люблю других искать.
Мне, что ли, делать нечего?
А иногда спрячусь так
В каком-нибудь стогу,
Что, как иголку, сам себя
Найти я не смогу.

Юбилей

Дни рождения не только у детей.
Край наш славный отмечает юбилей!
Имениннику вручат, быть может, торт,
Отдыхать его отправят на курорт.
Гости будут за уши трясти
И кричать: «Расти, наш край, расти!»

Рисунок

Ульяский мальчик рисует нарты,
Русский мальчик красивый узор.
И ведут они с красками яркими
Свой таинственный разговор.

Белоснежный листок бумаги
 Можно смело разрисовать.
 Хочешь – лес, хочешь – башню с флагом,
 Всё, что может существовать.
 Фантазируй, дерзай, художник!
 Власть твоя, если кисть в руке.
 Серой краской прольётся дождик
 И, бурля, побежит к реке.
 Щедро жёлтою краской солнце
 Нарисуешь в углу листка
 И в распахнутое оконце
 Залетевшего мотылька.

Маму с папой рисуешь снова,
 Хотя не помнишь, какие они.
 Нарисуешь грусть детского дома
 И весёлые светлые дни.

Дед Мороз

Я ночью спал и видел сны,
 Обидно мне до слёз.
 А тут из сказочной страны
 Явился Дед Мороз.
 Под ёлку куклу положил
 Для маленькой сестрёнки,
 А мне отличных пару лыж,
 Чтоб я катался с горки.
 Ещё он яблоки принёс,
 Конфеты, шоколад.
 Спасибо, дедушка Мороз,
 Тебе от всех ребят!

Новогодняя страна

Хорошо, что есть она,
 Новогодняя страна!
 Ехать нам туда не надо,
 К нам сама придёт она.
 Там игрушки и подарки,
 Огоньки на ёлке яркой

Работа Марины ЯСЫЧЕНКО

Ослепительно горят
И сверкают для ребят.
Дед Мороз там настоящий
Из лесной дремучей чащи.
Веселится детвора:
Новый Год встречать пора!

Снеговик

Я леплю снеговика
Из пушистого снежка.
Вот – морковка, вот – метла,
Шарф на шею – все дела!
И стоит снеговичок,
Мой забавный толстячок.
Пусть за дверью темнота,
Не покинет он поста.

Стихи для детей о войне

* * *

Мне обидно. Воевали деды,
Ну, а я совсем не воевал
И не ждал с надеждою победы,
Лишь в войну с мальчишками играл.
А во сне я вижу, как на танке
Бью фашистов в яростном бою,
Как кричу: «За Родину!» в атаке
И на землю падаю свою.
Просыпаюсь – ничего не видно.
Страшно, но придётся свет включить.
До чего, товарищи, обидно:
Не успел я орден получить!

Моряки

Мы моряки военные,
Присяге мы верны.
Нам Родина доверила
Моря своей страны.

И если на Россию
Напасть посмеет враг,
Его всегда осилит
Наш доблестный моряк!

* * *

Ради жизни на Земле
Деды воевали.
До чего же тяжелы
На груди медали!
Вот бы мне одну медаль
Иль, хотя бы, орден!
Я бы деду доказал,
Что я тоже воин.
Трудно в школе отвечать,
Получать пятерки.
У доски бы замолчал
И Василий Тёркин.

Наталья СОСНИНА

Детская страничка

Ты расти

Ты расти, расти во мне,
Чудная горошина.
Часто вижу я во сне
Малыша пригожего.
Когда лето запоёт
Свою песню нежную,
Мне подарок принесёт
Птица белоснежная.
Прогоню все беды прочь,
Зёрнышко ты маково.
Сын родится или дочь —
Счастье одинаково.

* * *

Солнышко устало, село за лесочек,
Кот мурлычет сонно: «Баю-баю-бай...»
Засыпай скорее, милый мой сыночек,
Пусть тебе приснится дивный Чудо-край.
В том краю волшебном речки голубые,
Как хрусталь прозрачна чистая вода,
Плавают – танцуют рыбки золотые.
Загадай желание – выполнит всегда.
Там живёт Жар-птица, Волк читает сказки,
Рыжая лисичка песенки поёт.
Смежены реснички, засыпают глазки,
И по Чудо-краю сын во сне идёт.

* * *

Маша, Машенька, Маняша,
Доедай скорее кашу.
В огород с тобой пойдём,
Много ягод соберём.
Позовём подруг, друзей,
Чтобы было веселей.
Потанцуем, попоём,
А устанем – спать пойдём.

* * *

Тот печальный вечер помню хорошо.
Взял мой папа вещи и от нас ушёл.
В комнате уныло, лампа не горит,
Мама на диване плакала навзрыд.
Не печалься, мама, не страшна беда,
Ведь с тобою рядом буду я всегда.
Возвращайся, папа, в наш уютный дом,
А не то придётся пожалеть потом.
Лучше не упрямысь на свою беду,
Ведь другого мужа маме я найду.

Татьяна ИВАНИЛОВА

Солдатам Великой Отечественной посвящаются

Война

Ничто беды не предвещало,
Но всё тревожней тишина.
И вдруг надолго главным стало
То слово страшное – война.

Не знали, что война надолго,
В победу верили свою,
Но был и ты сражён осколком
В суровом огненном бою.

Руками зажимая рану,
Ты падал и опять вставал.
Шептали губы: «Мама...мама...
Ведь я ж ещё не воевал...»

И снилась милая сторонка:
В окошке светится огонь,
Там ждёт тебя твоя девчонка,
А за околицей – гармонь...

Из госпиталя путь на запад,
Друзей немало полегло.
Ты роту поднимал в атаку
И выжил всем смертям назло.

Как далеко всё это было:
За той чертой, в других краях...
Но только память не забыла,
Оставив иней на висках.

Звезда

В кустах залегла наша рота,
В атаку готова всегда,
А там, в глубине небосвода,
Вдруг вспыхнув, упала звезда.

Упала звезда и погасла,
В атаку бежал, как в бреду.
Подумалось вдруг, что вот так же
Я в этом бою упаду.

В бою упаду не напрасно –
Звезда была чьей-то судьбой,
И вспышкой огненно-красной
Внезапно закончился бой.

Закончился бой и остался
Лежать лейтенант молодой.
Как видно, не зря он боялся
Столкнуться с упавшей звездой.

Земля, что дышала недавно,
Обуглилась, как никогда.
А с неба то быстро, то плавно
Вновь падала чья-то звезда.

* * *

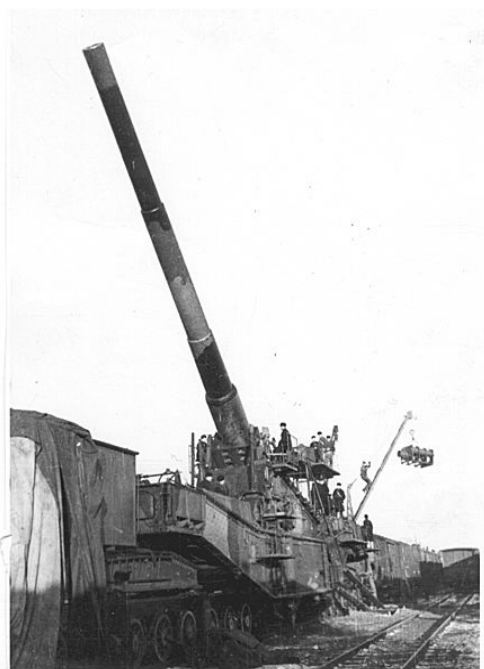
Вы помните, грохот орудий
Заставил забыть тишину.
Простые советские люди
Надолго шагнули в войну.
Был мир в одночасье расколот,
И в эти суровые дни
На фронт уходили мальчишки,
Забыв, что мальчишки они.
Шагнули на фронт с выпускного,
С шинелью и каской срослись,
И снилась им снова и снова
Всё та, довоенная жизнь.
Где тихие зори алели
И яблони пышно цвели.
Ах, только бы вы уцелели,
Живыми вернуться смогли!

Сражались и насмерть стояли,
 Друзей потеряли в боях.
 Они обелисками стали
 И памятью в наших сердцах.
 Вот вспомнилось то наступленье,
 Приказ «Не сдаваться врагу!»
 Суровая горечь сраженья
 И алая кровь на снегу.
 Победа! Девятое мая –
 День незабываем и свят.
 Сегодня весь мир поздравляет
 Пришедших с победой солдат.

* * *

Вздрогнуло тело Земли
 В яви кошмарного сна:
 Это в кровавой пыли
 Шла Мировая война.
 Двигалась поступью смерти,
 Ужасом концлагерей.
 Кто испытал их, поверьте –
 Враз становился взрослей.
 Нас с самолётов бомбили,
 С танков стреляли в упор.
 Всё же страна победила,
 Выжила наперекор.
 Сколько погублено жизнью
 Страшной машиной войны,
 Но для России – отчизны
 Вечно живые они.
 Родина-Мать поимённо
 Помнит о них и скорбит,
 У обелисков их скромных
 В низком поклоне стоит.

Ветеран

Наденет в праздник ордена,
Сто грамм нальёт, друзей помянет.
– Ах, распроклятая война!..– вздохнёт
И плечи вдруг расправит.
И в клуб тихонечко пойдёт
Наш ветеран, наш брат служивый,
Туда, где весь честной народ,
С друзьями вспомнит, как служили,
Как началась она, война,
Как немцев гнали до Берлина,
Как получали ордена
Ну, как один, в строю едином.
Вот вспомнили последний бой,
Как Дню Победы были рады.
Потом тихонечко – домой
И снимут бережно награды.

* * *

Ты в атаку бежал –
Мимо пули свистели,
Ты в разведку шагал
Сквозь дожди и метели.
Ты танкистом служил,
Ты – пехота, дружище,
Защищал и своё,
И чужое жилище.
Сколько вёрст прошагал
По дорогам военным,
Сколько лучших друзей
Ты в боях потерял,
Но для нас навсегда,
На века, неизменно
Ты не просто солдат,
Ты СОЛДАТ-ГЕНЕРАЛ!

Была весна

Была весна, деревья зеленели,
Оркестр военный
Лихо марш играл.
А мы ещё осмыслить не успели,
Что День победы, наконец, настал.
И на Амур, в наш маленький посёлок
Ворвалась радость шумною волной.
И каждый мил, и всякий сердцу дорог,
Ведь жили все в войну одной семьёй.
Все плачут. Кто с войны ждёт – не дождётся:
Скорей, родные, возвращайтесь
В дом родной!
А у кого в кармане похоронка,
Надежда теплится: «А вдруг придёт живой...»
Приди скорей, здоровый иль калека,
Ведь для семьи ты самый дорогой!
На всей земле нет ближе человека,
Чем ты, пускай безногий иль хромою.
Достав из сундуков платки цветные,
Расставив на всю улицу столы,
Весёлые, нарядные, хмельные
Справляли окончание войны.
Войны, что забрала немало жизней,
И столько лет всем было не до сна.
Все пили за победу, за отчизну,
И чтоб навеки сгинула война!

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ
СТИХИ

ЁЖИК ИЗ ТУМАНА

Марина ЯСЫЧЕНКО «Ёжик из тумана»

Елена КАЧАРОВСКАЯ

* * *

Чай подсолён. Горяч подстаканник.
 Дребезжит проводницею дрель,
 Душновато. Вспотевший нефтяник
 Мечет жирную рыбу-форель.
 Ходит бабушка в жёлтой пижаме
 Красоваться в вагон-ресторан,
 Два узбека рисуют ножами
 На обшивке священный Коран.
 Близнецы бьются в карты и лбами,
 Мама пьёт возбуждающий сбор,
 Виртуозен с вставными зубами
 И, бесспорно, галантен майор.
 Пахнет нежно хозяйственным мылом
 Престарелый постельный комплект.
 Ты прости, я случайно забыла
 Сообщить, что купила билет
 До неведомой станции «Пустошь»
 Не храни – не брани – не лови,
 Всё боялась, что ты непустишь
 От вокзальной твоей нелюбви...

* * *

Ты есть и будешь всегда
 точкою, атомом, ижицей.
 Будущего вода
 меж городами движется.

Не спрашивая зачем,
 пропастью или горкою
 малый ручей ничей
 соль размывает горькую.

Цепи и страхи есть
 знаками нашей улицы.
 Сами сплетаем сеть,
 чтобы сильнее путаться.

Кстати о жирафе

Бежит жирафа, машет шарфиком.
Я по тебе раскинусь Африкой,
Я по тебе соскучусь беженкой,
Эстеткой, нищенкою, неженкой...

А, может, беглою жирафою,
Чтоб глубже знал ты географию...

Пародия на «Кстати о жирафе»

Автор — Мария ФАРБОТКО

Бежит француз, мотая гривую.
Спляшу в белье тебе игриво я.

Прикинусь влажною салфеткою,
Чтоб ты проникся опереткою.

А может кнопка на пороге я...
Что за наука? — Биология!

Я по тебе раскинусь Францией,
Чтоб отличал ты стан от станции.

Длина всей нежности моей к тебе:
от Петербурга — через Омск — в Тибет.

Вот кулинар дымит картофелем.
Прижмусь к тебе я светским профилем.

Я на тебя плесну мурашками,
С холестириновыми бляшками.

Летит орёл, роняя пёрышки.
Пощечочу тебе я рёбрышки.

Верблюды скачут, на ходу плюя.
Горбом к тебе пристроюсь сзади я.

Я внутрь тебя втеку магнезией,
Чтоб разобрался ты в поэзии.

Работа Марины ЯСЫЧЕНКО

Елена КАЧАРОВСКАЯ

* * *

День лукав,
да и я – хитрованка,
Видишь, красный нарядный помпон
Вместо стильной кокетливой шляпы...

Я сегодня оделась вперёд
Дню лилейному,
Оле Луко́йе, Братьям Гримм
Или Шарлю Перро...

Впрочем, есть ли в том разница,
Если
шпанской мушки
Над верхней губой
Предостаточно...
Будем кутить,
И бросаться в прохожих улыбкой,
Дерзким словом,
Хурмой, конфетти...

Сколько глаз на затылке бродяги?
Сколько листьев на зимней метле?
Меломанов на архипелаге,
Сколько лис? И кулис?
Сколько Ле?

История одного портрета

Не зря отметили мольберт
В полёте гули.
Я рисовала Вас, Альберт,
На диком муле.

Как грациозно и легко
Вы гарцевали,
Струился пот меж париком
И «Цинандали»...

Бокал в-бокал. Хрустальный «чок».
Кружились осы.
А мул, хотя и старичок,
Но Вас не сбросил.

Всё удалось! Лужок в цветах,
Чуть позже – дети,
Чертовски мил кентавр в летах
На том портрете...

Рецепт от холода

Взлетают мухи на юга,
Туда, где сохнут эвкалипты,
И там же, надо полагать,
Ликут всякие Египты.

Теперь уж бороду не брей,
Для дикой шерсти есть химчистка.
Зима боится батарей,
Не терпит Африки, расистка!

Претензий нежных не питай,
Где кружева и всё иное,
Мне холод – слабая пята,
Я пятки прячу в шерстяное.

Осенних листьев суховей
Разграбят дворники сердито,
Бельё с начёсом. Пью глинтвейн,
И запасаясь целлюлитом.

* * *

Я не надену больше брюки,
Ключи оставлю на столе,
Есть город под названием Брюгге,
Там крыши цвета крем-брюле.

Угри копчёные, как надо,
Картофель славно пропечён,
Больных – врачуют шоколадом,
Здоровых – потчуют лещом.

Распевность вольных колоколен
И воркованье голубей...
А тех, кто жизнью недоволен,
Бросают в воду с кораблей.

Эй, капитан, плесни из фляги!
Вильну хвостом. Хороший трюк.
Плыть в Брюгге или Копенгаген,
В морях русалкам не до брюк.

Елена ШИПИНА

Логопедическое упражнение

«Место стрелки изменить нельзя»

Под сенью анчара
Торчала тачара,
И ключ в зажиганьи торчал.
В тени же тачары
Там что-то ворчало,
А может быть, кто-то урчал.
А может, тачара
Сама и рычала:
Ведь звали её Ягуар.

А из тачары
Торчало мочало
Или пяток игуан –
Всё для того,
Чтоб начать нам сначала:

Старший братишка Хуан
Двинул тачару
К тому янычару,
Что под анчаром
В бумере с тюнингом в виде кальмара
На правом крыле,
А на левом плече –
С татуировкою из игуан.

π³ ο πλατωνισμός ο πατριωτισμός ο πνευματισμός

Рекогносцировка:

Не разглядеть нам теперь янычара.

Где же братишка Хуан?

Только торчат из Хуана тачары

Пять или шесть игуан,

Что чуть горчит и уж вонь источает,

Но нас ничуть не огорчает,

Правда, братишка Иван?

— А ты уверен, анчар — не чинара?..

Под сенью чинары

Торчала тачара...

* * *

Мирка очень любит сыр,

Если в сыре много дыр,

Потому что Мирка

Очень любит дырки.

Работа Марины ЯСЫЧЕНКО

ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНАЯ
СТУДИЯ «ЗАЛОВЕДНИК»

Руководитель
Александр Львович ПАК

Работа Марины ЯСЫЧЕНКО

«С ГОЛУБОГО РУЧЕЙКА НАЧИНАЕТСЯ РЕКА...»

Любовь АКИМОВА

8 класс

Мозаика

Сегодня собираю я мозаику.
Решаю я нелёгкую задачу.
И нужно лишь смекалку проявить,
Чтоб яркую картину получить.

Её я собираю очень долго.
Бывает месяц-два, а то и больше.
Хотя, быть может это странно,
Мозаика – бальзам моей душе.

И приставляя пазл к пазлу,
Мозаику я с жизнью сравню,
Как детскую картинку из мозаики
Я жизнь пытаюсь выстроить свою.

Мари АНОЯН

205 гимназия, 3 класс

* * *

Я хочу быть лучше себя самой,
Чтобы хранить своё сердце в пещере заката.
Чтобы ночью искать солнце,
А днём искать звёзды,
Идя по своим следам.
Я хочу быть лучше себя самой.
И любоваться розой, распутившейся над Луной.

Полина ВАРГИНА
205 гимназия, 2 класс

Ручка

Ручка пишет предложенье,
Если вдохновенье есть.
Ручка пишет продолженье,
Если чернила, конечно, есть.
Ручка пишет окончанье,
Если есть о чём писать.
Ручка пишет на прощанье
И пора ей отдыхать.

Времена года

Осенние листья рисую я кистью,
А почки рисую обычно весной.
Рисую зимой как снежинки танцуют,
А летом рисую я мир золотой.

Ира ВАСИЛЬЕВА
205 гимназия, 5 класс

Хочу быть лучше себя

Мне раньше казалось, что я лучше всех.
Всегда торопилась куда-то наверх.
Однако, потом оказалось
Что я глубоко ошибалась.
Теперь на ошибках своих я учусь
И снова учиться совсем не боюсь.
И стану когда-нибудь лучше себя.
Так будет. И в этом уверена я.

Анастасия ВИЛЬЧЕВСКАЯ

6 класс

* * *

*Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, –
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...»*

Ф. И. Тютчев

Застывшие сиреневые тучи,
Застывший лёд и снега одеяло,
Застыли у деревьев ветки, сучья...
Как мало жизни в этом мире стало!

Как много злых над душами побед,
Как стали люди злы и равнодушны...
Как много в этом мире горя, бед,
Судьбы ударов и обид ненужных...

Порой обидеть легче, чем простить;
Порой спросить труднее, чем ответить...
Порвать последнюю любви и веры нить,
И самому обрывков не заметить...

Среди руин безжалостных сердец,
Мы заблудились, будто в лабиринте...
Надев терновый на душу венец,
Связать пытаюсь все обрывки нити...

«Чужое горе» – равнодушно говорим,
Проходим мимо и душа не затоскует.
Оно для нравственных становится своим,
А для безнравственных его не существует.

Осенний сон

Увядший мир осенних снов,
Унылой прелести дыханье.
Я слышу шум твоих садов,
Ленивых листьев трепетанье...

Усталый плач ванильных туч –
Их поднебесное волненье...
И только солнца первый луч
Разбудит город от забвения!

Александра ВОЛКОВА

3 класс

День рождения

День рождения, день рождения –
День подарков, угощенья.
День рождения, день рождения –
День печенья и варенья.
День рождения, день рождения –
День съеденья и веселья.
День рождения, день рождения –
День подарков и любви.
День рождения, день рождения –
День печенья и халвы.
День рождения, день рождения –
День безделья и хвальбы.
День сыров и колбасы,
День любимой пастилы.
День желанья исполнений,
День обжорства и еды.
День подарков, поздравлений,
День невиданной езды.
День поздравить вас спешит
И подарков надарит.

Работа Марины ЯСЫЧЕНКО

Аня ЁЛГИНА

205 гимназия, 2 класс

Где живёт ветер

– Где живёт ветер?
– Везде.
– А везде это где?
– На Земле.

- А на Земле это где?
 - На нашей планете.
 - А наша планета это где?
 - В космосе.
 - А в космосе это где?
 - А это, где раки зимуют!
 - А где раки зимуют?
 - А это я тебе сейчас покажу!!
- БА-БАХ!!!

Катя ЗАРХИ

205 гимназия, 2 класс

Портрет

Я рисую твой портрет.
Голубые глазки.
Излучают глазки свет
Из волшебной сказки.

Я рисую твой портрет.
Аленькие губки.
Слаще губок в мире нет,
А за ними зубки.

Я рисую твой портрет.
Щёчки надувные.
Мягче щёчек просто нет.
Мячики цветные.

Я рисую твой портрет.
Носик – запятая.
На него надет браслет,
Для чего не знаю.

Я рисую твой портрет.
Ушки – две подружки.
Посылают им привет
Все другие ушки.

Наконец готов портрет.
 На листке бумажки.
 Просто супер! Спору нет!
 Ты – очаровашка!

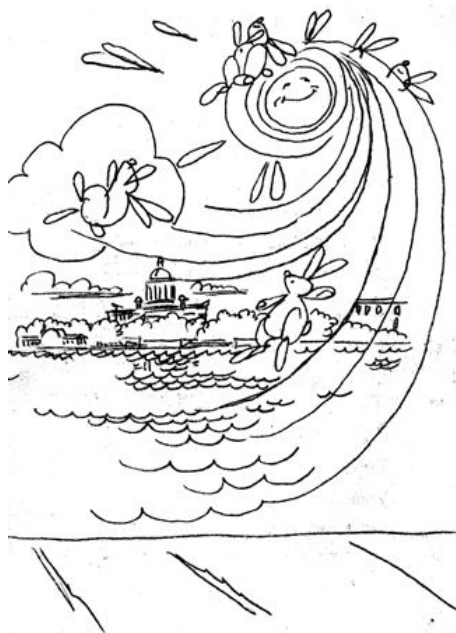
Ульяна ИВАНОВА
205 гимназия, 3 класс

* * *

Солнечные лучики.
 Лучики в очках.
 Бегают и прыгают
 В синих небесах.
 Я на тучке, на летучке
 Всё лечу, лечу, лечу
 И смеюсь и хохочу.
 И на этой милой тучке
 Словно ветер улечу.

* * *

Снег, снег, снег, снежок.
 Он как белый творожок.
 Если я его поем,
 Заболею без проблем.
 Если буду я болеть,
 Буду дома я сидеть,
 Буду я смотреть в окно,
 И по телеку кино.
 Буду чай с малиной пить,
 Буду в школу не ходить.
 И таблетки принимать,
 Чтоб болеть и не страдать.

Работа Марины ЯСЫЧЕНКО

Наталья КЛИВАК

2 класс

* * *

Сию я на стуле, гляжу я в окно,
Покрыто морозным узором оно.
И так ведь красиво в роскошном окне,
Что холод мешать не осмелится мне
Увидеть цветок посредине окна,
Ворону, глядящую вниз на меня,
Прыгучего зайца с древесной корой...
Ах, как же красивы окошки зимой!

Настя КОМЕЛЬ

205 гимназия, 2 класс

Парусник

На паруснике я
Плыву по облакам.
Летающих собачек
Я вижу здесь и там.
Летающие кошки
Кружатся надо мной.
И, кажется, до солнца
Уже подать рукой!

Утро

Утром рано я встаю.
Умываюсь и пою.
Солнцу лучик я дарю.
Утро очень я люблю.
Утром в облаках летаю
И об этом сочиняю.
Утро – мой весёлый свет.
Ничего прекрасней нет!

Полина КУХАРЕВА**205 гимназия, 6 класс**

* * *

Наш мир – это шар. Огромный шар.
На этом шаре мы рождены,
Но абсолютно не равны.
Мы все такие разные на нём.

Вся наша жизнь – Божий дар.
Мы этот дар принять должны.
От всех громов до тишины,
Наш мир – наш общий дом.

Припев:

*Я в этом мире не хочу
Быть лучше остальных,
И денег не хочу чужих
И почестей чужих.*

*И всем скажу я, не тая,
Нисколько не тая:
Себя найти мечтаю я
И быть лучше себя.*

Шагает где-то человек,
Похожий на звезду.
Быть не хочу лучше его
Сама свой мир найду.

Пусть он идёт вверх пешком
По лестнице своей.
Пусть даже станет королём.
Мне дела нет до королей.

Припев.

Алина ПАЛЕЙ

II класс

* * *

Порою наивна,
Безумно упряма,
Капризна, противна,
И вечно мне мало.
Порою улыбчива,
Чаще сердита.
Я не обидчива –
Маской закрыта.
Гордо смеюсь,
Хотя хочется плакать.
Если взорвусь,
полезу я в драку.
Сильная, смелая,
Дружбу ценю.
Нужно – я сделаю,
Если хочу.
Кто-то вам скажет:
«Странная очень...»
«Да, я такая.
Горжусь этим, впрочем!»

Красная шапочка

Однажды девочку в лес послали,
Горшочек мёда с лепёшками дали.
Вроде, бабуся её заболела,
Надо, чтобы девочка успела,
И вот, идёт по лесу дремучему
И видит вдали гадину ползучую,
Подходит ближе, опа! волк,
Ну, какой скажите толк?
В общем, строгих наказов не слушая,
Шапка бежит по лужам.
Глупая девочка к волку подбегает,
О том чего он хочет, пока ещё не знает...

Волк пасть открывает и тихо шепчет:
 – Шапка, до бабки ведь недалече?
 – Да вот там, на пригорке она.
 Волк умчался, а девчонка одна...
 Бродит по полянке, цветочки собирая,
 Красивые они в начале мая.
 Волк тем временем уже добрался,
 И тихонько так в дверь постучался...
 – Внучка, открыто, входи дорогая.
 Волк вбегает и бабку глотает.
 Видит, что шапка к дому подходит,
 – Во, я влип-то! Но тут очки находит.
 И бабушкой решает притвориться.
 Шапка всё же вкусная девица.
 Вот она уже в дверь стучится...
 Все же знают, что дальше случится?!
 Смысла рассказывать дальше нету,
 Сказку свою закончу на этом.
 И прошу вас, запомните дети,
НЕ БОЛТАЙТЕ С ВОЛКОМ НИ ЗА ЧТО НА СВЕТЕ!!!!

Странности

У каждого человека есть свои странности, и проявляются они особенно тогда, когда он не в настроении. Вот когда у меня плохое настроение меня начинают раздражать любые звуки, и это самое странное, казалось бы, предмет обычный, который по сто раз на дню видишь и слышишь, а тут вдруг как будто какой-то новый звук узнаёшь, да ещё такой, что он начинает раздражать. Я даже могу не замечать, не видеть вещи, которые вокруг меня, а только слышать их... вот и сейчас сижу, стучу по клавишам, а букв как будто не вижу, только слышу, у каждой клавиши свой неповторимый звук, хотя на вид они совершенно одинаковые... Никто не заметит, а я вижу (точнее, слышу!). Вот такие странности бывают.

* * *

Милая, какая же ты милая Дашечка, словно маленький Ангел, который тихонько пролетит над миром, заденет кого-то крылом и ниспошлёт тому счастье. А тот, кто услышит голос твой, весь день будет с улыбкой на устах ходить. Но лишь тот, кому ты в глаза взглянешь, жить без тебя не сможет. И каждое мгновение он будет ждать только твоих глаз, только твоей улыбки, только тебя, одну!

* * *

«Ах, Даша, Даша. Дашка! –
– «Кто это?» – спросишь ты.
– Любви и веры пташка,
Ангел во плоти.
Её улыбке милой
Принадлежит весь свет,
Взмахнёт рукой красиво,
И тьмы уж больше нет.
Она как та ромашка,
Что в поле на лугу.
Ах, Даша, Даша, Дашка,
Как я тебя люблю!!!»

* * *

Давай станем сёстрами,
Гламурными строками.
Давай станем звёздами,
Жизни истоками.
Давай станем грозами,
Крутыми морозами.
Давай станем взрослыми...
Да мы уже взрослые...

Работа Марины ЯСЫЧЕНКО

Полина ПРОХОРОВА

205 гимназия, 3 класс

* * *

Когда одиннадцать часов,
Ложусь в свою кровать.
И закрываю глазки я,
И начинаю спать.
А утром глазок не продрать.
Кровать – такая благодать.
Однако, в школу опоздать
Нельзя. И мне пора вставать.

Света ПЯХКЕЛЬ
205 гимназия, 5 класс

Луна

Она была загадочной принцессой.
 По небу, по ночам, она гуляла.
 Так начиналась сказочная пьеса,
 В которую однажды я попала.

Она была Луной обыкновенной,
 А я была, наверно, поэтессой
 И о Луне писала вдохновенно.
 Так продолжалась сказочная пьеса.

Припев:

*Сколько зим, сколько лет
 Лил себя лунный свет.
 Лил себя, как живая вода.*

*Этот сказочный свет
 Мог на всё дать ответ.
 И открыл мне глаза навсегда.*

Она была собой и улыбалась,
 А я к улыбке рифмы подбирала.
 И Золотою Рыбкой мне казалась
 Та рифма, что Луна мне подсказала.

Она, под утро, превращалась в песню,
 Которую я ночью сочиняла.
 А с песнями на свете интересней.
 Как будто жизнь началась сначала.

Катя РАТАЙКО
205 гимназия, 7 класс

* * *

Я спросила своё Я
 Знаешь ли ты меня?
 Знаешь ли ты, что в сердце моём
 Бьется день ото дня?

Знаешь ли ты, что горит в глазах
И замерло на губах?
Это так просто, как крыльев взмах,
Но не выразимо в словах.
Я спросила своё Я –
Куда уходит Луна?
И ночи натянутая струна
Звенит, как тишина.
Я подошла к окну не спеша,
Видя себя в нём.
Где утро, словно моя душа,
Становится новым днём.

Вчера, сегодня, завтра

Я вспомнила свою любовь,
Но имя той любви забыла.
И размышляю вновь и вновь,
А что же между нами было?

Забыла, как его зовут.
И он ушёл, и свет погас,
А вслед за ним ушёл Пегас.
На этом кончился рассказ.

Встречаю вновь свою любовь!
Но имя той любви не помню!
От этого вскипает кровь
И подступают к горлу комья.

Не помню, как его зовут!
Куда с Пегасом он уходит?!
Любовь змеёй ползёт от нас.
Увы! Кончается рассказ.

Я встречу ту любовь опять,
Но имя той любви забуду.
И стану я тогда мечтать,
Что между нами что-то будет.

Забуду, как его зовут
И он уйдет, и свет погаснет.
С любовью улетит Пегас.
И тут закончится рассказ.

* * *

Лучик солнца в сердце моём.
Может быть, улыбки смычок.
Вы ищите его днём с огнём.
О смычке вам расскажет сверчок.

Белый пёсик в сердце моём.
У него замечательный нрав.
Вы ищите его днём с огнём,
Пёс галантно скажет: «Гав-гав!»

Белый котик в сердце моём,
Как никто, понимает меня.
Вы ищите кота днём с огнём.
Он белее белого дня.

Песни ветра в сердце моём
Ни о чём, но скорей, обо всём.
Можно песни найти днём с огнём.
В их затишье прячется гром.

Если, вдруг, будем мы вчетвером
Вместе с котиком, псом и сверчком.
Вряд ли кто нас найдёт днём с огнём.
Мы построим невидимый дом.

Но если я стану ветреным днём,
Или стану, к примеру, дождём.
Или солнца весёлым лучом.
Не найдете меня днём с огнём.

Μαsha CΤΡΟΚΟΒΑ

6 класс

Αντιλόπα

Скачет она по полям, по лесам,
Если смогла бы, то и по морям.

Будто летает в воздушном потоке,
Пьёт она воду речного притока.

Рога у неё так красивы и славны,
И скачет она очень быстро и плавно.

И никому не угнаться за ней –
Можно бежать хоть несколько дней!

Все антилопу и любят, и славят.
Она так красива и величава...

Ποπυγαι

Ποпугай есть у меня.
Он поёт в расцвете дня.
Он хороший, он красивый
И от всей души любимый!
Он и жёлтый, и зелёный,
И совсем немного чёрный.
Восседая на окошке,
Он чирикает немножко.
Ποпугай есть у меня.
Он поёт в расцвете дня!

Γιταρα

Α за горами есть волшебная
гитара.
Я слышала – она красиво так
звучала!
Α струны у гитары
золотые
И не найдёшь другой такой гитары
в мире!

Ты лишь начни –
она продолжит,
А позабудешь –
музыку напомним.
Гитару ту хранят
в Китае
И кто захочет – все на ней
играют!

Ваня ТИХОМИРОВ

205 гимназия, 3 класс

Биатлон

Люблю я очень биатлон.
Но чем же нравится мне он?
Там можно из ружья стрелять
И прямо в небо попадать.
И быстро лыжи в руки брать,
И к финишу бегом бежать.

Саша УЗЮМОВА

205 гимназия, 7 класс

Тротуар

Улицы. Поток машин.
В сером солнце шорох шин.
И блестит под светом фар
Злобный, старый тротуар.

И до следующей зари
В переливах фонари.
Но блестит, под светом фар,
Злобный, старый тротуар.

И, окутанные мглой,
Мы идем вдвоём с тобой,
И блестит под светом фар
Злобный, старый тротуар.

Весь придавлен он судьбой,
Стоптан не одной ногой,
Но блестит под светом фар
Злобный, старый тротуар.

* * *

Тебя я вижу, темнота.
Не знала я, как падал бес
С могучих, как скала, небес
Под тяжестью хвоста.
Он падал вниз и сокрушал,
Он падал вниз и предвещал
Тем, кто законы нарушал,
Что ждёт их немота.
Тебя я вижу, темнота
И как осколки от моста,
И как обрывки от хвоста,
Предстала жизнь неспроста.
Померкла тень и новый день
Восстал из темноты костра.
И каждый миг, волшебный миг,
Как солнца негасимый лик,
Для тех кто знал, как падал бес
С могучих, как скала, небес
Под тяжестью хвоста.
И это темнота.

Работа Марины ЯСЫЧЕНКО

Настя ФЕДОРАЕВА

205 гимназия, 4 класс

* * *

Вчера мне подсказал Пегас –
Твой левый глаз – большой алмаз,
А правый – будто набекрень,
Похож он на большой пельмень.
Вчера мне Муза подсказала –
Какой красавицей ты стала!
Твой нос, как спелая картошка,
Из головы растут две рожки.

Твои прекраснейшие уши
 Как будто две большие груши,
 А изо рта клыки торчат,
 Вокруг пугая всех подряд.
 Тогда я сразу поняла,
 Любуясь в зеркало кривое,
 Что быть такою не могла.
 Моё лицо совсем другое.

Марина ФЕДЧЕНКО

205 гимназия, 7 класс

Тема для стихов

Тема для стихов так напрягает,
 Кажется, что даже убивает,
 Режет без ножа,
 Рубит без топора,
 Душит без рук,
 Давит без ног,
 Выкидывает из окна, без закона гравитации,
 Для назойливых папарацци.
 Тема для стихов
 Топит без воды,
 Сжигает без огня,
 Распинает без креста
 (И никаких гвоздей!)
 Но потом воскрешает
 Ради любви
 К новым темам для стихов.

* * *

Снова боль, снова истерика.
 Слезы лить, прошу, прекрати.
 Как ты думала? Как по телеку,
 Любовь будет спокойно идти?

Это – бред, ведь так не бывает.
Жизнь – ветер. Концов не найти.
В ней зазеркальное улетает.
А в зеркалах безликость рутин.

Солнце твоими глазами плачет
И всё на свете может понять.
Боль слепоты. Он – просто мальчик.
Если не смог любовь удержать.

Ты всё ждёшь его? Да, всё жду.
Ищешь? Да, ищу и найду.
Оставлю за рамками всё, что не нужно.
Нужно быть только сердцу послушной.

Жить, чтобы жить я уже устала.
Всё начинать каждый раз сначала.
Крыльев нет. Я на землю упала,
Но солнце от этого меньше не стало.

Я научилась ждать и жду.
Верю, что счастье однажды найду.
Жизнь многолика, как ни крути.
Как ни крути, надо дальше идти.

Канут в Лету любые обманы.
И зарубцуются времени раны.
Но бесконечно, как самая малость,
Солнце, что в сердце моём осталось.

Даня ФЕШКОВ

205 гимназия, 3 класс

Таблица умножения

Я не знаю, сколько будет 2 x 2!
Очень скоро лопнет голова!
Я не знаю, сколько будет 3 x 3!
Это очень сложно! Хоть умри!
Я не знаю, сколько будет 5 x 5!
Завтра двойка ждёт меня опять!

Я не знаю, сколько будет 6 х 6!
 Эти цифры хочется мне съесть!
 Я не знаю, сколько будет 7 х 7!
 Скоро, с цифрами, себя я съем!
 В общем, вся таблица умноженья –
 Просто настоящее мученье!
 Если эти муки одолею,
 Всё на свете я тогда сумею!

Зина ХАРИТОНОВА

205 гимназия, 3 класс

Белое бедствие

Я – белое, белое бедствие.
 Так меня называют родители.
 Я – белое, белое бедствие.
 Но все меня очень любят.
 Я – белое, белое бедствие.
 Так и живу на свете.
 Я – белое, белое бедствие.
 Наверное, так и надо.

Саша ХАРЛАМОВА

205 гимназия, 3 класс

Грифоны

Столетние чудовища
 Живут в волшебной сказке.
 И золотые крылышки
 Сияют, как во сне.
 И мне навек запомнятся
 Крылатой тайны краски,
 Как будто я катаюсь
 На солнечном слоне.

Зима

Кружится белая вьюга над нами.
Сыплет пороша везде белый снег.
Хочет зима познакомиться с нами.
Здравствуй, любимый мой человек.

Артём ШАШОНКОВ

205 гимназия, 7 класс

Дорога в никуда

Дорога в никуда несёт меня туда,
Где очень хорошо.
А очень хорошо бывает только там,
Где не бывает нас.

Дорога в никуда ведёт меня туда,
Где очень плохо.
А очень плохо там, где веришь без оглядки
Лишь чёрным голосам.

Приве:

*Дорога эта слишком дорога,
Когда ты от себя пускаешься в бега
Или когда себя не можешь ты догнать
И следом за собой стремишься, но куда?*

Как знать,
Дорога в никуда
Лишь повод для того,
Чтобы ходить без ног.

Без ног перед тобой
На все четыре стороны
Покатится клубок.
Дорога в никуда

Когда тебе уже
По барабану всё
Но это всё тебя
От самого себя
Похоже не спасёт.

Работа Марины ЯСЫЧЕНКО

Ольга ШИБАЕВА

6 класс

* * *

Вся жизнь-игра!
Игра теней и света,
И дня, и ночи,
Солнца и луны...
Тебе лишь кажется,
Что нет в тебе поэта,
Но то не так –
Ты создан для игры!

Аня ЯКУБОВИЧ

Домашнее воспитание

2 года 9 месяцев

* * *

Скоро ёлочку поставим,
Новый год мы ожидаем.

«КАК ЖЕ НАМ НЕ ВЕСЕЛИТЬСЯ...»

Даня ФЕШКОВ

205 гимназия, 3 класс

Рифмы

Я очень люблю рифмовать
И рифмы могу рисовать.
Рифмую, к примеру, овечку,
Которая, в белых колечках,
Пасётся на белом лугу
И не говорит ни гу-гу.
Могу рифмовать я барана.
Баран просыпается рано
И снова ложится в кровать,
Чтоб снова я мог рифмовать.

Потом я рифмую гитару.
Мы вместе с гитарой на пару
Играем, поём и мечтаем,
Работаем и отдыхаем.
В конце я рифмую себя.
Себя я рифмую любя.
Люблю и свою артистичность.
Такая я скромная личность.

Вова ОБОДНИКОВ

205 гимназия, 3 класс

Пародия на Даню

Я тоже люблю рифмовать,
К примеру, в футбол поиграть.
Ногами я рифмы пинаю.
В ворота голы забиваю.

Ваня ТИХОМИРОВ

205 гимназия, 3 класс

Пародия на Даню и Вову

Рифмую я Даню и Вову.
Рифмую их снова и снова.
Рифмую их дома и в школе,
Но чаще всего на футболе.

Вова ОБОДНИКОВ, Ваня ТИХОМИРОВ, Даня ФЕШКОВ

205 гимназия, 3 класс

Облака

Привет:

*Облака бывают разные.
Чёрные, белые и красные.
Как слова разнообразные,
Плывут облака над землёй.*

Чёрное облако – это гроза.
 Чернеют даже глаза.
 Белое облако – белый день,
 Бегущий словно олень.
 Красное облако – это восход.
 Солнце открыло рот.
 И закрывает его назад,
 Когда наступает закат.

Припев.

Чёрное облако – чёрный слон,
 Чем-то похож на сон.
 Белое облако – белый дракон.
 Солнце глотает он.
 Красное облако – красный клубок,
 Укажет сотни дорог.
 Красное облако – сердце моё.
 Стучит и даже поёт.

Работа Марины ЯСЫЧЕНКО

«ВМЕСТЕ ВЕСЕЛО ШАГАТЬ...»

Соня АЛЕКСЕЕВА, Яна МУРТАЗИНА

205 гимназия, 4 класс

Времена года

Нет ничего прекрасней лета.
 Оно как сладкая конфета.
 У нас каникулы, Ура!
 Веселия пора.

Мы летом можем загорать,
 И в мячик с солнышком играть,
 И в небо с головой нырять.
 Всего не передать.

Но дней страницы шелестят.
 И нет для осени преград,
 Где ветер, дождь и листопад
 Накроют каждый дом и сад.

В учёбу с головой нырнем
И позабудем, где живём.
Ведь говорят – ученье свет.
Другого не было и нет.

Но вот зима. Опять ура!
В снежки нам поиграть пора.
На санках, лыжах и коньках,
Как на семи ветрах.

Однажды ночью Новый год
Под ёлку нашу упадёт.
Мы в праздник с головой нырнём.
Увидим, что потом.

Потом к нам явится весна.
Всем ослепит глаза она
Букетом солнечных лучей,
Жизнь наша станет, как ручей.

Ручей наполнит океан,
Что омывает много стран.
В него мы с головой нырнём...
И снова в лето уплывём.

Аня КОЛПАКОВА, Соня АЛЕКСЕЕВА

4 класс

Полина ПРОХОРОВА, Мари АНОЯН

3 класс, 205 гимназия

Ёлка

Нарядили мы нашу ёлочку.
Нарядили её, как с иголочки.
На макушке шляпка с цветочками,
А на шейке шарфик с кружочками,
На плечах белоснежная шаль,
На лице неземная вуаль.
Мы надели ей платье от Гучи.
В мире не было платья круче.

На гламурную ёлкину ножку
Мы надели со шпилькой сапожку.
И стала она не елью,
А шикарною топ-моделью.

Алёна МАКОШИНА, Даша КОЧЕГАРОВА

205 гимназия, 2 класс

Ёлка

Под новый год к нам Ёлка,
В зелёных иголках,
Спешит, спешит, спешит
И весело кричит:
«Привет всем ребятишкам,
Весёлым шалунишкам!»
И всех она зовёт
На праздник Новый год!

СИНКВЕЙНЫ

Аня КОЛПАКОВА

205 гимназия, 4 класс

* * *

Вова.
Белая ворона.
Проворонил весь урок,
Наверняка мечтаю обо мне...
Кар-р!!!

Яна МУРТАЗИНА

205 гимназия, 4 класс

* * *

Аня.
Дочка Джоконды.
Улыбается и болтает.
И снова улыбается и болтает.
Блеск!

Настя ФЕДОРЯЕВА

205 гимназия, 4 класс

* * *

Роза.

Шипастая красавица.

Яркая, гордая, уверенная.

Её шипы – когти любви.

Берегись!

Рита РУСНАК

205, гимназия 3 класс

* * *

Я

Рыжая лисичка.

Сочиняю хитрые стихи.

Поэзия – моё рыжее призвание.

Тяф!

Алёна ТЯПКИНА

205 гимназия, 3 класс

* * *

Я

Рыжая белочка.

Пою, собирая орешки.

Собираю орешки, чтобы петь.

Певица!

Даня НАГАЕВ

205 гимназия, 3 класс

* * *

Я

Чему-то учусь.

Плюс – хожу к доске.

Минус – получаю отличную двойку.

Браво!

Зина ХАРИТОНОВА

205 гимназия, 3 класс

* * *

Он.
Добрая душа.
Не перестаёт удивлять.
Каждый день дарит подарки...
Интересно!!

Ваня ТИХОМИРОВ

205 гимназия, 3 класс

* * *

Учусь.
Учусь, учусь,
Учусь, учусь, учусь,
Учусь, учусь, учусь, учусь...
У-у-у-у!!!

* * *

Мяч.
Душа футбола.
Летает куда попало.
Иногда попадает в ворота!
Го-о-о-л!!!

Вова ОБОДНИКОВ

205 гимназия, 3 класс

* * *

Мари.
Очаровательная растеряшка.
Долго-долго собирается,
А куда, сама забыла.
Эх!

Полина ВАРГИНА
205 гимназия, 2 класс

* * *

Курочка.
Маленькая, весёлая
Однажды попала в суп.
И я её съела.
Ням-ням!

* * *

Собака
Лохматая, мохнатая.
Очень любит гулять.
Водить хозяина на поводке.
Дружба!

Люба ШАНШИНА
205 гимназия, 2 класс

* * *

Даша.
Добрая фея.
Колдует и колдует.
В дневнике сплошные пятёрки.
Магия!

Даша КОЧЕГАРОВА
205 гимназия, 2 класс

* * *

Люба.
Рыжий колокольчик.
Качается и звенит,
Как мелодия моей души.
Муза!

Настя КОМЕЛЬ
205 гимназия, 2 класс

* * *

Алёна.
Весёлая сластёна.
Раньше была пелёнкой,
А стала красивой девчонкой.
Чудо!

Алёна МАКОШИНА
205 гимназия, 2 класс

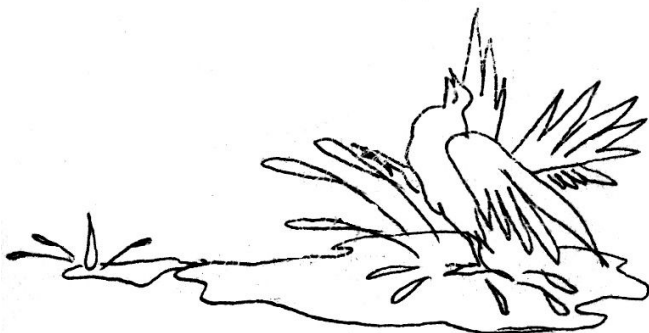
* * *

Настя.
Лошадка-Пегас.
Летает в облаках
И меня зовёт летать.
YES!

Света ПЯХКЕЛЬ
205 гимназия, 5 класс

* * *

Любовь.
Мелодичное чувство.
Однажды явилось мне
В виде солнечного зайчика.
Весна!

ПРОЗА РУ... НО...

Работа Валерии КОЛЫЧЕВОЙ

Борис АНДРЕЕВ

Студент ФЭМ СПб ГЭТУ Императора Александра III

Шагая

Ты в светлом зале огромного белого замка счастья. Всё вокруг понятно и ясно, о проблемах ты уже давно позволил забыть себе. Ты передвигаешься только босиком. Бояться нечего. А что до тех раскалённых добела углей под ногами.... Так они лишь заставляют бежать всё быстрее, порой даже летать. Однако со временем ты чувствуешь, что стопы уже не так обжигаются, когда ты двигаешься вперёд, что в твоём светлом замке наступают сумерки, хотя, как ты думал, они здесь никогда не наступят. Это же просто противоестественно! В твоём же собственном замке всё потускнело и потеряло былую пышность без твоего на то согласия или хотя бы желания. И ты понимаешь, что даже в своём маленьком мире ты не всемогущ. И вот, ты пытаешься раздуть эти несчастные угольки на полу, свет от которых так ослепительно ярко и долго освещал твоё пристанище.... Но всё бесполезно – угли лишь гаснут, ты начинаешь чувствовать, что уже можешь спокойно ходить по углям, не боясь обжечься. Быть может, ты просто привык к этому покалыванию в ступнях?

Теперь это не имеет ровным счётом никакого значения – твой чудный замок скукожился до жалкой комнатёнки, поглощенной тьмой. Самое ужасное при всём этом ещё и то, что ты чувствуешь, что твоё сердце стало биться в два раза медленнее, мысли покрылись густым туманом, а взгляд теперь устремлён в бесконечность темноты, которая теперь властвует над тобой. Ты растерян. Ты испуган. Но ты начинаешь робко шагать. Первые шаги оказываются до безумия сложными. Пронизывающий холод угольков не укладывается в твоём сознании и обжигает в сотни раз сильнее, нежели те, старые и горячие. Ты начинаешь думать, что самое страшное уже позади, ведь с каждым шагом угольки становятся всё теплее и привычнее, комната растёт и светлеет. Но нет – от боли, дошедшей, как кажется, до самого сердца, хочется кричать так, чтобы по стёклам пошли трещины. Этот шаг оставил ледяной рубец в твоей душе. Страх снова наполнил всего тебя, ты не понимаешь, как это могло произойти. И всё сначала – эта комнатёнка и эти безжалостные чёрные демоны под ногами. И этот тёмный запах одиночества.... Шагать ещё страшнее. Нет, к холоду угольков ты потихоньку, но привыкаешь. Невозможно принять непредсказуемость того, что ты встретишь под своими ногами, когда сделаешь следующий шаг. Ты оглядываешься назад, смотришь на то место, где ещё вчера был замок. Но там пусто, как и впереди. Вернуться к прошлому ты уже не хочешь, а, воз-

можно и не можешь. Ты меняешься, открывая для себя боль холода и страх неизведанного. Стоять ещё более невыносимо, у тебя просто нет выбора... Шаг... Теплее... Шаг... Светлее... Шаг... Сердце бьётся чаще...

Ты снова бежишь! Твои глаза снова пылают алым светом, исходящим от угольков. Мысли переплетаются в нечто приятно непонятное ни для кого, кроме двух. И живёшь ты уже давно не в замке, а в целом королевстве, которое не может сравниться с любыми предыдущими замками.... Но свои первые тёплые угольки ты не сможешь забыть, даже и пытаться не стоит – они были самыми горячими. Вдруг ты снова почуял этот запах. Запах темноты. Тебя хотят напугать.... Но ты уже знаешь, что больше целых королевств есть, например, государства, а больше них – материки, и так далее. И главное, ты знаешь, как победить темноту и страх, которые лезвием пронзят тебя – просто шагая...

Если ты меня слышишь...

Ты уходишь. Я узнал об этом вчера вечером. Естественно, не от тебя. Ты никогда не любила говорить обо всём напрямую. Вечно что-то оставалось как бы «за кадром». Но как ты можешь уйти сейчас, когда мне и так невыносимо сложно? Просто взять и бросить меня на съедение судьбе и горю, от которого я, быть может, просто сойду с ума?! Неужели все те годы, которые мы с тобой прожили вместе, были пустой тратой времени для тебя, что ты так легко хочешь всё это стереть из своей жизни? А что будет с детьми? Ты о них, наверное, и не подумала... Пускай они уже взрослые и не живут с нами, но любят они нас так же, как и прежде! А ты уходишь... Но вспомни тот парк с липами, ту осень 30-х годов, то ребячество, с которым мы с тобой валялись в листьях, того сторожа, который обещал надрать мне уши за сорванные только для тебя розы... Потом наша скромная свадьба с самыми близкими гостями, мы покупаем долгожданную квартиру в центре Лондона, рождается наш первенец, Джеймс. Школа, колледж, университет. Он уже влиятельный бизнесмен, которым может гордиться сама королева... Столько воспоминаний ещё, что мы можем провести с тобой столько времени, просто вспоминая... Но ты уходишь. Зачем? Куда? Насколько? Ты никогда не скажешь. Зная тебя, я могу дать ответ лишь на последний вопрос – навсегда. «Уходя надо уходить, дорогой» – так ты всегда говорила мне, когда я, после того, как громко хлопну дверью и всю ночь напролёт прошляюсь без дела по ночному Лондону, возвращался к тебе, понимая, что без тебя мне нечего делать в этом городе, да и мире. Если ты меня слышишь, прошу, не уходи. Я буду ещё лучше, я буду поливать твои люби-

мые цветы и даже начну готовить, но, прошу, не уходи! Я просто не готов жить один, я не знаю, как это – просыпаться и, поворачивая голову, видеть там не любимое личико, а лишь угрюмые и безразличные простыню, одеяло и подушку, которые вряд ли скажут тебе «Доброе утро, милый». Да, я слабый. Ты всегда была сильнее меня. Даже когда в молодости мы выбирали машину, ты настояла на том, чтобы я взял светло-розовый кабриолет вместо чёрного. В то время это был очень популярный цвет... Правда, не среди мужской половины населения. Самое забавное, что у тебя и прав-то не было. Тебе просто был важен сам факт того, что машину выберешь ты. Но разве я мог устоять перед такой белокурой красавицей, как ты? А ведь машина прослужила нам верой и правдой целых 25 лет, пока ты не решила получить права. Когда я приехал на место аварии, в моей голове вдруг всё помутнело, мысли прыгали, как масло на сковородке... Этот столб, непристёгнутый ремень, повсюду кровь... И машина уже не светло розовая, она пылает твоей жизнью... Я не могу себе простить то, что не помог тебе с вождением. Ты много раз просила поехать с тобой, но ведь я такой занятой... Прости меня, родная, прости за всё... И... Если ты меня слышишь, прошу, открой глаза, прошепчи «Я рядом» и не умирай...

Работа Наталии КЛИВАК

Светлана АРХАНГЕЛЬСКАЯ

Девочка и одуванчик

Маленькой девочке очень нравился весёлый жёлтый цветок. Каждое утро она приходила к нему в гости – на зелённую поляну, которая находилась около её дома. Девочка подходила к цветку и говорила:

– Здравствуй, жёлтый цветок.

Цветочек радостно кивал ей своей жёлтой головой, как бы говоря в ответ:

– Здравствуй, девочка. Я так рад тебя видеть снова.

Но однажды девочка не пришла. И цветок загрустил. Он прождал её целый день. Потом ещё один. С каждым днём его печаль становилась всё больше и больше. Ему так не хватало друга.

Так прошла неделя. Цветочек перестал ждать.

Снова наступило утро. И вдруг он увидел девочку. Она бежала к нему вприпрыжку. Когда она подошла к нему поближе, её большие зелёные глаза стали просто огромными от удивления. Её любимый цветочек был белым.

– Здравствуй, жёлтый цветочек, – как всегда сказала девочка.

– Здравствуй, девочка, я так долго тебя ждал. Я думал ты уже не придёшь.

Цветочек от радости закивал своей головой. И в этот миг белые «зонтики» сорвались с его макушки и полетели в небо. Девочка, смеясь, бегала по поляне и ловила ладошками пушистые белые «снежинки». Глядя на неё, цветочек звонко смеялся, и от этого «снежинок» становилось всё больше и больше. Ему никогда не было так хорошо. Но тут подул ветер и унёс белые пушинки высоко в небо. Девочка подошла к цветочку.

– Спасибо тебе, цветочек. Мне было так хорошо!

– Приходи ко мне на следующий год, – сказал цветок. Мы опять будем играть. Я очень буду тебя ждать.

– Хорошо, – сказала девочка. Я приду.

**Работа Виктории
БАЗЛОВОЙ-БОРЦЕВСКОЙ**

Виктория БАЗЛОВА-БОРЩЕВСКАЯ

Встреча

*На меня повеяло воздухом тех мест,
где любовь перемешивается с ненавистью так,
что не отличишь одно от другого.*

Банана Есимото

Тринадцатого числа, тринадцатого месяца, неизвестно какого года (годам давно потеряян счёт) мы снова встретились. Вернее, я его *почувствовала*. Так нераскрывшийся цветок *чувствует* приближение рассвета. Но тот, с кем мне вновь предстояло столкнуться, вряд ли нёс с собой рассвет.

Всё же, я заволновалась. И это было сигналом тревоги, поскольку меня почти ничто теперь не выбивало из колеи. Я научилась с завидным спокойствием встречать все бури. И ни одно из новых увлечений не могло затронуть моего сердца. А теперь что-то старое, давно потерянное, выброшенное за пределы сознания, забытое всеу – всколыхнулось где-то во мне, в тех глубинах, куда не долетал солнечный свет, рискуя выбраться наружу... и всё испортить.

Тогда я, спотыкаясь о корни, с упорством первого ростка, отправилась к сестре. Нет, я не оттягивала нашу невозможную встречу с ним, не бежала от судьбы и не шла искать совета у своей мудрой опытной сестры. Просто мне необходимо было её выслушать как себя саму. Тем более, что сестра жила по ту сторону зеркальной поверхности, а, стало быть, отличалась от меня только тем, что правая сторона её лица соответствовала моей левой и т.д.

.....

– Но этого не может быть!

Сестра резко захлопнула книгу, которую пыталась читать, и удивлённо посмотрела на меня.

– Ты все ещё его любишь? – спросила она недоверчиво, чётко выделяя каждое слово.

– Трудно сказать... – ответила я, сдунув лёгкую пыль с подоконника. – Сначала я его любила. Потом ненавидела. Потом любила и ненавидела одновременно. А теперь... хм! Может, это и называется «любить». Но мне всегда внушали, что любовь – это нечто другое...

– Так, что же?

Я по-своему истолковала её незатейливый вопрос:

– Ничего. Просто я его чувствую. Ни звук, ни запах, ни дыхание... некое присутствие. Это очень сложно объяснить, если не сказать – «невозможно».

Ты, конечно, не поймёшь. Тебе же никогда не приходилось любить и ненавидеть одновременно. И, возможно, мне также не придётся больше. Сейчас я не ощущаю к нему любви, не ощущаю ненависти, но мне тревожно и сладко чувствовать его присутствие здесь, в моём Запределе. Словно я счастлива...

– Наверное, это хорошо... Что ж, я желаю тебе удачи.

– Удача и я – вещи несовместимые. Они так хорошо гармонируют с твоим обликом, что я чувствую себя лишней рядом с тобой, моя зеркальная суть.

– Подожди! Давай разберёмся с ним, с твоим «героем». Что же ты собираешься теперь предпринять?

– Я же сказала: «Ни-че-го»

– А я бы... захотела увидеть его.

«Это то, что я хочу от тебя услышать, сестрёнка!»

– И я бы объяснилась с ним. И завоевала бы его. И удержала. Вросла бы в его сущность.

«Удивительно, что «синие чулки» и зануды могут быть такими страстными. В смысле, могут таить в себе такие порывы нереализованной страсти!».

– А надо ли? Надо ли тратить последнюю энергию?

– Ну, решай сама!..

– Уже решила.

«Я увижу его. Я поставлю все точки над «і». Я удержу его».

– Решила, и не буду больше тебе мешать. Любуйся своим зазеркалем! Пока, моя зеркальная суть!

Распроставшись с сестрой, я направилась куда-то вверх по дороге, похожей на развалины лабиринта. Я петляла по ней, словно по узким улочкам старого приморского города, и иногда мне казалось, что дорога ведёт отнюдь не вверх. Но я упорно убеждала себя: «Вверх! Только вверх!» И за каким-то поворотом, среди камней и корней, я встретила с ним.

.....

Он почти не изменился. И почти не удивился, встретив меня. Он хотел казаться циником, но сейчас был меньшим циником, чем раньше, в те времена, когда никто и не подозревал о его врождённом цинизме, и все думали, что он вечный неисправимый восторженный романтик. И я отметила про себя, что он боится, и скрывает свой страх за бравадой ничего не значащих слов.

– Потрепала тебя жизнь... – насмешливо сказала я, после того, как мы перекинулись парой-другой пустых неумных фраз.

– Было дело... – ответил он почти весело. – Да и ты неважно выглядишь.

«Можно сменить надоевшую одежду, сделать пластическую операцию, если тебя не устраивает твоя внешность, наложить грим, изменить имидж, начать

всё сначала или вообще ничего не начинать, но что делать со старой заплата- ной прохудившейся душой?», – почему-то подумала я, но вслух сказала:

– Всё меняется. Время и то разваливается. Оно трещит по всем швам, напоминая нам о чём-то главном, что мы не поймём ни на лунных полянах, ни в холодных закоулках Космоса.

– Где ты научилась так поэтично говорить, маленькая насмешливая гру- бьянка?

– Здесь.

.....

Здесь. Мы всю свою жизнь проводим какие-то черты, вехи, границы. Мы делим время на *до* и *после*. Единый мир в нашем сознании дробится на множество.

Мы привыкаем жить в каморках и комнатёнках.

На самом деле всё бесконечно. Одно вытекает из другого. Завершения нет. Конца нет. Но мы об этом не знаем. Он об этом не знает. Я об этом не знаю.

И потому, горько сожалевшие о прошедшем раньше, говорим, не разжи- мая губ, о пустяках, так и не решаясь сказать главного (по крайней мере, того, что нам кажется главным).

И плывут в тишину все наши тающие облака.... И плывут звёзды над нами. И течёт материя атомно-молекулярного мира в «чёрные дыры», на- ходящиеся где-то там, на краю бескрайней Вселенной.

.....

А поэтично говорить я научилась, всё-таки не здесь. Когда-то давно, когда я была влюблена в него (когда мне казалось, что я была влюблена в него), я посвящала ему забавно-трогательные стихи, искренние до фальши. Теперь так смешно и спокойно было бы их читать. То, что казалось глубоким рань- ше, теперь бы воспринималось похожим на мелкий ручей, где не золото блестит, а мокрая галька. Но мокрыми камешками тоже можно иногда лю- боваться. И не думать о снисхождении.

«Он в большей степени является мною, чем я сама», – сказала героиня Эми- лии Бронте в старом сентиментальном романе. Я смотрю на него сверху вниз, как из-под потолка, и думаю: «Я в большей степени являюсь им, чем он сам».

Мир смыкается в квадрат замкнутого пространства с отвратительной больничной внешностью. И я осознаю, что это я боюсь, невысказанно боюсь чего-то неизведанного и неотвратимого вместе с ним, моим героем. И от этого становится так безнадежно грустно и невыразимо сладостно, что го- лова начинает кружиться, и всё мутится. Образы, воспоминания, фантазии превращаются в единую точку, маленькую и взрывоопасную. Только поче- му-то нестерпимо больно от света. Этот свет, существующий сам по себе, буквально режет меня.

Нет! Я больше так не могу!!!

.....

«Я больше так не могу! Вот сейчас мы разлетимся в разные стороны, и опять останется несказанным самое главное. И я буду всё время корить себя за это. Но если я всё-таки скажу это главное, то я тоже буду потом корить себя. Тем более, что это «главное» на поверку окажется последним пустяком...»

.....

– Знаешь, – говорит он мне без насмешки, – как это ни смешно, но именно тебя я никогда не мог забыть. И только тебя старался забыть всё это время. Ты какая-то сверхнавязчивая идея. Мистическое наваждение.

– Да, такие мы, колдуны... – говорю я, смеясь, – что поделать...

Мне так чертовски несмешно. Такое чувство, что во мне (внутри меня) идёт дождь.

Дождь стекает по стволу дерева. Дождь струится по холодным городским стенам. Каждое мгновение наполнено осенью. И только какие-то отголоски весны ещё тают во мне.

Странно, что здесь нет ни злости, ни любви. Тона и тональности такие ровные, что хотелось бы придумать заново и злость, и любовь.

– Ну и как тебе *такая* реальность? Здесь всё ясно и понятно. И совершенно ничего не ясно. Что мы тут вообще делаем?

– Мы? Рисуем пятна на солнце.

– Ты это серьёзно?

– Конечно! Какое солнце без пятен?.. Ещё мы говорим о любви. Но эта тема настолько расплывчата и неясна, что любое пятномарание на солнце – детские игрушки. К тому же мы пытаемся уверить себя, что говорим о любви, но о любви ли мы говорим?

– А если серьёзно?

– Но это серьёзно!

– Хорошо. Почему я не вижу солнца?

– Потому что в моей душе идёт дождь, и всё небо затянуто осенними тучами.

– А я-то здесь при чём?

Вот оно!.. Каждый из нас двоих обращает внимание только на себя. И не хочет замечать в себе другого. В этом причина нашей ненависти и тяги друг к другу. И поэтому на любом солнце появляются пятна...

– По-моему, всё сказано.

– По-моему, всё сказано, кроме одного: Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ. Я люблю тебя!!! Я не могу без тебя жить! Я не могу без тебя умереть! Это так же ясно, как крест на моей могиле.

– Это так же ясно, как крест на моей могиле... Из нас не получится Тристана и Изольды. Из нас не получится Ромео и Джульетты. Мы сами по себе. Мы сами в себе. Над нами пятнистое солнце, такое же леопардовое, как наша злость. В нас ненастье, беспросветное и бесконечное...

Вот теперь точно всё сказано. Наша история клонится к логическому завершению.

Пора расставаться...

.....

– Понимаешь, дорогая, расставание – это всегда немного вокзал. Какие-то летящие поезда. Глупые фразы. Сутолока. Неопрятность отремонтированных стен. Свалка вещей в огромном зале. Разборки. Последние покупки.... И, в конце концов, пустой перрон. Может быть, всё-таки не стоит расставаться?

– А зачем? Рано или поздно я улечу от тебя. Ускользну. Сорвусь. К тому же, если я останусь, милый, это будет одной бесконечно затянувшейся нашей «войнушкой». А это так скучно. У-у-у, как скучно!!! Ты же знаешь меня бешеную.... Так что...

– Понимаю.

– Значит, договорились?

– Договорились...

Свобода превыше всего! No pasaran!

«И т.д. и т.п.», как пишут в официальных документах и популярных книгах.

Но, если не кривить своей ухмыляющейся душой, то я очень не хочу с ним прощаться. Глядя на него, я подумала, что никогда не была бы с ним счастливой, но, как это ни парадоксально, именно с ним я и была по-настоящему счастлива.

И ещё я подумала, что расставаться нам всё равно придётся. Хотя бы по закону жанра. По всем законам, придуманным не нами. И можно было бы не начинать, не возвращаться, не вспоминать.... Но ради маленького мимолетного удовольствия...

– Знаешь что, мой Орфей, я очень-очень тебя попрошу: когда я буду отдаляться от тебя, пожалуйста, не оглядывайся! Так тебе будет легче забыть меня...

Фёдор ВЕДЕРНИКОВ

Студент Экономического факультета СПб ГУ

На экзамене по истории экономических учений

Рассказ

Карл Маркс был великим учёным, философом и экономистом. Людям такого большого ума свойственно отдыхать на широкую ногу. Бывало, пишет «Капитал» да всё думает: «Эх, сейчас бы винца хряпнуть да капиталистов поколотить». Но денег у Маркса никогда не было, поэтому приходилось ему гулять вместе с Энгельсом. А Энгельса Маркс не любил, потому что борода у Энгельса была большая и аккуратная, а у Маркса она была, хотя тоже большой, но поменьше и росла в разные стороны. Все девушки Энгельса очень любили и щупали за бороду, а Маркса они боялись. Ещё Энгельс был широкой души человек, рубаха-парень. Бывало, идёт по улице, видит рабочие стоят, так он со всех ног бежит, поздоровается со всеми, познакомится, обнимет и раздарит всё, что в карманах лежит. За это рабочие ласково называли его «Дед Мороз». Как встретятся наши два товарища – так город на уши станет. Только в трактир идут, люди уж окна заколачивают, замки на двери вешают и ждут, когда новая революция начнётся. Энгельс если за дело брался, то брался основательно, а Маркс так и того пуще. Оба они мечтали о демократии и победе рабочего класса. А коли выпьют, так начинается маленький переворот. Маркс как вскочит, побежит на фонарь, разобьёт его, успокоится ненадолго, а потом на следующий, а Энгельс увидит капиталиста, засучит рукава и давай его колотить, не щадя своих кулаков, и всё кричит: «Свободу рабочему классу!» Бывало, так продолжалось по несколько недель, поэтому власти гениальных учёных не любили и постоянно высылали, в конце концов, философам это надоело. Но никто не захотел их принимать на постоянной основе. И только по счастливой случайности Энгельс как-то наткнулся в театре на Английскую королеву. Тут Энгельс начал просить о том, чтобы их приняли, а то всё никак места во всей Европе два гениальных ума найти не могут. Английская королева, как и все женщины, была под таким впечатлением от бороды Энгельса, что не смогла отказать ему. Маркс, когда узнал об этой чудесной новости, прослезился, обнял Энгельса и крепко пожал ему руку, а между тем подумал: «Вот напишу я что-нибудь такое да эдакое и появится марксизм, а энгелизма не будет». Так оно и случилось.

Сергей ВИНК

Студент Математико-механического факультета СПб ГУ

Old Man

Я сидел на стуле, смотря на заходящее солнце, образующее дорожку в бесконечность. Вечер был ветреным, и тёплые волны нежно лизали мне ноги. Я зажмурил глаза от удовольствия, а когда открыл, то увидел слева от себя фигуру пожилого человека. В одной руке у него был небольшой, обточенный морем камень (на небольшом блюде у его ног лежало ещё несколько). Он отвел руку назад, а потом быстрым движением отправил камень в море, надо отдать ему должное, довольно убедительно для своих лет. Он (камень) оставлял крупные “блины” на поверхности, без труда преодолевая сопротивление массивных волн.

Один... три... семь... дальше уже не видать. Старик сидел рядом со мной на корточках и смотрел вдаль – на море и на предположительное местоположение камня, практически не двигаясь и не моргая. Определить наличие жизни можно было лишь по периодическому движению груди.

Камень – кусок твёрдой породы, но для этого человека это было совсем не так. Каждый “блин”, оставляемый камнем – год его жизни, 365 дней памяти, 8760 часов радости и горя – всё, что он пережил за свою долгую, в человеческом смысле, и ничтожно короткую, в глобальном, жизнь. С каждым всплеском у него в памяти всплывали давно забытые образы и события. Каждый новый всплеск – своеобразный “Земной” Новый Год, а до тех пор, пока расходятся круги по воде, существуют образы и события в его памяти, оказывающие воздействие на дальнейшие. Жизнь человека насыщена огромным количеством событий, которые, без сомнений, связаны друг с другом, но многие не замечают их связи или делают вид, что не замечают, просто забывая большинство из них. У этого человека есть шанс вспомнить свою жизнь – пережить её заново, испытать былые чувства ещё раз...

Разные камни, лежащие на блюде, символизируют разные линии жизни (работа, семья или по конкретному человеку) от этого зависит их размер (количество событий) и цвет (острота эмоций). Кидая тот или иной камень, ныряет в морскую пучину – бесконечность времени, “всплывают” те или иные воспоминания.

Человек живёт своим прошлым, опытом, эмоциями, а также ошибками, иначе каждый из нас давно превратился бы в бездушного человека – робота, которому ничего не нужно и которым легко управлять.

Старик берёт следующий камень с блюда и отправляет его в море, круги пересекаются с предыдущими.

Если бы Вас сейчас спросили, какое впечатление о Земле вы пожелали сохранить в своей памяти навсегда, вы нашли бы что ответить?

Возможно, этот старик тоже не нашёл, но ему дали шанс выбрать этот миг из своей жизни, а после того, как сделает свой выбор, уйдёт отсюда навсегда.

Последний камень скрылся за линией горизонта, и он исчез, а я так и не успел задать ему ни одного вопроса.

Тут ко мне подходит человек, одетый во всё белое и ставит у моих ног небольшую тарелку с разноцветными гладкими камушками. Низко поклонившись, он исчезает.

Нелли ГОРБАТОВА

* * *

Уже в первые недели жизни ребёнку дают имя. Человек идёт с ним по жизни, каждый день он слышит своё имя не менее 15 раз. Но однажды ты слышишь его по-особенному, не так как раньше...

Нет ничего приятнее, чем слышать своё имя из уст любимого человека. Оно звучит совершенно по-другому, будто признание в чём-то сокровенном и тайном. Те несколько букв, которые идут рядом с человеком всю жизнь, начинают играть совершенно новую мелодию, задевающую каждую струнку тонкой и хрупкой души. Сердце замирает каждый раз, когда любимый называет тебя по имени. Пусть даже все, не обращаясь конкретно к тебе, а просто вскользь упоминая в разговоре...

Ты начинаешь любить своё имя как никогда раньше, начинаешь упиваться им. Я, например, поняла, какое это счастье, когда шанс встретиться своего тезку равен одному из ста. Я стала невероятно этим гордиться, ведь я та, которая знает, что, произнося это имя, он имеет в виду конкретно меня, а значит и думает обо мне. Никогда до этого от моих «благоврных» я не слышала своего имени... либо воспринимала это как-то по-другому. Теперь я понимаю, что ни одно из ласкательных слов вроде зайки, киски и рыбки, не смогут заменить тихого шёпота твоего имени. Как поётся в песне «Что может быть красивее, чем сидеть на облаке и, свесив ножки вниз, друг друга называть по имени». Так хочется воплотить эту красоту здесь, на земле, а не на небесном поприще.

P.S. А когда ты видишь написанные его рукой те заветные буквы, ... я даже не могу найти слов, чтобы описать то, что чувствуешь в тот момент.

Анна ГРИГОРЬЕВА

Выпускница высшего педагогического училища Ленинградской области

Приключения Хвостика

Хвостик проснулся рано, куда-то спешили хозяева и его даже не заметили. Кот встал, потянулся, прыгнул с кровати и важно пошёл на кухню. Там всегда его ожидало свежее молочко в тарелке, но сейчас Хвостик почувствовал и ещё что-то вкусненькое. Посмотрев на стол, он увидел колбасу, да ещё и его любимую. Она аккуратно лежала на тарелке, выглядела очень аппетитно.

– Только попробуй стащить! – услышал кот хозяйкин голос, при этих словах он прижал уши, но остался сидеть.

Молока Хвостiku уже не хотелось, аромат колбасы не давал ему покоя. Тут в дверь позвонили, и хозяйка быстро вышла из кухни.

«Я знаю, не хорошо воровать, но я не вор, я лишь хочу себя угостить. Что им жалко дать мне хоть кусочек? Эх, была-не была, я сделаю это незаметно.

Хвостик, посмотрев, что никого поблизости нет, встал на задние лапы, передние поставил на стол, и одной лапой стал осторожно стаскивать кусок колбасы.

«Ага, получилось! Ой, не-ет!»

Кот зажмурился, потому что вместе с куском колбасы на пол упала и кружка с чаем, которая вдребезги разбилась.

Хвостик схватил колбасу и быстро помчался в комнату. Он так пробежал, что его не заметила девочка, споткнулась и упала.

– Хвостик, что с тобой, носишься, как будто тебя водой облили?

– Катя, – позвала хозяйка девочку, – иди, покушай, а то опоздаешь. А это что ещё такое?

Конечно, она обнаружила разбитую чашку и разлитый чай.

– Хвостик, – закричала хозяйка, – ох, я тебе сейчас задам! Колбасы ему захотелось! А, ну, иди сюда!

Она взяла веник и стала искать кота.

– Он в комнату побежал. Мам, не надо его бить, он больше так не будет.

– Отойди, я этому хвостатому сейчас задам.

«Ну, чуть что, сразу – про мой хвост», – подумал кот. Он сидел за диваном, и решил

Работа Марии СЕЛЕДЧИК

убежать, посмотрев, что форточка открыта. Он незаметно прокрался, залез на подоконник, но тут же задел горшок с цветком, который упал на пол и разбился.

«Ох! Да что сегодня со мной?!» – с этой мыслью он выпрыгнул из форточки и побежал.

– Хвостик, Хвостик! А ну, вернись! Я кому сказала?! – кричала ему вслед хозяйка.

Работа Марии СЕЛЕДЧИК

Хвостик, конечно, её слышал, но бежать обратно, чтобы его тут же отшлёпали, – ни за что.

«Хорошее начало дня, – подумал кот. – Ну, ничего, заодно прогуляюсь».

На улице наступила осень, последние листочки опадали с деревьев на землю и летели прямо в лужи. Травка пожелтела. Солнышко отдавало последние тёплые лучики и ласково заглядывало в мордочку Хвостика, отчего он всё время жмурился.

«Пойду-ка я к Ёжику, хоть поиграю с ним», – подумал кот и побежал по лесной тропинке.

У норы Хвостик увидел, как ёж старательно собирает листья.

– Ёжик, доброе утро! – крикнул кот.

Ёжик оглянулся и улыбнулся коту.

– А, Хвостик. Доброе утро, ты сегодня рано.

– Надоело мне дома. Пойдём, поиграем, – весело сказал кот.

– Нет, нет, Хвостик. Мне уже серьёзно некогда.

– Как некогда, почему? – удивился кот. – Ну, в нашу любимую игру – пожалуйста, Ёжик, – упрашивал он.

– Я очень занят. Ведь уже осень, и мне пора к зиме готовиться, утеплять свою норку.

– И чем же ты её утеплять будешь, одеялом? Печки же у тебя нет!

Ёжик засмеялся, – Нет, Хвостик. Вот натаскаю листьев, мха, палочек, и будет в моей норке тепло и хорошо.

– Ёжик, а давай, я тебе буду помогать. Лапой сгребу все листья, а потом мы поиграем.

– Э, нет. А если ты мне мокрых листьев нагрёбёшь? Уж лучше я сам.

– Ёжик, – не унимался Хвостик, – а ты один в лесу норку утепляешь?

– Хвостик, подожди меня, и я тебе покажу, кто как к зиме готовится.

Кот ждал-ждал и уснул, а проснулся он оттого, что кто-то ему нос щекочет. Это Ёжик листиком его будил.

Работа Василисы СОКОЛОВОЙ

– Ты готов? – спросил Ёжик.

Кот вскочил, – Конечно! – и они пошли.

А шли они долго, мимо поляны, берёзовой рощи, и, наконец, Ёжик остановился.

– Видишь бугор во-он там?

– Вижу.

– Там готовит своё жилище Потап Потапыч.

– Это кто? Медведь что ли? – испугался Хвостик.

– Медведь, медведь. Да ты не бойся, он нас не тронет, пойдём.

Потап Потапыч был очень занят. Он бродил из стороны в сторону, собирая траву, листья.

– Здравствуй, Потап Потапыч! – крикнул ёжик.

– А, Ёжик... Здравствуй, – лениво сказал медведь. – А это кто с тобой?

– Это – мой друг. Кот Хвостик. Пришёл посмотреть на твой дом.

– Мой дом – берлога в этой пещере будет. Вот листья собираю, траву, да землю, чтобы в берлоге постелить, да вход в пещеру закрыть, чтобы никто спать не мешал.

– А вы там спать будете? – удивился кот.

– Конечно, вот сейчас всё подготовлю и лягу до самой весны. Не люблю я зимы, холодно, да и есть нечего. Проснусь, а тут солнышко тёплое, ягоды, рыбка. Красота!

– Ладно, Потап Потапыч, не будем тебе мешать.

– Ага. Хорошей нам спячки, Ёжик.

– А теперь к кому пойдём? – спросил кот.

– К Белочке, самой ловкой нашей лесной красавице.

Белочка тоже была очень занята, она прыгала с ветки на ветку, потом бегала вокруг деревьев. Услышав шаги двух друзей, она собралась было юркнуть в кусты, но, узнав ёжика, очень обрадовалась.

– Ой, Ёжик! А я думала ты уже в своей норке.

– Да нет. Завтра готовлюсь к спячке. У меня ещё дела. Вот мой друг – кот Хвостик. Хочет посмотреть, как ты к зиме готовишься.

– Ой, столько хлопот! – воскликнула Белочка. – Весь день бегаю, собираю орешки, ягоды, грибы, шишки, а потом прячу то в одно дупло, то в другое. Надо же делать запасы.

– А что это такое – дупло? – спросил Хвостик.

– Это такой дом на дереве. В одном из них я живу.

– И ты зимой там спать будешь?

– Что ты? – засмеялась Белочка. – Мы, белки зимой не спим. Я для того и делаю запасы, чтобы зимой не голодать.

– Спасибо тебе, Белочка, – сказал Ёжик. – Увидимся весной. До свидания.

– До свидания. Приходите ещё! – и Белочка прыгнула на дерево.

– Ну что ж, Хвостик, пора нам прощаться. Наступают холода, и мне надо торопиться, чтобы вовремя лечь спать.

Кот стоял очень грустный.

– Да, – сказал он и опустил глаза, – я понимаю. Только... только с кем же я теперь дружить буду?

– Это – не беда. У тебя есть хозяева, да и во дворе ты, наверняка, не один кот. Найдёшь, с кем подружиться и...

Ёжик не договорил. Над ними раздалось чьё-то курлыканье. Ёжик и Хвостик посмотрели вверх. По небу летели журавли каким-то странным углом, и было их очень-очень много.

– Куда это они? – удивился кот.

– В тёплые края, на юг. Они ведь здесь замёрзнут и умрут. А весной журавли вернутся к нам, когда снова будет тепло.

– Но... но кто же тогда останется? – Хвосту стало ещё грустнее.

– Останутся, – проговорил Ёжик, – и очень многие. Например, вы – коты и ваши враги – собаки. Наши лесные хищники – лиса, волк. Ну и зайчики останутся. Не грусти, Хвостик. В каждом времени года есть своё хорошее. Надо только это хорошее разглядеть.

Они попрощались.

Хвостик шёл домой и думал: «А я постараюсь запомнить зиму и расскажу Ёжику про неё. Ведь он будет спать, а значит, не узнает, что такое снег, какие они – снежинки и какой станет вода, когда замёрзнет.

С этими мыслями кот успокоился и улыбнулся.

«Да, я обязательно всё-всё ему расскажу...»

Александра ДЖАЛИЕВА

Выпускница СПб ГЭТУ Императора Александра III

Холодный мой Город

Холодный, сырой, простывший мой Город. Чайки сегодня кричат пронзительно, как ворох потревоженных воспоминаний. И оттого кажется, что только закроешь глаза, и нетерпеливое шуршание шин уляжется, превратится в тихий шелест морских волн. Но море ушло из Города, обнажив хищные золотые зубы. Город ощерился шпилями, башнями, крестами бессчетными. Напрасно выцветший усталый ангел грозит серому небу и рассказывает всем, что он позолоченный. У Города моего всегда мигрень, – он не терпит яркого блеску. Мы ходим, пригнувшись, боимся пройти по Городу по нервам. Ходим, и месим ногами всю соль ушедшего моря. И от этой едкости на сапогах у нас проступают белые разводы, а на глазах – ненужные слёзы. И мы плачем с Городом, или просто слушаем, как плачет он, – от едкого солёного воздуха у моего Города всегда депрессия. А термометр уже три дня фантазирует, что у нас плюс. Мы прячем глаза от холодного ветра за высокими воротниками, и там тоже фантазируем о чём-то своём. Высокомерный мой Город не любит пошлого веселья, и мы не привыкли делиться с ним своими фантазиями.

Входов в мой Город много, иногда они открываются в самых неожиданных местах. А вот и один из них, возле глубокой канавы, что в народе зовут Обводным каналом. У остановки толпятся люди, у них в ногах валяется что-то похожее на большой куль с одеждой. Наверное, кто-то не рассчитал скорость, с которой может передвигаться по колено в солёной жиже. Подкатил долгожданный автобус, из него я сквозь стекло наблюдаю за сердобольной толпой, как за подопытными крысками, замёрзшими и голодными. Автобусы здесь редко ходят, назревает моральная дилемма: продолжать поднимать распластавшуюся в луже тушку или рвануть к заветному, манящему близким домом и горячим ужином транспорту. Что-то стремительное и тяжёлое перекрыло мне обзор, расплющив меня об вертикальный поручень. Это заботливая толпа, – недолго мучилась выбором. В груди у меня защекотало, тряпичное существо всё ещё барахтается в луже. Душа заканючила о давно обещанном подвиге. Я покосилась на не спешившую закрываться дверь. Чёртова близорукость, будь она не ладна, кто ж там валяется совсем один? Ну не могли же бабушку бросить, изверги. Пьяный небось, вонючий... Сюда бы знакомого поэта, чтобы не из брезгливых, и душа тонкая. А, может, всё же блеснуть... Хотя помню, у моего Города от блеску мигрень разыгрывается.

Между тем оно начало вставать, этот процесс казался бесконечным, как извлечение кишок из живота. После нескольких мучительных минут оно

развернулось в здорового мужчину в синей куртке, синих же спортивных штанах, и с красной дорожной сумкой. Здрасьте и добро пожаловать в нашу культурную... ну Вы сами знаете. Одежда вся заляпанная, глаза по сторонам изумлённо рыскают. Может, всё-таки не пьяный; может, с сердцем плохо? Дверь закрылась. Оно стоит, колыхается, как парус на ветру. И не поймёшь, глаза пьяные или испуганные, – чёртова близорукость. А напряжение растёт, качается-то оно на поребрике. Люди вокруг дышать забыли, тишина, как перед бурей. Да он же там совсем один, наедине с Городом. Ещё неизвестно, как они договорятся. Водитель дал газу, тихоооонько так. И тут, как Апокалипсис грянул, двухметровое тело рухнуло плашмя на мокрый асфальт, прямо под колёса. Никто не вскрикнул, хотя хотели, но у Города мигрень, – все помним. Водитель вовремя тормоз выжал. Стоим. А он лежит, раскинулся, как богатырь в зелёной дубравушке. Может, всё-таки сердце? Теперь точно поднимать надо, он своей широкой русской душой полдороги перегородил. А у людей дома ужин.

Кадавр помотал патлатой головой и открыл глаза (спасибо, друг, что поближе подошёл, – теперь вижу). Мутный взгляд упёрся в бескрайнюю свинцовую громаду над головой, и замер, и налился ясным, как ледяная вода, смыслом. Мужчина совершил слабую попытку поднять голову, и снова безвольно уронил её на асфальт. Он видел автобус в метре от себя, видел проносящиеся мимо автомобили, и не вставал, не хотел больше вставать. Его протрезвевшие глаза наполнялись солёной влагой, тонули в промозглом, оседающем холодными каплями воздухе. Опоздали мы с помощью. Тяжёлое нависшее небо, как свинцовая плита, раздавило чужого человека. Бедный, ты перед тем, как ехать сюда, забыл спросить о том, как тяжело удерживать на своих плечах просевшее небо. Как трудно продолжать хотеть жить на самом дне ушедшего моря. Холодный, хмурый, хандрящий мой Город не церемонится с упавшими.

Ольга ДЬЯКОВА

Лужа

Мальчик стоял и смотрел на лужу:

– Лужа, а почему ты такая бесформенная? Молчишь? А зря: на тебя наступят и сделают ещё более бесформенной, а ты и не ответишь. И не убежишь даже – асфальт тут ровный.

Другой мальчик проходил мимо:

– А я вот в тебя сейчас брошу камешек. Да-да, вот этот, кругленький. Опа!

Лужа подалась вперёд всем своим телом, пытаясь остановить безрассудный поступок, но не успела: камень стремительно проник в её плоть,

встревожив всё её существо, и остался лежать неподвижно. Водная суть этих, пока неотделимых, субстанций, продолжала вздрагивать и колыхаться, рябить и поблёскивать в лучах заблудившегося солнца.

– Хе, прикольно! Тебе тоже, Лужа? Сейчас повторим.

С этими словами в Луже оказался ещё один камень. Снова она встрепенулась, вода её заиграла на солнце.

Во дворе бегало много мальчишек, и все они стали кидать в Лужу камешки. Сначала осторожно, а потом всё смелее и смелее. Иногда, они наступали в Лужу. А ещё чаще мимо проходили взрослые и тоже в неё наступали. Ей было больно и неприятно, а они ругались. Так ругались, что, порой, Лужа плакала, и её слёзы улетали далеко от неё самой и превращались в маленькие лужицы. И по ним тоже ходили люди, но, уже не обращая на них внимания – ведь это всего лишь маленькие Лужины слёзы...

День, который начался дождём, а прошёл под навесом солнечных лучей, уходил в вечер. И Лужа, испытывая за это время и колебание, и волнение, и безысходность, вдруг съёжилась и посерела. Совсем посерела. Ей было тяжело хранить все брошенные в неё камни. Ей было обидно смотреть на свои растоптанные слёзы. Она не могла уйти. С ней никто не говорил. И даже никто не бросал в неё камни...

Утро обещало жаркий новый день. Во дворе всё так же лежал ровный асфальт. Но Лужи больше не было. Остались лишь камни.

Мария ЕРМАКОВА

Отрывок из одного старого дневника

Иногда мне кажется, что всё, что со мной происходит, никуда не исчезает, а просто живёт где-то за моей спиной. Стоит только обернуться, и я увижу себя в детстве или холодное небо прошлого года, или лето, электричку и тебя, смеющегося на пляже в Солнечном.

Сегодня я искала карандаши в своём письменном столе, потому что они вдруг мне очень остро понадобились, и надо было срочно их найти. Где-то валялся целый пенал с красными карандашами. Никак не удавалось выковырять его из-под груды ненужных бумаг, но когда я его всё же достала, то вместо карандашей нашла там три тростниковые палочки, с мастерски проделанными в них крошечными отверстиями, из которых то и дело сыпались песчинки. И тут я оглянулась назад, и за моей спиной был огромный валун, нагретый от летнего солнца. А на этом валуне лежу я и смотрю, как вы с Денисом мастерите из каких-то тростников дудочки, но никакой музыки у вас не выходит, поэтому вы решаете сделать перекур и приспособливаете

ваши палочки под мундштуки. У Дениса получился такой длинный и тонкий мундштук, прямо как настоящий. И вот вы сидите и пускаете дым в светлое летнее небо на почти опустевшем к шести часам пляже в Солнечном.

А потом мы втроём случайно научились делать театр теней на песке и хохотали как безумные, потому что нет ничего веселее на свете, чем кормить с руки тень оленя. Когда было около восьми, стали собираться, и перед тем, как уйти из нашей тенистой бухты, заросшей «самостригущими» (как ты их называл) ивами, мы с тобой выкурили по папиросе на одном из камней.

– Представляешь, – неожиданно для меня сказал ты, – лето закончится, и всего этого не будет.

– Совсем всего? – испугалась я.

– Совсем всего.

Босиком по остывающему усеянному ракушками песку мы отправились до станции. Несколько раз на пути нам попадались мёртвые чайки. До этого мы прислушивались к их тревожным крикам, и вы с Денисом решили, что это они не разговаривают, а просто ссорятся. Потом в Таллинне, когда я бродила по заливу, я почти не слышала чаек, потому что в Эстонии они спокойные и тихие, но зато там есть славные дружелюбные бакланы, которые иногда пристают к туристам, думая, что те кинут им какую-нибудь крошку или кусочек вафли.

В городе есть много-много улиц, но нет ни одной, по которой в то лето мы бы не проколесили на твоём велосипеде. Своего у меня не было, поэтому ты катал меня на раме. Прохожие почему-то недоумевали, глядя на нас, но они не знают, что это такое – сидеть на раме чужого велосипеда и болтать ногами, время от времени подбирая подол юбки, чтобы она не наматалась на колесо или не застряла в цепи.

Однажды мы катались по Васильевскому и не успели на мосты. И кто только придумал разводить эти мосты? – Наверное, мудрые инженеры, которые знали, что людям надо иногда оставаться изолированными от внешнего мира и осознавать свою беспомощность перед таким необратимым стихийным явлением как разводка мостов. От нечего делать мы поехали куда-то вглубь острова и провели несколько часов, бродя по огромному торговому центру. Это называется утренней прогулкой по магазину, где совсем необязательно что-то покупать, можно просто глазеть на бесконечные полки с товарами и смеяться над их бесполезностью для человека в столь раннее время суток.

– Интересно, на тот мостик можно попасть? – спросил ты, когда в другой раз мы проезжали мимо Верфей.

– Кажется, нет. Это мост, на который могут заходить только коты, потому что он принадлежит Верфям.

– Ну, так наймёмся на работу в Верфи! – сказал ты в шутку.

Славно было ходить в гости ко всем знакомым людям, которых только можно было встретить на улице. Один из твоих друзей оказался настоящим оператором, квартира которого была усеяна разными предметами с неизвестными функциями. Там лежали музыкальные инструменты, какие-то клюшки, которые, как потом оказалось, относились к охотничьему снаряжению африканских аборигенов, стулья, шлем, напоминавший птичью клетку, и ещё гряда всего. И масса фотографий, которыми словно осенними листьями то тут, то там был припорошён пол его гостиной.

Ты взял меня куда-то к друзьям, которые жили напротив кинотеатра, вернее выход из кинотеатра был прямо у них под окнами.

– Представляете, у нас есть идея, – говорил владелец квартиры, – поставить на окно магнитофон и пустить там такую запись: «Уважаемые зрители, расскажите о ваших впечатлениях от просмотренного кино?» Вот смеху будет смотреть на то, как они станут что-то говорить. Или, может, наоборот, станут пугаться и убежать.

По пути домой мы остановились на Владимирской прямо за метро. Там есть большой двор, в котором чувствуешь себя как на сцене театра, потому что серые стены домов похожи на недокрашенные декорации в любительском театре, а ночное неподвижное небо напоминает рисованный задник. С улицы эти безвкусные застеклённые громады даже не похожи на человеческие дома, а как раз с обратной стороны, на которую естественно стекла пожалели, они, как кажется, приобретают свой настоящий незамысловатый облик. Так вот в этом самом дворе я рассказала тебе о недоразумении на философском факультете, и мы зачем-то стали переворачивать невинно стоявшие по всему двору урны, а потом со смехом возвращали их на прежние места и аккуратно, даже бережно, складывали назад весь выпавший мусор.

– Мы даже не вандалы, – сказал ты, – а просто вандалячишки или вандальчата.

Погодите-ка, вот телефон звонит. Надо ответить. Ну вот. Теперь я не помню, что было дальше.

Завтра, когда я, наконец, сподоблюсь что-нибудь приготовить и куплю пакет муки, надо будет искать мерные стаканчики. Ничего не умею готовить без мерных стаканчиков, потому что обязательно не доложу или переложу сахару или какого-нибудь разрыхлителя. Я переищу всю утварь на кухне и, конечно, не найду нужных мне приспособлений, потому что они завёрнуты в мешок и лежат в углу моей захламлённой комнаты. Туда-то я кинула их после того, как мы пекли у тебя печенье. Раз у тебя не было ни мерки, ни ножа для песочного теста, ни разрыхлителя, я прихватила свои и засунула всё в синий мешок с надписью Create!

И мы творили обыкновенное печенье, придавая ему вообразимо простые и просто невообразимые формы. Сначала мы слепили пару кружков и квадратиков, и нам это почти сразу надоело. Тогда ты стал лепить рыбок, серп и молот, знаки препинания. Накануне умер Майкл Джексон, и везде только о нём и говорили. В память об американской поп-иконе ты вырезал ножом из теста гроб, а потом этот сладкий гроб никто не хотел есть. Но самым славным оказалось слепленное тобой мороженое в вафельном стаканчике, оно даже пахло ванилью. В сущности это было просто тесто. Оно тут же было запаковано в фольгу и отправлено скорым поездом в Москву вместе с Сашей, который как раз в тот вечер ехал в столицу. Как потом нам сообщил Саша, оно так и не было съедено, а в качестве украшения осталось на столе каких-то твоих московских друзей.

Теперь мои стаканчики покрыты изнутри невидимым слоем мучной пыли, я сотру их пальцем, и тогда от того вечера с печеньем совсем ничего не останется. Но нет. За моим плечом всё же какое-то шуршание.

Это колёса твоего велосипеда. Всё же моя юбка угодила в цепь, и ты пытаешься её вытянуть, а я снова хохочу. Ты вытягиваешь зажёванную фиолетовую ткань и в складках почти не видно тёмных следов от масла, которым ты заново смазал велосипед. Мы катим дальше.

На пляже сейчас, наверное, дует ветер и песок мокрый от вчерашнего дождя. Лето не даёт расслабиться, напоминая, что осень не за горами. А я собираю рассыпанные по полу бусинки. Это развалилась старая брошка, которая скрепляла декольте на платье. Я не позволяла себе носить слишком глубокие вырезы и закалывала их этой брошкой. Она, кажется, недолго прожила у тебя в сумке, потому что иголка у этой брошки была какая-то слишком длинная и острая. Ты несколько раз укололся этой иголкой и не забыл мне её вернуть, а потом она долго колола меня через тряпичную летнюю сумку. Теперь же, когда я её достала, то брошка практически развалилась у меня в руках.

Когда мы делали театр теней на песке в Солнечном, задыхаясь от смеха, я крикнула:

— Скорее берите фотоаппарат! Надо срочно сфотографировать этого лося! Можно это сделать?

— Нельзя, — ответил ты, — это можно только увидеть.

И это говоришь мне ты художник, полиграфист, дизайнер, страшный фантазёр и фокусник, который, кажется, чему угодно может придать осязаемую форму: хоть слову, хоть взгляду, хоть мыслям человека. Да и сфотографировать тень для тебя было бы пустяковой задачей! Со временем, когда всё улеглось, я ощутила, что это была не одна тень, а это были мы, наш смех, пляж, лето и всё остальное. Теперь всё стало на свои места, все произнесённые

слова обрели свой истинный смысл, пускай даже постфактум. Но ты был не прав насчёт того, что *всё закончится*. Ничего подобного. Мне достаточно обернуться назад, чтобы увидеть всё так же ярко, будто это было вчера.

Анна Сергеевна

Анна Сергеевна была молодой и невротичной. Она родилась в семье консервативных интеллигентов. Её папа был инженером, а мама преподавателем в одном ВУЗе. Когда Анне Сергеевне исполнилось три года, её родители, не доверявшие няням и считавшие детский сад инкубатором зла, стали брать её к себе на работу.

В бюро папа сразу дал Ане набор кубиков с цифрами и посадил под кульман, где ей и предстояло провести полдня. Очень скоро Ане наскучило это коричневое развлечение, и она стала играть с папиными шнурками, поскольку ничего более интересного под кульманом не нашлось. Завязав на отцовских ботинках пару бантиков, Аня поползла под соседний кульман. Там были красные лакированные туфли с уже слегка пооббившимися каблуками, на туфлях шнурков не было, зато были огромные золотые бляшки, которые никак не хотели отрываться. Аня стала играть там.

В обеденный перерыв папа, который должен был отвести Анну Сергеевну в столовую, встал и сразу шлёпнулся на пол, так как за своей работой проделок дочери даже не заметил. За ним на пол полетел и кривоногий кульман с карандашами и линейками, и сделанные чертежи, и пустая покрытая чайным налётом кружка, и папины очки. Он встал, почертыхался, но всё же повёл Аню обедать.

За обедом Аня стала лепить из полухолодных столовских макарон куклу, потом она разлила компот и барабанила по нему руками. Все вокруг оглядывались и улыбались, а папе было страшно неловко. Вечером папа сказал маме: «Лучше ты её к себе на работу бери. Там ей ломать нечего».

На следующий день Анну Сергеевну отвели в ВУЗ. На занятии мама много говорила, разложив перед собой какие-то бумаги, рисовала что-то на доске и поглядывала на Аню. На третьем занятии Ане выдали книжку с картинками и коробку конфет. Аня съела конфеты и пошла гулять по факультету. В коридоре ей встретилась тётя в клетчатой юбке с пуговицами и с чайником в руках, она улыбнулась и позвала Аню поесть плюшек и посмотреть телевизор. И Аня сразу согласилась пойти в кабинет, который, как оказалось, был деканатом всего ВУЗа.

После занятий мама долго бегала по всем этажам и тщетно звала Аню. Самым последним местом, где ей хотелось бы найти своего ребёнка, был

деканат, в котором царила ненавистная ей секретарша Женя в своей развратной юбке с пуговицами.

«Зачем Вы её плюшками кормили? У неё же на творог аллергия!» – закричала мама на Женю, когда очутилась-таки в деканате после своих напрасных поисков. «Я ей ничего не давала. А Вы тоже хороша мамаша: бросаете ребёнка посреди факультета во время занятий!» – процедила Женя, поправляя свою порочную юбку, чтобы пуговицы не давили на мягкое место, когда она садилась в своё кресло. Это было одно из тех простых неподвижных жёстких кресел, каркас которых был сделан из толстой фанеры и алюминиевых трубок, а сверху всё это обтягивалось красной колючей синтетической тканью. Причём эту ткань цвета недозревших помидоров приклеивали прямо к фанере.

– Я в отличие от Вас работаю, и мне за всем не уследить! – ответила мама.

– А у нас в ВУЗе вообще запрещается приводить детей на занятия. Это мешает учебному процессу! Чтобы завтра здесь ребёнка не было! – разозлилась секретарша и выставила маму с девочкой за дверь кабинета, кругом поросшего мужегоном. Все женщины с предубеждениями упорно тащат эти лианы к себе на работу, чтобы не портили атмосферу в доме. Наверное, от этого у нас во всех учебных учреждениях сидят почти одни бабы и жалуются, что их мужья побросали работу и сидят по домам.

Вечером папа с мамой снова устроили на кухне учёный совет. Обсуждение единственной повестки дня привело лишь к тому, что ужин был отменён, так как его никто не приготовил. Легли спать в беспокойстве. Только Аня сидела у окна и считала звёзды, мечтая, что когда она вырастет, то непременно станет принцем и будет совершать геройские поступки.

На выходных папа, мама и Аня по обыкновению поехали в гости к дедушке и бабушке, которые жили в другом районе. Бабушка готовила курицу. Ане запомнилось, как она стояла посреди кухни в цветном фартуке, а в руках держала шумовку и баночку с перцем. Дедушка развлекал всех болтовней и расставлял столовые приборы. Аня сразу поинтересовалась, что там на десерт, а потом пошла копаться в коробке с детскими книжками, которая специально для неё стояла на полу в коридоре. Ещё Аня смотрела мультики по телевизору, потом все ели. После ужина на кухне шли долгие разговоры, а перед уходом родители спросили у сонной Ани, не хочет ли она остаться у бабушки с бабушкой.

Так Аня стала жить отдельно от родителей. Сначала она мечтала быть принцем, потом ветеринаром, потом стала лепить домики из пластилина и делать из них целые города. Дальше она превратилась в первоклассницу, после в полноценную школьницу, затем в субтильную барышню, которая пошла учиться на архитектора.

Будучи круглой отличницей, Анна Сергеевна, тем не менее, всё время боялась, что её отчислят. Сессии она всегда сдавала под крепкой дозой валидола, ни одного зачёта не обошлось без успокоительного. Однажды, после сдачи очередного экзамена какой-то профессор обратился к ней: «Аня, Вы после института будете проектировать только больницы! А если Ваша тревожность продолжит прогрессировать и дальше, то эти больницы вас и приютят!» Аня кивнула в знак полной солидарности с мнением мастера, схватила зачётку и убежала.

Философы и практики

От учёбы в институте у неё осталось несколько хороших воспоминаний. Самым хорошим из них стал Николай Данилович, преподаватель философии.

Предпоследний семестр в институте был ознаменован новыми предметами. Слово «философия», украсившее расписание, не пугало Аню так, как геометрия с планиметрией. Конечно, ходить на последнюю пару, да ещё и в пятницу, когда так тянет смыться с учёбы, желания не было, и она настойчиво, уже на протяжении практически месяца игнорировала эту философию. Каждый раз, гордо проходя мимо аудитории, где вот-вот должна была начаться лекция, она думала: «Хоть раз за все пять лет учёбы могу позволить себе прогуливать. Плохо поступаю, но не пойду!» Конечно, Аня не любила прогуливать. Всё ещё слишком ярко стояла перед глазами картина её поступления, и Ане становилось стыдно от мысли, что она может как-то бездумно и безответственно отнестись к учёбе. Но исправное посещение касалось в основном лишь профильных предметов, и Аня уже понимала, что если она и уйдёт из института, то только с дипломом.

Прошлогодний курс философии был довольно скучным. Студенты по плану должны были являться к первой паре. Виной тому – составители расписания. Они кидались из одной крайности в другую: то слушай философию, когда глаза ещё не продрал, то когда ты уже выжат как лимон. Так вот, на прошлогодных лекциях в девять утра Аня спала под монотонный голос профессора. Бедняга сам не выдерживал своих проповедей, поэтому делал перерыв во время лекции. Такого у них в институте за преподавателями не водилось. Этот лектор, виновато опустив глаза, выходил из аудитории с бутылкой воды, громко откашливался, потом исчезал (никто не знал, куда он уходит), потом вновь появлялся за кафедрой, и попытка философией продолжалась дальше. Ане казалось, что он весь год рассказывал только про Платона. Так оно и было. На последней лекции, осознав, что надо прекращать это сонное царство, философ поведал сразу обо всех ве-

ликих мыслителях от Платона до Канта. Никто ничего не понял, но зачѐт все получили.

Однажды, однокурсница Ани поймала её в коридоре, как раз когда та пыталась улизнуть с очередной философии.

– Опять уходим?

– Бежим так, что пятки блестят, – сказала Аня с улыбкой.

– Ну, давайте, а лекции, кстати, очень интересные. Зря не ходишь.

От этих слов Ане почти стало дурно. Она ведь уверяла себя в том, что лекции – тоска зелёная, а тут её взялись разубеждать. Было бы грустно обнаружить своё заблуждение.

– Пошли, сходим, – настаивала однокурсница. – Ну, поделаешь какое-нибудь домашнее задание, если уж совсем не понравится. Там аудитория большая: найдѐшь, где спрятаться.

– Даже не знаю, – радостное ощущение свободы стало медленно покидать Анну Сергеевну, а на его место снова пришло мучительное чувство долга перед собой и семьѐй. Надо бы пойти. – Ладно, если не понравится, то уйдѐм сразу.

И они пошли, заняли места во втором ряду, достали свои тетради, но никто не появлялся. Потом вдруг дверь распахнулась, и в зал влетел студент. Такой растерянный. К Аниному удивлению студент подлетел прямо к кафедре и стал там второпях разматывать шарф. Не перепутал ли бедняга своего места! Не начудил ли чего! Соседка села прямо и приготовилась записывать.

– Это он, – прошептала она.

– Кто?

– Кто-кто?! Преподаватель.

Анна Сергеевна стала приглядываться к появившемуся человеку. Он казался совсем молодым, и сложно было поверить в то, что такого мальчика прислали читать лекции, да ещё и по философии. Он молча смотрел в окно с минуту, а потом сказал: «Ну и шумно же тут».

Огромный актовъй зал, где обычно читали лекции всему потоку, действительно выходил, пожалуй, на самую оживлѐнную часть набережной Невы. Этот зал отремонтировали несколько лет назад. Когда родители впервые привели Аню в институт, ещё в школьное время, ей здесь жутко не понравилось. «И они хотят, чтобы я тут училась?» – подумала Аня при виде ларьков, занимавших весь второй этаж. Один ларѐк был импровизированный, его собрали из всякого хлама, который кафедры по тем или иным причинам повыкидывали в коридор. Другие ларьки были настоящие, как те, что раньше стояли на углу каждого дома в спальных районах. В таких ларьках продавали всё подряд, а витрины всегда были забиты так, что

упаковки товаров прямо-таки вступали в естественную диффузию друг с другом, сливаясь в одно огромное грязно-цветное пятно. Продащица, втиснутая в такую коробку, обычно сидела на каком-нибудь пустом ящике и ворчала, если для покупателя ей приходилось далеко лезть за товаром.

Видок у института тогда был не ахти. Особенно Ане запомнился как раз тот актовый зал, в котором она теперь слушала философию. Раньше там стояли длинные ряды сидений, обтянутых тёмно-красным ворсистым материалом, напоминавшим пыльный восточный ковёр. Со временем стены покрасили, вместо паркета положили в зале линолеум, а на смену тёмно-красным сиденьям пришли другие бежевые, хотя их узорчатая обтяжка по-прежнему напоминала ковёр.

На улице загудела машина: не то сигнализация сработала, не то водитель попросту попал в затор. Преподаватель, который уже что-то стал рассказывать про философскую антропологию, выводил на доске фамилии главных философских антропологов. Он несколько раз сделал шаг назад, чтобы убедиться в верности написанного, потом продолжал скрести мелом по доске. «Надо почаще писать на доске, а то я совсем разучился писать рукой», – сказал он, возвращаясь к кафедре.

Восхитительным лектором оказался этот Николай Данилович, и Анна Сергеевна стала ходить к нему, не пропуская ни одного занятия. Она его боготворила.

Николай Данилович во время своих лекций шутил, делал паузы, чтобы подумать, рассказывал всякие анекдоты из жизни философов. Иногда он рассказывал о себе так, будто все в зале его старые приятели. Иногда он журил студентов и морализировал. Порой опоздавшие приводили его в раздражение, а порой не приводили. Однажды, он с истерикой покинул лекцию, потому что девушки в первом ряду перешёптывались. Он был непредсказуемым. Он походил на смешение всех педагогических стратегий сразу.

После окончания семестра Аня захотела увидеться с ним. Вернее, прийти к нему в приёмные часы, полюбоваться на него издали и убежать.

Стоя перед его кабинетом, она долго не решалась войти. Сначала стала поправлять причёску, потом рылась в сумке. Наконец, нашла листок с вопросами про сущность «субъекта» у Фихте. Как-то неудобно было приходить к философу совсем с пустыми руками.

У некоторых людей, которых с детства приучают, что в закрытую дверь надо постучать, вырабатывается привычка сделать вид, что они стучат, а потом сразу заглянуть вовнутрь. Они обычно прикладывают к дверям ухо, чтобы убедиться, что внутри кто-то есть, потом поднимают кулачок и, едва касаясь дерева, притворяются, что стучат, а потом... а потом можно и заходить. И им невдомёк, что внутри их никто не ждал.

Стучать Аня не стала, просто решительно зашла. Сначала она растерялась, потому что Николая Даниловича в кабинете не было. Там сидели мужчина и женщина и что-то быстро печатали. Они, кажется, не обратили внимания на посетительницу.

За столом вполоборота сидел Николай Данилович, попивая чаёк из пластмассовой чашки. Он вопросительно посмотрел на дверь из-за спины своего печатающего коллеги.

– Здравствуйте, а я, собственно, к Вам, – обратилась к нему Аня.

Он никак не воспринял её появление, просто продолжал смотреть на студентку, так словно не мог понять, зачем она только явилась.

– Я вот хотела узнать, – замялась Аня, – будет ли у Вас лекция на следующей неделе здесь на факультете?

– Да, будет. Приходите. Вы ещё что-то хотели?

Анна Сергеевна просто проглотила язык. Ну что ещё ему сказать? Ну не сказать же: «Я вот пришла, чтобы вот просто на Вас посмотреть. Можно я просто посижу тут рядом и посмотрю, как Вы пьёте чай?»

– А мои мэйлы так до Вас и не дошли, я так понимаю, – ничего лучше она не придумала.

– Нет, ничего не было. Странно. Ну, давайте я Вам тогда другой адрес дам.

– Нет, не надо, – она снова замолчала.

– Просто у нас там новый курс по истории философии начался, и я многое уже не понимаю. Это теория Фихте о равенстве субъекта и объекта. И всё так сложно оказалось, – от страха Аня решила говорить всё подряд, не останавливаясь, чтобы он не успел сказать «Извините, я занят!» или «Ну, что же. Тогда до свидания!»

– Ясно. Да, это действительно тяжело, – согласился Николай Данилович.

– Знаете, может, Вы и правда дадите мне другой Ваш адрес? У меня всё равно возникают разные вопросы... – сказала Аня.

– Да, давайте, – согласился он со вздохом и нащупал ручку в кармане своего чёрного пиджака.

Аня села за стол и протянула ему голубой листок со своими вопросами. Он сидел прямо, положив ногу на ногу. На столе стояла пластмассовая чашка с горячим дымящимся чаем. Пока он медленно выводил свой адрес, Аня рассматривала его руки. У него были очень аккуратные длинные пальцы. Внешне он казался, пожалуй, хрупким человеком, но характер у него был явно твёрдый. Верхние пуговицы его белой рубашки были расстегнуты, и Аня заметила у него на шее золотую цепочку. Не иначе как крестик. У неё не было золотого крестика, да и тот латунный, в котором её крестили в

одиннадцать лет, куда-то подевался. А может, она просто ошиблась, и у лектора не было никакого крестика.

Николай Данилович был красивым молодым мужчиной. Эта его красота заключалась вовсе не в причёске или опрятной элегантной одежде, а в его манере держаться. А держался он всегда с достоинством, смотрел на студентов немного свысока, но без высокомерия. Иногда во время лекций у него звонил телефон. Когда он снимал трубку, голос его не менялся, но речь сразу становилась проще. Конечно, он был красивым человеком. Красота его просвечивала через тонкую бледную кожу, крылась в движении рук и в том, как он делал паузы в своей речи, не заполняя их всякими «э-э-э» да «а-а-а».

Он кончил писать и передал Ане бумагу. Она посмотрела на адрес, буквы были выведены очень аккуратно.

– Ну что ж, если у Вас там есть какие-то вопросы, то давайте подумайте, а тогда посмотрим.

– Да, у меня в общем-то уже есть пара вопросов. Нам разъясняли отличия между литературой и историографией. Первые две лекции просто рассказывали про Фихте, Гегеля и Лиотара. Я вот, например, не совсем понимаю, что подразумевается под равенством субъекта и объекта?

– Это непростой вопрос. Вообще у Фихте сложная философия, надо сказать.

– О, да! Наш лектор даже устраивает нам сеансы спиритизма, так что мы практически общаемся с Фихте без посредников.

Он улыбнулся и попытался объяснить Анне Сергеевне суть загадочного равенства объекта и субъекта. Его негромкий голос лишил слова всякого значения. Аня ничего не запомнила.

– Видите ли, Фихте, как и любой философ, создал определённую систему. И, чтобы эту систему понять, нужно просто читать его труды, а они достаточно большие. Я подумаю, что бы Вам такое посоветовать, – закончил он.

Аня продолжала сидеть в своём гипнозе, вопросы закончились, а ей хотелось дальше слушать голос философа.

– Ну что ж, это всё. Кажется. – Николай Данилович приготовился прощаться.

– А что Вы будете читать на следующей лекции? О ком будете рассказывать?

– О Гуссерле, потом о Хайдеггере. Приходите.

– Да, это как раз то, что мне очень хотелось бы послушать. Я решила ходить к Вам вместо некоторых практических занятий, которые стоят в расписании.

– Ну, смотрите сами, – Николай Данилович улыбнулся и помешал ложкой свой чай.

– Да, спасибо большое. Извините, что я Вас так отвлекаю со своими вопросами.

Поднявшись со стула, Аня попыталась ему улыбнуться, но получилось, наверное, как-то глупо. Она нагнулась, чтобы подобрать шарф с пола, как вдруг в кабинете зазвонил телефон. Не то секретарь, не то просто подчинённый, короче один из сидевших в комнате, поднял трубку и почти мгновенно обратился к Николаю Даниловичу:

– Возьмите трубочку. Это Вам жена звонит.

Аня пошла к двери, а вслед услышала торопливое:

– И приятных Вам сеансов спиритизма!

– Спасибо! Мы ими наслаждаемся! – ответила Аня и вышла. Ещё в дверях она бросила взгляд на стол у окна. Он продолжал сидеть в той же позе, что и до Аниного прихода, мирно попивая чай из пластмассового стакана и держа у уха трубку.

Через пару часов Аня в слезах дозвонилась до Тани, своей подруги. Таня выслушала драму от начала до конца и запела в телефон:

– «Плачет девушка в автомате, вся в слезах и губной помаде...»

– Таня-а-а-а! – пуще прежнего завывала Аня.

– Успокойся. Приеду в восемь.

В восемь пришла Таня. Разулась, как врач. Спросила, можно ли помыть руки и села с Аней в комнате.

– Чаю не хочу, ничего не хочу. Пепельницу только дай и всё, – нежно, как мамочка, сказала Таня.

– Таня, это всё, – говорила Аня, подавая блюдце вместо пепельницы. – Это всё. Это конец.

– Не надо сначала, Аня. Я тебя прошу. Я тебе вот, что скажу. Знаю я этих всех умных философствующих мужчин. Пропрыгаешь за ним лет пять сначала. Марафон ещё *тот* будет, потому что за ними много разных зайчих прыгает. Допрыгаешься до того, что станете вы с ним вместе жить на шестом этаже шестого дома по улице Хрустальной в его (а может, даже в твоих) однокомнатных хоромашах. Конечно, он тебе поначалу будет про Шеллинга сказки рассказывать, но когда на кухне отвалится кафель и прорвёт трубу, то тебе будет не до сказок. Потом он напишет разгромную критическую статью на книгу какого-нибудь малоизвестного философа, и вы будете каждый вечер вслух читать эту статью, чтобы он, удовлетворивший своё тщеславие, засыпал спокойным и счастливым. Потом его не пригласят на какую-нибудь ежегодную конференцию, вследствие чего его хрупкое академическое здоровье не выдержит такой трагедии и надломится. Тогда тебе придётся взять на себя все заботы, которые тебя и так уже обременяют. Тебе придётся кормить его кашей с лавандовым

вареньем и поить чаем из сушёных бабочек. Он будет лежать на диване, ты будешь его утешать, подтирать его священные слёзы... и сопли, вероятно, тоже. Будешь называть его своим маленьким гением, выполнять его капризы. Вот и всё... А ещё кое-что забыла, — Таня втянула сигаретный дым и поправила кофту на груди. — Работать будешь ты, а не он. Будешь проектировать десять домов и пахать прорабом на десяти объектах, а если возникнет дома ссора или конфликт какой, то тебе прямо скажут: «Вы, девушка, никто, а я великий философ и мастер мысли! Точка». Тебе это надо?

Аня не знала, что сказать. Все эти слова были для неё лишь утешительной болтовней, которую готов развести каждый, лишь бы перед ним перестали лить слёзы. Но Таня имела в виду именно то, что говорила, и никакие слёзы ей не мешали. Кто был прав, покажет время.

Юлия ЖИВОЛУПОВА

Воздушные шарики

Зарисовка четвёртая

Насадил на крючок наживку, поплевали и закинули куда попало удочку. Кто-то с желанием поймать, кто-то с горьким пониманием того, что всё лопнет, как только прикоснется к крючку.

Воздушные шарики-то тяжело на крючок поймать!

Так и мечты — кажется вот она, один шаг и желание исполнится... Но... хлопок и в руках дырявая шкурка от шарика. И становится невыносимо грустно от этой закономерности.

Но надо просто задаться вопросом — можно ли «ловить» мечту только на удочку?

Нет. Есть *сети*. И больше поймаешь! Но чтобы сети приготовить, расставить и, наконец, снять, нужно приложить усилия. А все ли из нас готовы на какие-то жертвы ради мечты?

Вот и пытаются поймать на удочку воздушные шарики...

Олег ИЛЬИН

* * *

Иван Христофорович Георг фон Шмюльке зашёл в кафе быстрого питания и повалился на небольшой круглый столик, подавив и уронив несколько пластмассовых стаканчиков. На столик он опёрся животом и грудью, а голова, руки и ноги свободно свисали вниз как некие щупальца предельно

расслабленного осьминога. На все уговоры и упрёки официантов в белых рубашечках Иван Христофорович Георг фон Шмюльке отвечал, что он великий поэт, но у него кризис жанра.

Елена КАЧАРОВСКАЯ

Ванька Мокрый

Апрель выдался в тот год необыкновенно тёплым и солнечным. На речке рано вскрылся лёд, и желтоватые рыхлые льдины нехотя потащились по воде, унося за собой недолгую, вязкую зиму.

Окна небольшой коммунальной квартиры выходили на набережную. И Ирка с ногами забиралась на широкий подоконник, подолгу всматриваясь в серую шевелящуюся реку. Подоконник для неё был особенным, любимым местом, а на запотевшем от дыхания оконном стекле получались забавные улыбающиеся рожицы. Ирка обожала рисовать пальцами на стекле.

Мама неодобрительно качала головой, но ничего не говорила. И прикрикнула на Ирку всего один раз, когда та нечаянно опрокинула на пол горшок с бальзамином, попросту называемым всеми Ванькой Мокрым:

– Вот и погиб наш самый надёжный синоптик.

Цветок умел предсказывать ненастную погоду, и с приближением грозы или тумана на острых кончиках листьев выделялись капельки воды. Ирка тоже огорчилась, ей нравилось поглаживать прохладные влажные листья и предупреждать маму о предстоящих дождях. Уцелевшую часть растения поставили в банку с водой с робкой надеждой на возрождение покалеченного Ваньки.

Несколько дней назад Ирке исполнилось шестнадцать. Гостей было всего двое: Ирка и мама. Пили чай, заваренный со смородиновым листом и мятой. К чаепитию прилагались аляповатый покупной кремный торт и самодельное печенье «рыбки». Ирка получила потрясающие подарки: в нарядной, связанной мамой, сумочке лежали мягкие кисточки, гуашь и набор мелков. Ко всему этому богатству прилагалось несколько больших листов ватмана. А ещё – шестнадцать разноцветных шаров, которые они со смехом надували и выпускали по очереди из окна, любуясь стремительно удаляющимися яркими точками: синей, оранжевой, зелёной, жёлтой, красной.

– Пусть люди радуются с нами.

– И празднуют вместе с нами.

Шарики несли в себе не только мам-иркины выдохи, но и записки с пожеланиями для прохожих, случайно поймавших такой необыкновенный шар. Мама писала на своих бумажках короткие добрые пожелания: здоровья, счастья, добра. А Ирка сопела и придумывала длинные и сложносоч-

нённые. Вскоре в их поле зрения остался только один выпущенный на волю шар — оранжевый. Он зацепился за голые ветки высокого тополя и ещё несколько дней радовал Ирку своим жизнерадостным трепыханием на ветру, покуда не сник и не провис на дереве безвольной рыжей тряпочкой.

Иркин сосед по коммунальной квартире, отставной морской офицер, ныне пенсионер, дядя Дима сохранял былую выправку и слыл заядлым рыбаком. В рыболовный сезон его высокую сутулую фигуру можно было заметить около близлежащей реки, где он пропадал целыми днями. Правда, рыбу, пойманную в черте города, есть было невозможно из-за стойкого химического привкуса. Привкус получался из-за дряхлых очистных сооружений местного фармацевтического завода. Завод был единственным стабильно работающим предприятием небольшого города, и руководство закрывало глаза на отвратительно пахнущую реку и умирающих по весне уток, прилетающих сюда по старой привычке. Из двух зол...

В дни ледохода дядя Дима начинал маяться, и не мог найти себе подходящего занятия. Поэтому входил в межсезонный запой, превращаясь из тихого безобидного пенсионера в неопрятного разухабистого старикана. Мама с Ирккой старались не появляться на кухне, где калейдоскопом сменялись гости сомнительного вида, бесцеремонно гремевшие бутылками, каблуками и пьяными голосами. Иркина мама, женщина по характеру незлобная и терпеливая, в такие дни прикрепляла на комнатную дверь плотное бархатное покрывало:

— Всё потише будет. Ничего... Погуляет наш дед Димыч, да успокоится. Как лёд сойдёт и у него схлынет. Легко старику куковать в одиночку? Что мы не понимаем? Всё ж ему родные люди, хоть и соседи. Ирка соглашалась и кивала.

Дядя Дима рано овдовел и больше так и не надумал жениться:

— Лучше моей Любашки не было и не будет никого. Почто нам злые мачехи?

Сына растил сам. Отправил учиться в военное училище в Петербург. А десять лет назад уехал сынок служить в жаркие африканские страны, да там и пропал. Ни писем, ни весточки. В военкомате не могли толком ничего сказать: жив-ли-мёртв, бурчали только невразумительно, намекая на государственную тайну. Но не так давно вдруг пригласили старика и выплатили за сына какое-то единовременное пособие. И дядя Дима искренне считал, что его сын стал разведчиком и поэтому не даёт о себе знать:

— Нет свидетельства о его смерти, и смерти для него нет. Ездит там мой Сашка верхом на слоне и следит за международной обстановкой.

Мама жалела старика. Подстирывала ему кой-какие вещички, супчика-ми подкармливала. Всухомятку-то долго не проживёшь. Как-то, проснув-

шись глубокой ночью, Ирка выскочила на кухню воды попить. В горле пересохло. На кухне горел свет, и Ирка увидела, как мамка с тряпкой ползает на коленках, оттирая замызганные после очередных гостей полы. А дядя Дима, прислонив хмельную лысую голову к холодильнику, бормочет:

– Ты, Надюха, надейся-то на хорошее. Баба ты справная, хозяйственная. Был бы я помоложе... И борщи у тебя со смыслом, наваристые, как мамка моя умела. И фигура ладная. Замуж тебя выдам. Хочется на твоей свадьбе погулять.

А мама только смущённо хихикала и подозрительно долго оттирала несуществующее пятно на дощатом полу. Ей ли, матери-одиночке, да детдомовке в анамнезе, мечтать о хороших женихах. Был всего один, да быстро сплыл. Сразу после ирочкиного рождения. На гитаре брэнчал хорошо. Жаден был до денег и до свободы мужской. Люди поговаривали, что после Надежды он ещё не одну дурочку в районе обрюхатил. А после – в Москву подался деньги заколачивать. Москва – большой город, там легко потерять и потеряться. Алиментов Надежда не видела, но не роптала: и так богата: Ирка у неё, комнатка своя, сосед хороший.

Утром Ирка обычно просыпалась от тёплого мамино поцелуя. После чего приходилось одеваться, мыться и чистить зубы. Сегодня голова почти не кружилась. Ирка, неохотно и наскоро приведя себя в порядок, снова забралась на подоконник и расплющила нос по холодному стеклу. Мама ушла в магазин и скоро должна вернуться. А Ирка сверху махнёт ей, а мама обязательно посмотрит вверх и улыбнётся, помахав в ответ.

В дверь несколько раз позвонили. Мама в магазине, а дядя Дима вчера снова сильно выпил и, по-видимому, спал крепким похмельным сном. Ирка осторожно слезла с подоконника и побежала открывать. На пороге стоял незнакомый седой подтянутый мужчина в милицеской форме:

– Майор Степаненко. Терехова Надежда Петровна здесь проживает?

– Здесь.

– А тебя, мальчик, как зовут?

– Ирка, – хихикнула тоненько Ирка, развеселившись, что её приняли за мальчика. А всё потому, что её светлые жидковатые волосы после операции ещё не отросли и топорщились в разные стороны короткими перелесками. Степаненко растерялся, потеревил край милицеской фуражки и смущённо кашлянул в кулак.

– Маму позови.

– Она скоренько. В магазин пошла. Да, Вы проходите, проходите на кухню. Чайку попью.

Майор Степаненко покорно поплёлся за Иркой на кухню.

Ирка, знающая толк в гостеприимстве, быстренько вскипятила чайник. Кружки поставила праздничные, фарфоровые с выпуклыми ромашками. Сахару тоже не пожалела, три ложки с горкой. Придвинула к гостю мятные пряники и завела светскую беседу.

– Вы про наш фармзавод знаете?

– Знаю.

– Так вот, я и говорю, когда мамка была мною беременная, она там работала. И никто ей не сказал, что вредно находиться на заводе в положении и дышать химикатами. Вот я и родилась недоношенной, болею часто и в школу не хожу, как все дети. Со мной соседка Алла Ивановна на дому занимается. А несколько месяцев назад я несколько раз в обморок хлопнулась. Мама перепугалась, бросилась к врачам, сделали рентген. Оказалось, что у меня в голове что-то ненужное выросло, и меня тут же на операцию. Вскрывали голову как консервную банку, вот здесь, видите? – Ирка весело ткнула пальцем в уродливый багровый шрам у правого уха, просвечивающий сквозь светлый пух.

Степаненко сосредоточенно кивнул. А про себя думал: «Бедная-бедная девочка... Человечек из кунсткамеры. Сколько же ей лет? Огромная голова на маленьком, будто усечённом теле, непропорционально короткие ручки-ножки. Совиные, смышлённые глаза без ресниц и бровей. Горе-то какое. Бедная девочка. Бедная мать. И я ещё тут со своей новостью».

Степаненко не успел завести своих детей, чему был рад и не рад одновременно. Некогда было. Два скоротечных брака и два затяжных развода. Разводились дольше, чем женились. Женская мнительно-мстительная психика не выдерживала постоянных отлучек, бесконечных ночных звонков, а также мизерности вклада в семейный бюджет. Разводясь, жёны в качестве моральной компенсации требовали материального отступного. Степаненко ощущал себя виновным и старался компенсировать. Первой жене досталась отцовская машина «Волга». Второй супруге – квартира, а ему самому – повышение в должности с переводом из столицы в областной город, по счастью со служебной площадью.

– Ничего, до свадьбы заживёт, – воодушевилась Ирка, продолжая трогать шрам, очень довольная тем, что у неё нашёлся такой внимательный зритель и слушатель. Она вообще мало общалась с внешним миром, проживая в счастливом своём, состоящем из пространства комнаты, любимой мамы, стола с рисунками, насиженного подоконника.

– Представляете, мы с мамой пишем друг другу тайные записки. Вот сейчас, в магазине мама достанет кошелек, а там записка: «Не покупай мне больше молока. Лучше купи мороженого».

– А мне нельзя мороженого, – продолжала щебетать Ирка, – гланды часто воспаляются. Но мама всё-таки его мне купит, а потом положит на блю-

це, чтобы подтаяло и согрелось. И я пью эту сладкую сливочную лужицу вместо гадкого кипячёного молока. Талое мороженое куда вкуснее.

Дверь хлопнула. Пришла Надежда, заглянула на кухню и побелела лицом:
– Что случилось?

– Сосед Ваш Дмитрий Дмитриевич ночью в речке утонул. Вышел на ледяное крошево и провалился. Надо бы Вам на опознание, в морг. Вы уж простите, что так получилось. Пойдёмте, я Вас провожу. – Степаненко виновато поморщился.

Надежда тихонько заплакала, и Ирка вслед за ней стала поскуливать тоненько как щенок.

Летом Ирка переехала от мамы в соседнюю комнату, бывшую дядьмину. Мама раздала немудрёную соседскую мебель знакомым дачникам. И в комнате теперь было много свободного пространства, стол да Иркина детская кровать, из которой она никогда не вырастет. В одном углу, специально оборудованном под рыболовные снасти, продолжали топорщиться дядьимины удочки. Рука не поднимается выкинуть.

– Хороший был рыбак и сосед хороший. Пусть на память останутся, – поясняла Надежда соседке Алле Ивановне, заглянувшей на новоселье.

Ирке разрешили рисовать на стенах, которые мама оклеила белыми матовыми обоями. И Ирка нарисовала много-много разноцветных улыбок. На её стене улыбались милиционеры, слоны, деревья и даже речка, отравленная ядовитыми стоками. И ещё она научилась удочкой ловить из окна пролетающие листья, когда мама была на работе. Майор Степаненко продолжал заходить в гости. Незаметно для себя прилепился к этому дому. Наверно, хотел реабилитироваться перед мамой, что приносит не только дурные вести.

Как-то перед очередным визитом на его фирменную фуражку свалилась дряблая рыжая тряпочка воздушного шарика. Зайдя в дом и сняв фуражку, майор обнаружил оплошность и как вежливый человек положил тряпочку в карман. Позднее, он с удивлением обнаружил в кармане записку с печатными прыгающими в разные стороны буквами: «Пускай у Вас будет много-много детей, и Вы будете чаще улыбаться».

Разведчик Александр Дмитриевич ехал верхом на слоне по пыльным просторам далёкой африканской страны, думая о скорой демобилизации и возвращении домой. Россия сворачивала программу дружественной военной помощи и больше углублялась в свои внутренние вопросы.

– Вот вернусь, и пойдем вдвоём с отцом на рыбалку. Не пересылали мне свидетельства о его смерти, и смерти для него нет. Крепкий мужик. Ходит там себе на речку, да смотрит международные новости по телевизору.

Слабенький Ванька Мокрый, пересаженный из банки в новый коричневый горшок, неожиданно окреп, расцвёл и заплакал. Приближалась новая гроза.

Впусти меня

– Впусти меня, пожалуйста,пусти меня!!! Видишь, я уже полчаса бьюсь у твоей двери. Я сегодня буду хорошей девочкой и завтра тоже. Как ты можешь меня не впустить! А-ааааа! Пусть все соседи услышат меня, и тебе станет стыдно.

Опять она пришла. Стоит – орёт. Что делать-то? Милицию вызвать? Спасателей, чтобы меня от неё спасли? Жалко дурёху. Скорая тоже не поможет. Соседи и так вчера на меня косились. Если не открою, они кого-нибудь вызовут.

– Эй, ты, заходи. Хватит надрываться.

– А ты кто такой? Что здесь забыл? Уходи отсюда немедленно. Где он? Где? Не прячься. От меня не спрячешься. Я очень хорошая, пока тебя не отыщу.

Какая же она худая. Один остов, а кормы нет. Обтрёпанные джинсы сползают с бёдер. Остроносая, с подростковой стрижкой, непонятного возраста, суетится, бегаёт по квартире, озирается. Глаза ускользающие, тёмные – не смотрят, а плавают по лицу. Вряд ли она меня видит. Полезла под диван.

– Эй, ты. Вставай. Кого ищем? Помочь? Хочешь горячего чаю?

Молчит. Вздрагивает. Села на пол, голову уткнула между коленок. Дурацкая ситуация. По телевизору крутят сюжет о бездомных детях. Дети вповалку спят у трубы с горячей водой. У некоторых совсем взрослые, испытые лица. У этой девчонки тоже взрослое лицо. Но не испытное, а больное и измученное. Господи, да она ж уснула. И тихонько то ли шепчет, то ли посвистывает во сне.

Звонок в дверь. На пороге соседка – старушка любопытствует:

– Впустил эту... что ли?

– Впустил.

– Гони её. Она ненормальная. Поговаривают, что жила она тут пару лет назад с одним уголовничком, да только его то ли прирезали, то ли застрелили. А эту квартиру вечно кому ни попадя сдают. А она всё ходит, ищет его. Никто из жильцов её не пускает. Ты один такой смелый. Она – шизофреничка. Приступы раз в три месяца. И ходит сюда, и ходит. А после её визитов то канализацию прорвёт, то бомжик в парадной помрёт, а то по ночам в трубе выть начинает.

– Я разберусь, а Вы идите. Всё будет хорошо.

Поджала губы, ушла. В коридоре остался сыроватый стариковский запах. Непонятно, почему соседская старость пахнет сыростью. Старушке тоскливо, живёт с таким же дряхлым котом, а поговорить не с кем. А тут: какое-никакое событие.

Позвонила Катя:

– Гостей принимаешь? – кокетливо в трубку.

Скептически посмотрел на пол.

– Сегодня, к сожалению, нет. У меня неприёмный день. Болею.

– Болей-болеи. Знаю я. Как ты болеешь и с кем. – Трубку бросила. Вот ведь дура. Обижается и ревнует. К кому?

Попытался поднять с пола девчонку и уложить на диван. Она с закрытыми глазами больно вцепилась зубами мне в руку. И тут же распласталась по полу и засопела.

Когда я был маленьким, у меня в трёхлитровой банке жил хомячок Фома. Гости: взрослые и дети, развлекаясь, пытались засунуть в банку руку и поймать Фомку. А я, когда приходили гости, накрывал банку газетой, отчётливо представляя, что чувствует крошечный хомячок, когда огромная рука, словно ковш экскаватора, старается тебя схватить и смять. Хомячок огрызался и кусал руки гостей. А те почему-то злились.

Потом умерла моя бабушка. А я даже не понимал, что бабушка умерла, и почему она не приходит целовать меня на ночь, и никто больше не называет меня «мой утёнок». От неё всегда пахло едой и болгарским розовым маслом, но никогда не пахло стариковской сыростью.

Я, конечно, скучал по бабушке, но совсем не плакал, когда её не стало. Первое невыносимое чувство потери и горя настигло меня, когда вскоре после бабушки умер хомячок Фомка. Я сам выкапывал маленькую могилку в нашем дворе, хоронил его и соорудил кособокий нелепый памятник из пластилина. Помню ещё, что часто навещал это скромное кладбище, и почти каждый раз захлёбывался слезами.

Как-то я услышал, что мама возмущённо выговаривает отцу:

– У нас ужасно странный и бессердечный ребёнок. Бабушка умерла, он не проронил ни слезинки, а теперь плачет каждый день о каком-то хомяке. Надо показать его психиатру.

А папа ей ответил:

– Разве ты не понимаешь, он потерял очень близкого друга. Какой психиатр?

Пол холодный, и я беспокоюсь, что моя незваная гостя простудится. Накрываю её мохнатым овечьим пледом. Что-то она перестала сопеть. Дышит ли? С неё станется.... Наклоняюсь ниже и неожиданно для себя целую её в висок:

– Спокойной ночи, мой утёнок.

И тут она всего на одну секунду открывает глаза:

– Вот ты где, оказывается. Нашла-таки.

В ту нелепую ночь, уже под утро я увидел себя снова маленьким, закрывающим трёхлитровую банку газетой. А рядом стоит моя бабушка, заговорщически подмигивает мне, и украдкой показывает на хомяка, который кончиком влажного носа осторожно высовывается из кармана её цветастого фартука.

Живот

Пал Палыч уважал домашнюю пищу. Нет, он совсем не был эдаким гурманом (устрицы и всё такое). Но, подумайте сами, мыслимо ли отказаться от искушения при виде ароматной соляночки с мелко-мелко накрошенными укропчиком и зелёным лучком, от ломтя тёплого ржаного хлеба с хрустящей корочкой, да сверху кусочек нежно-розового балычка. Всё положено употребить со вкусом, толком и расстановкой, не забыв про свежий салат из редисочки с малосольным огурчиком, который рекомендуется слегка подсластить медком и добавить самую малость яблочного уксуса...

Впрочем, к чему заставлять досточтимого читателя чувствовать себя несчастной собакой Павлова, всеу упоминая о традиционной с напёрсток рюмочке из заветного чуть запотевшего графинчика под солёный (только что из рассола) ломкий груздочек.

Супруга Пал Палыча, Анна Николаевна – женщина весьма внушительных габаритов и кулинарных изысков, всячески потворствовала хорошему аппетиту мужа.

Меню составлялось и согласовывалось на неделю вперёд и являлось несомненным предметом гордости четы Мандрюковых.

Нечастые гости читали красочно оформленное меню и облизывались: в среду – утка, начинённая грибами и сыром, в четверг – мясо в горшочках с гречневой кашей, а уже в пятницу – фаршированные перчики, да маринованные миноги с праздничной кулебякой...

– Кормите супруга правильно, – постоянно напутствовала Анна Николаевна своих разведённых подруг. – И он будет правильно себя вести.

Пал Палыч действительно не был замечен ни в чём таком предосудительном. Да и шутка ли прыгать за всякими юбками с его солидным весом и положением.

Выйдя на пенсию, Пал Палыч стал придавать культу еды ещё большее значение. И как-то незаметно он перестал выходить на улицу, позванивать старым друзьям и интересоваться последними новостями. Даже прекратил озорно пощипывать свою вторую половину к большому огорчению последней.

– Аня, мне кажется, что репчатый лук у тебя нарезан неправильно, колечки неровные.

– Анна, беги скорее на кухню, морковь уже пережарилась.

– В телятину не следует добавлять такое количество сливок.

Несмотря на всё увеличивающиеся претензии к качеству приготовления, аппетит не уменьшался, скорее наоборот. Вместе с аппетитом рос и без того немалый живот Пал Палыча, и пропорционально уменьшались голова и шея.

Вскоре, силуэт Пал Палыча стал напоминать небезызвестную копилку с огромной щелью рта. Анна Николаевна сильно похудела от постоянной беготни за продуктами и с трудом успевала готовить по требованию супруга. Она больше не поучала подруг. Впрочем, их уже у Анны Николаевны и не осталось...

Пал Палыч из-за одышки почти перестал разговаривать. И преданная терпеливая Анна Николаевна научилась по нюансам урчания живота определять степень его ненасытности.

Продавцы продуктового магазина забеспокоились по поводу отсутствия на рабочем месте своей заведующей Мандрюковой Анны Николаевны спустя неделю.

На звонки по телефону и в квартиру никто не отвечал. Прибывший наряд милиции, вскрывший металлическую дверь, не смог найти дальнейшего входа в помещение. Прихожую перекрывала огромная колыхающаяся масса жира, из глубин которой слышались громкое урчание, ненадолго прерываемое ласковым женским голосом:

– Пашенька, дружок. Ну, открой, пожалуйста, рот на секундочку. Выпусти меня. Тебе же надо покушать.

После проведённой спасательной операции живот Пал Палыча попал в Книгу рекордов Гинесса. А сам Пал Палыч – в огромную отдельную палату медицинской академии для изучения феноменальных способностей человека.

Весьма довольная неожиданной славой и повышенным вниманием СМИ, похудевшая и помолодевшая Анна Николаевна поучала молоденьких продавщиц:

– Помните, девоньки: путь к большому успеху у мужчин лежит только через желудок.

Больше она никогда не готовила дома и ходила с многочисленными поклонниками исключительно по дорогим ресторанам.

Александр КИСЕЛЁВ

Студент Математико-механического факультета СПб ГУ

Возвращение к легенде

(Все герои и события вымышлены; все совпадения с реальными людьми и событиями случайны и не спровоцированы автором.)

1984 год, КПП Летенье, венгерско-югославская граница.

Автобус с советскими туристами дожидался оформления документов. Хотя слово «туристы» неверно – автобус вёз в основном сотрудников госструктур, находящихся в отпуске. Свой отпуск в братской Югославии, на Адриатическом побережье северной Далмации собирался провести и майор КГБ Дмитрий Зотов. Собственно майором молодой офицер стал недавно, и отпуск получил в награду за блестяще проведённую операцию по ликвидации террористов в одной из горячих точек Афганистана. Майор Зотов хотел, наконец, растянуться где-нибудь на пляже и ни о чём не думать. Хотя, раз уж начальство сказало ехать отдыхать с сотрудниками посольства, хотя майор предпочёл бы долететь самолётом, то по сторонам Дмитрий смотрел. Не мог он не видеть, например, прелестную женщину-сопровождающую. «Кажется, её зовут Эрикой», – вспомнилось Зотову.

Карьере Дмитрия завидовали почти все его друзья-коллеги, ибо ни один из тех, с кем Зотов десять лет назад начинал учиться в высшей школе КГБ, не достиг таких высот, отсеявшись на разных этапах. Некоторым не хватило личных качеств – и они остались на канцелярских должностях в низких чинах; другим не хватило везения – талантливые и горячие сложили свои головы за советскую власть. И только Зотов, как стойкий оловянный солдатик, продолжал поражать генералов своей исполнительностью и выживаемостью. Все порученные ему задания он выполнил.

Но Дмитрий Зотов не был карьеристом, никогда не «носил тапочки» за очередным начальником ради повышения в звании и презирал лицемерие в высших эшелонах власти. Эту самую власть майор Зотов неоднократно и открыто критиковал, не заботясь о собственной безопасности. Однако времена Сталина-Берии давно прошли, в стране Советов не убивают за оскорбление власти, хотя, конечно, невозддержанный на язык майор стоял поперёк горла очень многим. И услать его подальше мечтали практически все, так что жаловаться на отсутствие работы Дмитрию не приходилось. Да и жаловаться-то он, к слову, тоже не привык...

Внезапно к стоящему на КПП автобусу подошёл, скорее, подкрался, вооружённый тип в маске, зашёл внутрь, схватил венгерку, направил на

неё свой автомат и на довольно сносном, хотя и не без акцента, русском объяснил:

– Вы все – мои заложники. Сидеть тихо, не двигаться. Водитель здесь? – люди были в шоке и не в состоянии вести диалог с террористом. Майору же Зотову террорист показался знаком. – Тогда за руль садись... вот ты, – террорист указал на сорокалетнего мужичка, младшего атташе советского посольства в Венгрии. Мужичок не двинулся с места. – Сядь за руль, или я вас тут всех перестреляю! – начал терять терпение захватчик. Действительно, в любой момент могли прийти пограничники, а в то, что, ради двадцати четырёх мирных граждан, они оставят в живых одного террориста, верилось с трудом.

– Точно, я вспомнил, – Зотов медленно поднялся со своего места и обратился к террористу. – Пациент номер 663258, психиатрическая клиника города Будапешта; я не ошибся?

– Что?.. Какого чёрта?.. Ну да, великий неуязвимый майор Дмитрий Николаевич Зотов! У вас неплохая память, майор.

– Это профессиональное качество.

– Оно вам не поможет. Если я не попаду на другой берег³, то вы, эта прелестная леди и ещё несколько, – он махнул автоматом, – людей погибнут вместе со мной! Вы этого хотите?

– У меня есть некоторый опыт в бескровном освобождении заложников с убийством захватчика.

– Скромность не является вашей сильной стороной, Дмитрий, я не очень верю вам.

– От вас этого и не требуется. Кстати, а как вас всё же зовут?

– Я – граф Дьюла Андраши⁴!

– Вы – шут!

– Ха-ха-ха... Я? Ну, уж обождите, майор, быть шутком – ваша привилегия!!

– Я – всего лишь скромный профессионал. Не шутовского дела, отнюдь.

– А я кто по-вашему?

– Вы правы – никто. Кстати, думаю Дьёрдь Кошшои – тоже не настоящее ваше имя, граф?

– Ах, вот как! Вы, я вижу, зрите в корень, майор!

³ – Имеется в виду другой берег реки Мура, по которой проходила описываемая часть границы Венгрии и Югославии.

⁴ – Граф Дьюла Андраши (1823 – 1890) – венгерский политик, приговорённый к смерти заочно, позже выступал за сближение Венгрии с Австрией, добился дуализма Австрии и Венгрии (при помощи австрийской императрицы Елизаветы, более известной как Сисси).

– Ваша кличка, Граф, ясна сразу, как только вы начинаете прикидываться графом Дьюлой!

– Ваша догадливость только навредит вам, майор!

– Вы несправедливы, Граф! Кстати, а что это вы так рвётесь в Югославию, а? Вас же не впустят в страну!

– Вы ошибаетесь. На том берегу я буду в безопасности!

– Ваши друзья захватят пограничный пункт, да?

– Хватит разговоров, майор! – террорист заметил нескольких вооружённых пограничников, подошедших вплотную к автобусу, и продолжил по-венгерски:

– Эй, вы, ни с места, или я пристрелю её!

– Граф, спокойнее, я могу вам помочь в обмен на гарантию жизни всех пассажиров.

– Как у вас, русских, говорится – чёрта с два! Садитесь за руль майор и, – тут он отвлёкся для того, чтобы застрелить подобравшегося ближе всех венгра-пограничника, – везите нас на другой берег.

– Где вы будете в безопасности, убьёте заложников и скроетесь, так?

– Нет, эту девушку, например, мы убьём не сразу... Думаю, вы меня понимаете...

– ОК, граф, я помогу вам. Кстати, а вашей организации не нужны опытные бойцы?

– Хотите предать Советский Союз, майор? Любите великую Австро-Венгрию? Я вам не верю. Это блеф.

– Вы так думаете? Что ж, тогда помогу вам бескорыстно, ради вашей борьбы за воссоздание Австро-Венгрии! – и, усмехнувшись, майор Зотов прошёл на водительское место, крикнув готовым к штурму солдатам по-венгерски:

– Всё в порядке, майор госбезопасности Зотов! Мы с товарищем эмигрируем в братскую республику, надеемся, что нас там примут!

Надо сказать, что сии слова были своеобразным кодом, означающим, что захватчик движется в Югославию, где ему должны помочь. Зотов рассчитывал на понимание проблемы со стороны своего давнего товарища, майора Василия Меденко, который возглавлял венгерский отдел КГБ.

Действительно, едва услышав фразу Зотова, Меденко отдал приказ пресечь попытки вражеских элементов захватить пограничный пункт Горичан. Приказ был отдан вовремя и подоспевшие агенты перехватили группу экстремистов на подходе к пограничному пункту – просто предупредить югославов было сочтено неразумным.

Так или иначе, Зотов медленно повёл автобус к мосту через реку Муру, по которой и проходила граница Венгрии и Югославии. Человек, назвавшийся графом Андраши, внимательно следил за ним, не выпуская из рук

автомата и испуганной венгерской девушки по имени Эрика. Въехав на мост, Зотов увеличил скорость; съехав с моста, он резко затормозил. Не ожидавший подобной подставы Граф потерял равновесие, выпустив девушку. В следующий момент он был ловко обезоружен майором Зотовым.

– Minden rendben van⁵? – спросил Зотов у Эрики. Несчастливая девушка пребывала в шоке и не нашлась что ответить. Она только слабо кивнула головой и заплакала. Дмитрий обнял её, говоря:

– Ну что вы, что вы, Эрика, всё позади, всё в порядке...

Граф лежал в проходе автобуса и даже не проявлял желания встать, ибо нога майора была очень удачно поставлена ему на спину. Попытавшись встать, террорист ломал бы себе позвоночник. Майор Зотов, даже становясь просто человеком, оставался профессионалом и не забывал о собственной безопасности.

Успокоив девушку, Зотов повернулся к остальным, не забывая о графе, и сказал:

– Всё в порядке, а вот поездка на отдых, боюсь, откладывается. Наши доблестные агенты начнут трясти всех вас на предмет пособничества этому товарищу!.. Встать! – это уже графу, причём ногу со спины графа Зотов убрал.

– Медленно и спокойно встать, без резких движений!

Граф поднялся и взглянул на Зотова. Потом усмехнулся и сказал:

– Да вы боитесь меня, майор!

– Ничуть, – ответил Зотов, хотя действительно опасался действий террориста.

Граф ничего не ответил, только внезапно бросился на майора. Зотов выстрелил. Граф умер ещё в броске, упал на пол он уже мёртвый. Эрика вздрогнула, несколько женщин-пассажирок в ужасе завизжали. Зотов выдохнул с облегчением:

– А в хорошей он был форме, чёрт возьми! Завидую!

Спокойный голос Зотова подействовал отрезвляюще даже на верещавших дам. Тем временем майор проверил пульс террориста; потом достал из кармана рацию-передатчик и вызвал Меденко. Василий откликнулся сразу же.

– Да, Дима. Получилось?

– Не знаю, как у твоих ребят, а у меня получилось. Все живы, граф мёртв.

– Граф?

– Кличка. Представлялся графом Андраши, даже паспорт венгерский на это имя имеется. Настоящее имя мне неизвестно, хотя есть ещё паспорта на имена Дьёрдь Кошшой и Ласло Сегели. Ни одно имя, как мне кажется, не родное.

– Понял тебя. Где там мои ребята?

⁵ – Всё в порядке? (венгерский язык).

– Уже на подходе, если это, конечно, они.

Действительно, отряд, обеспечивший безопасность КПШ Горичан, подошёл к автобусу. Зотов вышел из автобуса и назвал себя.

– Приветствую вас, майор, я – командир этого отряда. В интересах службы, имени у меня нет, – ответил ему один из подошедших.

– А звание?

– Считайте, что сержант.

– ОК, сержант Неизвестный. Так и запишем.

– Всё ли в порядке, товарищ майор?

– Вроде да. Все живы. Возвращаемся к товарищу Меденко?

– Вы – да. Мне же возвращаться следует в другом направлении.

– ОК. Приятно было познакомиться, товарищ сержант.

– Мне тоже, товарищ майор... Отряд, кругом! В леса братской Югославии шагом марш!

С уходом отряда высокочлассных ребят Зотов вновь ощутил себя главным. Он повернулся к пассажирам и преувеличенно бодро сказал:

– Ну-с, возвратимся в Венгрию. Надеюсь, что отдых лишь откладывается, а не отменяется.

Алексей КРОТОВ

Аспирант филологического факультета СПб ГУ

Телевизор

Посвящается Рэю Бредбери и его «Комнате со львами»

В субботу Виктору подарили новый телевизор. Вы спросите, а куда он дел старый? И будете думать, что задали самый естественный вопрос. А вот и нет, ваш вопрос некорректен. Вот если бы вы спросили, а был ли старый, тогда всё было бы хоккей. Конечно, вы уже поняли, что телевизор у Виктора появился впервые, и был он, что ни на есть новый, в самом прямом смысле этого слова: телевизор только что сошёл с конвейера, только-только попал в магазин и сразу же был куплен, упакован и доставлен Виктору в лучшем виде. Вы, конечно, подумали, что Виктор обрадовался подарку? (Кому же помешает новый телевизор?) Да, вы уже поняли, что опять не угадали. Придя домой, Виктор обнаружил на тумбочке подарок, установленный в его отсутствие заботливыми родственниками. Первым делом Виктор со всех сторон осмотрел телевизор и даже ощупал его.

«Лада», – прочёл он надпись на корпусе.

Это была популярная марка, и Виктор это знал. Отойдя на несколько шагов, он ещё раз внимательно взглянул на телевизор. Выпуклая красная кнопка при-

завывно выступала из неожиданного подарка. С минуту, не меньше, Виктор смотрел на кнопку, как загипнотизированный. Первоначальное удивление от столь неожиданного подарка сменилось растерянностью, а потом внезапно нахлынул испуг. Он, не отрываясь, смотрел на телевизор, словно перед ним было чудовище с красным глазом, выполняющим пожирательные функции. Как лунатик, Виктор приблизился к подарку, и его рука, подчиняясь какой-то непреодолимой силе, медленно потянулась к красной кнопке. Вот она всё ближе и ближе, ещё секунда – и пальцы ощутят ребристую поверхность пластмассы. Последняя доля секунды – и палец утопил красную кнопку. Раздался щелчок, но ничего не последовало – телевизор не был подключён к сети.

Виктор отёр вспотевший лоб. Гипноз кончился. Он резко отдернул руку и быстро отступил на несколько шагов от телевизора. «Да что это со мной!» – раздражённо подумал он, – веду себя, как будто передо мной монстр, а не обычный телевизор». Взяв себя в руки, Виктор отжал кнопку и ушёл в другую комнату.

* * *

Прошло несколько месяцев. Виктор продолжал следовать обычному порядку, не обращая внимания на телевизор. Так продолжалось довольно долго, но однажды Виктор вдруг поймал себя на том, что телевизор влечёт его. По-первости, он легко отогнал эту мысль, но вскоре она вернулась. Через некоторое время подарок стал притягивать его, как магнит. Виктор сопротивлялся, сколько мог. Возможно, ему бы удалось справиться с искушением, если бы в один прекрасный день не пришёл дядя Петя.

Дядя Петя... Он был одним из тех родственников, которые решили приобщить Виктора к массовой культуре, для чего одарили телевизором. Вот и на этот раз заботливые родственники, прознав, что Виктор так и не включил подарок (Виктор сам рассказал) отрядили дядю Петю для выполнения завершающей стадии их образовательной затеи. Виктор принял дядю Петю радушно, угостил обедом. Поболтали обо всякой всячине. Под конец разговора дядя Петя искусно перевёл беседу на тему информации, положения в стране, в мире, словом, подвёл разговор к телевизору. На прямой вопрос, смотрел ли телевизор племянник, Виктор ответил отрицательно и попросил забрать подарок. Дядя Петя принялся горячо доказывать племяннику преимущества телевизора в современной коммуникационной системе. Виктор решительно отмёл все аргументы (домогательства) дяди. Тот снова принялся сетовать, что любимый племян не осознает достижений науки, но всё было бесполезно.

Виктор стоял на своём – заберите, и всё, не буду смотреть.

– Ну что с тобой сделать, голова ты садовая, – махнул наконец рукой после тщетных увещеваний дядя Петя. – Ладно, дорогой, делай, как хо-

чешь. Ни я, ни жена, конечно, забирать телевизор не будем, но если уж он совсем тебе не мил, делай с ним, что хочешь.

– А вы не обидитесь? – с облегчением спросил Виктор.

– Нет, мы поймём. Ну, ладно, мне пора идти.

– Рад был видеть, дядечка. Заходи ещё.

– Обязательно.

Они вышли в коридор, и Виктор открыл шкаф – достать дядин плащ.

– Ой, кажется, забыл очки! – воскликнул дядя Петя и быстро прошёл в гостиную. Не теряя ни секунды, он включил телевизор и сделал тихий звук. Затем почти бегом вернулся в коридор, чтобы племянник не успел заметить его проделку.

Проводив дядю, Виктор зашёл в ванную, потом в кухню. В гостиной он появился только минут через пятнадцать после ухода дяди Пети. Сначала он даже не сообразил, что телевизор включён. Он сразу понял: что-то изменилось. Но вот что? Тот факт, что подарок работает, дошёл до него секунд через тридцать. Осознав происходящее, Виктор бросился к светящемуся экрану, но замер на полпути. Говорящая картинка остановила его. На экране красовался роскошный пятнистый хищник – радостный голос негромко сообщил, что это пантера. Через минуту на экране показали гепарда, потом его сменил леопард. Леопарда сменил тигр, тигра – рысь, её кто-то ещё, а Виктор всё стоял изваянием перед подарком, потеряв счёт времени и как будто отключившись. Лишь когда ведущий объявил, что передача «В мире животных» закончилась, и на экране появился прогноз погоды, Виктор как-то резко врубился в суть ситуации, словно его самого тоже включили в сеть. Теперь он чётко понимал, что произошло. Вспомнив об уступчивости дяди Пети, он криво усмехнулся – каков хитрец. Отвернувшись от телевизора, Виктор присел на диван. Что случилось, то случилось. Теперь надо было принять решение, что делать с телевизором. Обдумав ситуацию, Виктор спокойно встал, подошёл к подарку и уверенно отжал красную кнопку, а потом выдернул вилку из сети.

* * *

Прошло ещё два месяца. Виктор держался крепко, но время от времени его так и подмывало нажать на красную кнопку. Однажды к нему заглянула тётя Лена, жена дяди Жоры, и тоже завела речь о телевизоре. Виктор отвечал сдержанно и зорко следил за родственницей, чтобы она не повторила фокус дяди Пети. Но тётя Лена оказалась достаточно умна и не попыталась сделать ничего подобного. Недели шли за неделями, и Виктору всё труднее становилось сопротивляться обаянию красной кнопки. И этот день наступил. Утром Виктор занимался хозяйством, потом был на работе, а вечером, как обычно, собрался почитать книгу. Протирая пыль, он случай-

но уронил безделушку и, наклонившись поднять её, внезапно оказался лицом к лицу с красной кнопкой телевизора. Рука, повинаясь безотчётному (а может быть, сознательному) импульсу, утопила её, а левая воткнула вилку в сеть. На экране появился мужчина в белом халате, но не успел он сказать и слова, как Виктор лихорадочно выдернул вилку. Экран погас. Виктор отступил на шаг, а потом снова включил телевизор в сеть. Экран вновь засветился, но Виктор снова выдернул вилку. Так повторялось несколько раз, но, наконец, Виктор, как будто смирившись, в очередной раз воткнул вилку и резко отошёл вглубь гостиной. На этот раз на экране шли новости, но Виктор не стал выключать телевизор. Он опустился на диван и, откинувшись на валик, покорно внимал голосу диктора.

* * *

И телевизор победил... Каждый вечер после работы Виктор исправно включал его. И *deus ex machina* вещал, вещал и показывал, а Виктор внимал. Он начал смотреть фильмы, популярные передачи – словом, всё, что передавал эфир. Постепенно Виктор привык к потоку информации, льющейся с экрана, и вскоре стал удивляться, как он мог раньше обходиться без телевизора. Каждый вечер Виктор включал ящик и мок под струями лившегося на него информационного и развлекательного потока. Казалось, так будет продолжаться вечно, но... в августе Виктор уехал в пансионат. В номере не было телевизора, и так получилось, что на этаже тоже сломался. Возможно, Виктор и нашёл бы экран, если бы не общительный сосед. В первый же вечер он зашёл к Виктору и угостил его доброй порцией разговоров, а потом они забили «козла». На следующий день Виктору было не до телевизора, он гулял в парке, осматривал окрестности, сыграл в бильярд. Вечером к нему снова заглянул сосед, и они повторили вчерашнее развлечение. Так прошла неделя. Виктор гулял, общался с отдыхающими, завёл небольшой флирт и... совсем забыл про телевизор.

* * *

В конце августа Виктор вернулся домой. Он поужинал, разобрал вещи, принял душ и прошёл в гостиную, где как ни в чём ни бывало уселся в кресло и достал с книжной полки одного из классиков, которых он перестал читать, когда в его жизни воцарился телевизор. Переверачивая очередную страницу, Виктор поднял глаза и наткнулся на *него*. Телевизор гордо возвышался на тумбочке-постаменте, и его чёрное нутро маняще приглашало Виктора, а красная кнопка укоризненно смотрела на него, мол, что же ты забыл про меня, хозяин.

Виктор отложил книгу и задумчиво остановил взгляд на телевизоре. Поразглядывая его с минуту, Виктор снова взялся за книгу и читал, пока не захотелось спать. В течение недели Виктор не замечал телевизора или де-

лал вид, что не замечал. Наконец, в начале сентября, протирая пыль, Виктор, задержался перед экраном. Поколебавшись, он включил вилку в сеть и нажал красную кнопку. На экране появился человек перед микрофоном. Послушав его с минуту, Виктор понял, что перед ним юморист. С тряпкой в руке Виктор пять минут внимал ему, потом неожиданно выключил звук. С ироничной улыбкой он смотрел на живую мимику лица, потом, не спеша, подошёл к ящику и вырубил его. Через полчаса он позвонил в коммиссионный магазин, а ещё через два часа телевизор покинул его квартиру. Тогда Виктор думал, что навсегда.

* * *

Прошло около года. Виктор вёл прежнюю жизнь. По вечерам, если бывал дома, читал книги, иногда слушал радио. Время от времени Виктор ходил на дискотеку или в кино с какой-нибудь подружкой. И вот однажды...

Был не то конец мая, не то начало июня. Виктор был в гостях, у кого, сейчас трудно вспомнить, да не так уж это и важно. Существенно другое. У хозяев, хлебосольно принимавших Виктора, дома стоял телевизор, не то чтобы новый, навороченный какой-нибудь, так, обычный ящик, но всё-таки фурычил. Виктор сначала не обращал на него внимания, так, звуковой фон. Однако, примерно через час эта шумовая обработка успела пройти барьер подсознания, победно захватила сознание нашего героя. К концу вечера он ушёл из гостей, заражённый эфирным вирусом, пока ещё сам не подозревая об этом. Инкубационный период длился около месяца. Дома Виктор вечера проводил так же, но время от времени беспокойно ловил себя на мысли, что ему чего-то не хватает. Несколько раз проходя мимо магазинов электроники, он бросал рассеянный взгляд на витрины, но ни разу не остановился, следовал дальше. Но вот прекрасный день наступил, и это свершилось. Шагая в очередной раз мимо магазина «Радуга», Виктор неожиданно для себя открыл стеклянную дверь и войдя внутрь, в растерянности остановился - со всех сторон на него глядели выпуклые экраны с подмигивающими кнопками: белыми, красными, чёрными. У Виктора слегка закружилась голова, и он ухватился за воздух. Взяв себя в руки, Виктор быстро покинул храм электронных СМИ.

Через неделю он, уже совершенно спокойно, пришёл в магазин и, не спеша, тщательно осмотрел модели, посоветовавшись с продавцом-консультантом, выбрал себе телевизор, одну из новейших моделей «Радуги» с диагональю 54 см. Через два дня телевизор был доставлен ему домой. Виктор решительно распаковал покупку, но сразу включать не стал, ещё колебался. На следующий день (был выходной) Виктор, не торопясь, подошёл к телевизору, включил белую кнопку. Экран засветился (быстрее, чем у того, старого, отметил Виктор), и появился известный политик. Нервным движением Вик-

тор неожиданно вырубил телевизор и опустился на диван. Через десять минут повторилась та же ситуация, с третьей попытки Виктор окончательно подчинился телевизору. Весь вечер он с удовольствием переключался с канала на канал (он насчитал не то 15, не то 16) и наслаждался фильмами, музонами, играми, даже поймал какой-то мультик для взрослых. Теперь Виктор каждый вечер, возвращаясь с работы, послушно шёл к экрану и включал белую кнопку. И экран оживал, целиком поглощая хозяина.

* * *

На утро Виктор, не спеша, восстановил в памяти длиннющий приснившийся сон. Настроение резко повысилось. Теперь он знал, что подарить любимой теще.

Александр МАСЛЕННИКОВ

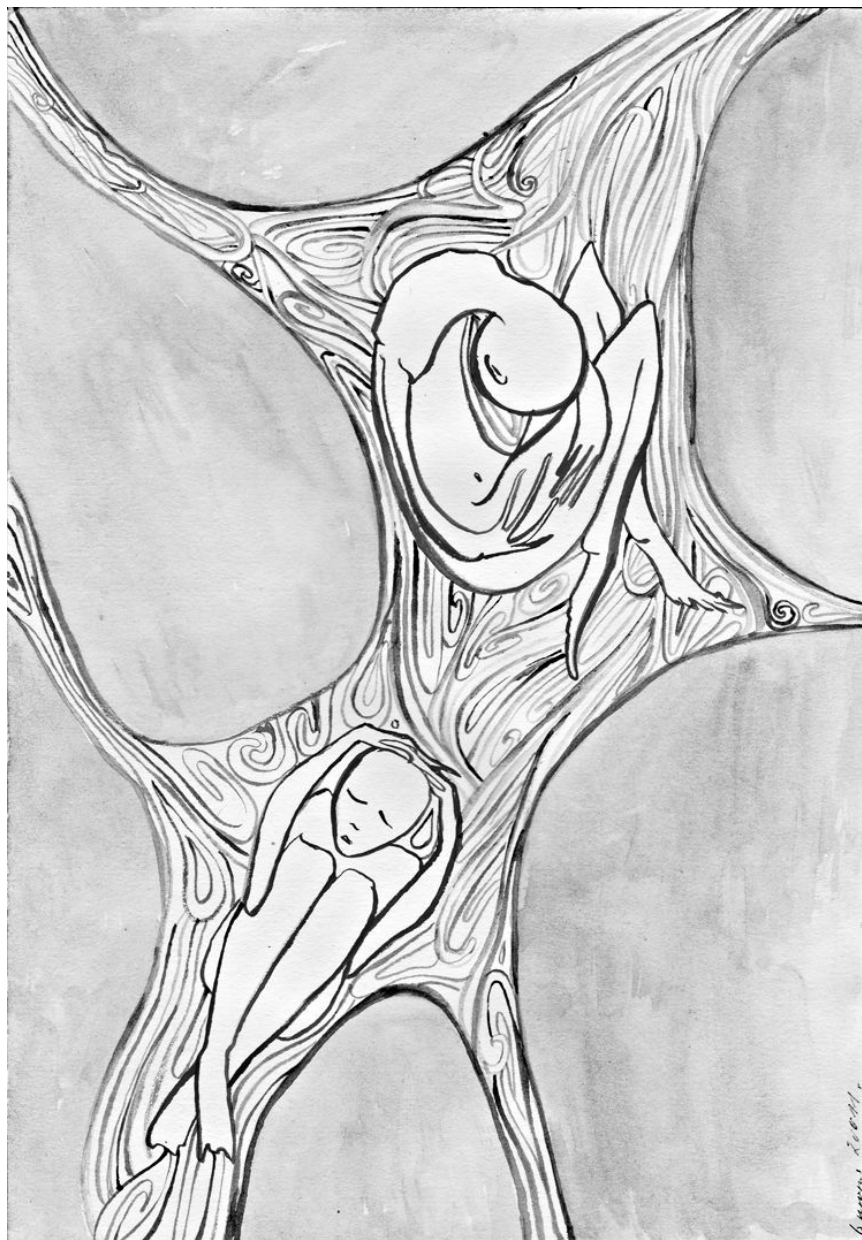
О солнце, чтении и пневмонии

*Рождественская scarлатина,
Или пасхальный дифтерит*

Владимир Набоков

У кого как, но моё детство уходит по индейским тропам. Над ним шумят кронами вечнозелёных сосен упругие охотничьи ветра. Оно уходит бесследно, бесшумно раздвигая ветви тронутого осенней желтизной подлеска. Оно уходит, — я это знаю, — навсегда. И вслед, на серебристых паутинках, летят иллюзии. Но четверть века, разделяющие нас, бессильны перед тонированной в цвет летних сумерек линзой памяти. Видна каждая улыбка. И, более того, слышны ответы на вопросы, которые я сегодняшний обращаю в прошлое. Мы разговариваем каждый день. Это привычка, это потребность, возникшие уже давно. Без этих диалогов я становлюсь хуже. Разговоры «без дураков».

Я был болезненным ребёнком. И благодаря этому моё детство было счастливым. Такое бывает. Из-за постоянных моих пневмоний родители от отчаяния во втором классе отвели меня в бассейн, и я много лет занимался плаванием, что закончилось получением «корочек» лёгкого водолаза (дайвинг как понятие тогда ещё и известен не был). «Корочки» за ненадобностью давно потерялись, и устойчивая аллергия на хлорку осталась единственным вещественным напоминанием о том периоде. Пневмония. Если бы не она, наверняка моё детство было бы менее ярким. Незначительный озноб, «чахоточный румянец» и небольшое повышение температуры переносились легко, но из-за них летние каникулы для меня начинались уже в середине марта, — обострения приходили ранней весной. И — «прощай шко-

Александра СУВОРОВА «Сообщение»

ла»! Апрель проходил в пустых надеждах, которые мама возлагала на «антибиотики внутримышечно» (она у меня медик, колола сама), и в борьбе с моим запойным ночным чтением. Читал я всё. Бессистемно. И только вне программы. Годам к двенадцати, например, имел довольно ясное представление о классической французской литературе. Сегодня, к слову сказать, не имею никакого, даже смутного. Так вот, надежды на медикаменты из года в год истаявали к концу апреля, и с ними вместе в лесах сходил снег.

В деревню!

Именно потому, что я был ребёнком «хворым», я и узнал природу. Каждый год на несколько месяцев меня отвозили в карельские леса. Дядька, «матерщинник и крамольник», работал лесником, а по совместительству был ещё и браконьером. Впрочем, в зависимости от сезона, это могло быть и наоборот. «Что бы я, живя в лесу, и мяса свежего не ел?» — это его аргумент, против которого и возразить нечего, особенно если вспомнить прилавки магазинов той поры (70-е года прошлого века). Не забыть его выражение «ухайдакал» как синоним слова «добыл». Героем для меня он не был, я его просто любил, и поэтому идеализировать его я не склонен.

Но легендарный Буффало Билл, невзирая на раскрученный вестернами «винчестер», явно уступает в охотничьих доблестях Виктору Иванову (так звали моего дядьку) с его «тулкой». Это ружьё было куплено им с рук за сорок рублей. До сих пор помню его цевьё, перемотанное синей изолентой, его тяжесть и отдачу от выстрела. И этот опыт пришёл ко мне раньше, чем представление о французской литературе. А ножи дядька делал из полотен вышедших из употребления кос.

И Фенимор Купер, благодаря дядьке, воспринимался совсем иначе, чем в городе. Качу, например, на велосипеде на рыбалку на дальнее лесное озеро, километров восемь до него, лесная, ещё финская, дорога. Больше половины пути уже отмотал, кругом лес, погранзона, «чужие здесь не ходят». И вот дорогу пересекает черта, от края до края. И я понимаю, что это следопыт Иванов её провёл, желая знать, когда он будет возвращаться, на рыбалке я ещё, или переехал эту черту уже дважды. Кожаный Чулок и могиране обретали плоть. Тексты переставали быть вымыслом.

А ещё черта поперёк дороги говорила о заботе. В лесу мне не было страшно. Позже, в юности, я мог пропадать на озёрах по несколько суток. И никого не смущало, что ни палатки, ни еды я с собой не брал. Как-то, приехавшая в отпуск мама, не привыкшая к таким отлучкам её болезненного городского ребёнка, с тревогой спросила дядьку, мол, а вдруг дождь? Ответ сурового жителя приграничья был краток и весом: «Под ёлкой переждёт». Летом я не болел.

Окончательно пневмония ушла сразу после получения мной диплома о среднем образовании. Но это, как принято говорить, «совсем другая история». Детство оставило после себя любовь к природе, к чтению, к слову. И ещё от детства осталось солнечное ощущение свободы и счастья. И каждый раз, вспоминая те годы, я греюсь в его лучах.

Я заглядываю в этот солярий каждый день.

Лики времени, лики памяти

«Всё течёт, всё изменяется»

Человек по своей природе консервативен. Привычка для нас, действительно, как вторая натура. Мы обставляем свою жизнь собственными маленькими благоприобретёнными ритуалами, защищаясь ими, как щитом, от сюрпризов изменчивого мира. Привычки вносят в нашу жизнь элемент осмысленности, надёжности. Чтобы ни случилось, но, — для кого чашка крепкого кофе поутру, для кого сигарета натошак, — и мир принимает знакомые черты. А привычное не может таить угрозы, и, одним словом, жизнь продолжается, какой бы кризис ни обрушивал бы биржи.

У каждого есть любимая погода, любимое время года и суток, есть излюбленные маршруты прогулок, даже если это всего лишь путь «на», и «с» работы. Они привычны, эти ежедневные будничные пути. Их прелесть в том, что они «исповедимы на все сто», нас ничто не отвлекает, ничто не колет глаз, пейзаж обыден. Всё как всегда. Мы идём почти на автопилоте, устром настраиваясь на рабочую суету, вечером релаксируя.

Прогулки. Любителям этого вида отдыха, как правило, свойственна некоторая сентиментальность. Излюбленные маршруты — это, если разобраться, чередование линий зданий, элементов их архитектуры, оазисов островков зелени и обрывков воспоминаний, связанных со всем этим, вкрапленных в пейзаж. Гуляя, человек возвращается в своё прошлое, — а что может быть столь же неизменным, более неподвластным течению Времени, чем давно прошедшее. С годами оно, как старое вино, становится только лучше, приобретая черты идеального.

Но в последнее время, — и я это по себе знаю, — в таких прогулках появляется что-то новое, это становится уже тенденцией. Нет, память не стала подводить. Всё чаще нить воспоминаний рвётся, когда вместо уютного уголка, куда, например, ты ещё на школьной перемене бегал покурить, громоздится забор, означающий снос, исчезновение очередного маркера твоего прошлого. И ты чувствуешь себя обворованным. Начинаешь злиться, и от благостного настроения тоже остаются только

руины, как за этим чёртовым забором. И чтобы потом ни выросло на стройплощадке, оно, скорее всего, будет нас всегда раздражать. Оно будет для нас чуждым. Оно будет уже из чьей-то чужой жизни и чужой памяти. И уже навсегда.

Для меня, например, шоком было в первый раз увидеть огромные площади намывных территорий за гостиницей «Прибалтийская». Огромные площади. Ещё год – другой, и здесь уже не позагорать. А я ведь помню, как от самой улицы Кораблестроителей и до берега залива были сплошные джунгли. Правда – правда! Пройти можно было только по петляющим тропинкам. Зайцы бегали. А по весне было много жаворонков. Вечерняя пробежка из фильма «Осенний марафон» – по этим местам. А по берегу, помню, лежало много известняковых плит с фрагментами окаменелостей. Трилобиты! И куда они делись потом – ума не приложу. Специально ведь ходил, хотел отыскать хоть одну плиту – нету! Они остались только в моей памяти. Стали окаменелостями вдвойне.

Наша консервативность несёт в себе изрядную долю эгоистичности. Можно находить отдохновение в прошлом, в ностальгировании на тему «как будто бы и не было этих лет» (но они – были, были). Можно пытаться жить в музее. Но в таком случае не стоит удивляться тому, что и тебя самого начнут воспринимать его пыльным экспонатом. «Другие времена» приходят с каждым рассветом. И, слава богу, что течение времени стало ощущаться зримо, стало оставлять характерные, присущие только ему, приметы. Время сдвинулось. Оно открывает нам новые перспективы. Намывает территории для будущего (это метафора, конечно). Мы современники настоящего.

Нам многое может в нём не нравиться. И многое действительно достойно критики. Но эти строки не о нарушении высотного регламента. Меня искренне удивляло и удивляет до сих пор, что такие персонажи как, например, Николай Гумилёв, или как Ахматова, – именно те, чьё творчество для нас ассоциативно связано, неотделимо от эпохи, оставившей после себя в архитектуре стиль модерн, – отзывались об этом стиле исключительно пренебрежительно, даже негативно. Это, с одной стороны, весьма странно и удивительно, но, с другой стороны, весьма показательно и характерно. Мы по природе своей консервативны.

Поэтому сейчас на прогулки я всегда беру с собой фотокамеру. Я отцифровываю собственную память, овеществляю её. В таком виде её никто не обнесёт забором и не подвергнет капитальной реконструкции. Разве, что только в Фотошопе. Но куда, всё-таки, делись трилобиты?

Dolce Vita

Баба Надя была уже старенькая совсем, – хорошо за восемьдесят, – но всё продолжала суетиться по хозяйству. Скорее, впрочем, придерживаясь ритуала, – в «хозяйстве» несколько лет уже и кошки не водилось, – за собой бы присмотреть. Но картошка на трёх сотках всегда была вовремя окуплена и выкопана, и дрова на зиму припасены. Она любила этим похвастаться перед часто навещавшими её детьми, приезжавшими к ней из далёких городов. Дети знали, что картошка и дрова – это исключительно заслуга Красненького, но держали свою осведомлённость при себе.

Красненький. Он был на пару лет старше бабы Нади, но вплоть до последнего времени держался молодцом, невзирая даже на свою, считай уже извечную, тягу к дешёвому пойлу, любовно называемому им «красненькое», за что и получил это прозвище, прилипшее к нему навсегда. Он сватался к ней, – ещё задолго до войны, – но до околицы она гуляла не с ним, не с ним и детей завела, – и тоже – ещё до войны. На ту войну в один день ушли и её муж, и Красненький (или как его тогда звали? Говорят, что прикладываться-то он начал сразу после её свадьбы). Вернулся один Красненький. А она за войну совсем перегорела, в одиночку троих детей поднимая, до срока став бабой Надей. Порой, перебрав, он подбивал к ней клина ещё долго, и о каждом таком сватовстве деревня была информирована истошными матюгами бабы Нади. Но по хозяйству он ей помогал всегда, а в последние лет десять – так и вовсе тащил его на себе. Так они и жили. Вдовая и бобыль.

А недавно дочка решила-таки забрать бабу Надю к себе в город. Она и раньше порывалась, но та – ни в какую. Но, если в прошлые разы находились какие-то причины, – боров там «смотри какой будет», или картошка уродилась на славу – отдавать жаль, то теперь-то – что? Но всё равно пришлось звать Красненького. Он и уговорил. Я видел эти проводы, – как раз выбрался в те края на осеннего налима.

Старик долго стоял у дороги, глядя в дождь.

Артём ОРЛОВ

* * *

Музыка. Она вечна. Её можно услышать во всём, если остановиться, забыться и полететь. Маленькая снежинка плавно, легко порхает, заливая всё блеском мерцания миллионов кристаллов. Лёгкость, воздушность, плавность. Скрипка медленно подстраивается под фортепьяно. Всё пронизано чистотой и чувством чего-то таинственного. Под ногами нет земли, а над головой неба. Ты в текучем, плавном, мелодичном потоке миллиардов пор-

хающих ангелов. Лёгкий ветерок кружит вас в необычайном вальсе. Вы одно воздушное целое. Музыка течёт, течёт, течёт... Кругом игра волшебных превращений и душевная тишина перед Великой тайной...

Вдруг появляется мимолетное напряжение и исчезает. Постепенно смена картинок начинает происходить быстрее. Новый аккорд. Что-то новое врывается в эту гармонию и приносит свой мотив. Кругом беспокойно в преддверии чего-то хаотичного, сильного. Одна снежинка, нарушая весь порядок и неся и сея хаос, несётся навстречу общему чудесному, но ожидающему движению. Бешено. Непонятно. Кругом вихрь, метание, стремление хаотичность. Сердце бьётся с невероятной скоростью. Триллионы картинок калейдоскопа в секунду. Ощущение — этому нет предела — нарастает и охватывает всю душу. Выше. Ещё раз выше. Ликует опьянённый разум. Аккорд резче. Резче. Одурманивающее стремление вверх. Вот она точка. Ещё миг. И.. И.... Тишина. И всё медленно, грандиозно спускается вниз, понимая последние мгновения полёта. Грёза. Вот она. Воздушный замок. Последние, неповторимые сантиметры смычка, и прекрасный узор исчез, поселившись навсегда в тебе...

Антон ПОГРЕБНЯК

Лабиринт

(довоенная история)

С самого начала, как хлопнула входная дверь, я понял, что это за мной. Не разумом, чем-то другим, шестым чувством. Бога нет⁶, и я не могу сказать про божественное наитие или откровение, как там оно называется. Чёрт, уже слова стал забывать. Бесовское время.

За мной. Я встал, начал не спеша одеваться. Не забыть убрать кровать. Главное — без суеты. Не доставлю я им такого удовольствия.

Голоса внизу. Шаги. Ближе. Опять голоса. Что же они так медленно? Как будто они сами ещё не проснулись. Как будто их тоже только что выдернули из постелей. Тяжёлая и неблагодарная работа. Но всё равно любой труд почётен. Тянутся секунды, гирька на часах дёрнулась вниз.

Они медленно, или я быстро? Когда раздался звонок, я был одет и, кажется, причёсан. Всё-таки спешил. Главное, чтобы не было заметно. Да, не сплю, но специально не ждал. А в чём, собственно дело, господа? Тьфу, не господа, товарищи. Интересно, как они отреагируют на товарищей. Лицо спокойное, чтоб руки не тряслись, взял книгу. Максим Горький, самое время. Сел на диван.

⁶ — Это неправда! — прим. редактора

Не буду открывать. Пусть Вера Ивановна откроет или кто из Печниковых. В последний день можно себе позволить. Пусть просыпаются, хотя кто сейчас спит...

Второй звонок, более продолжительный. Ничего, злитесь, сволочи. Я вам нужен, а не вы мне, так что придётся подождать. Громкий стук.

Ага, вот, шаркающие шаги. Вера Ивановна. Всё Господа поминает, кого это могло принести в такое время. Даже себе не могут признаться. Как будто не знаешь, дура старая, КОГО может принести в такое время.

Задвижка, поворот ключа, два раза. Сердце, бум-бум-бум-бум, быстро так, привкус железа.

Называют фамилию. Книжка из рук падает. Ничего не понимаю. Потомственный рабочий, большевик, комвзвода в Гражданскую, почему именно его⁷?

Господи, если ты есть. На небеси, аки сущий. Господи, пусть меня заберут завтра, хоть бы поскорее это закончилось, пусть я умру, наконец, прямо сейчас. Я не могу так больше, Господи.

Помилуй мя, грешного.

Бомж-пакет

(история 90-ых годов)

Бомж-пакеты (далее БП, также известны как бич-пакеты, куксы, лапша, заварная лапша, блевотники, запарики, ролтоны, анакомы, дошираки и т.д.) – сухая субстанция, предназначенная для употребления внутрь, подавляющая чувство голода, оказывающая седативное действие и снижающая чувство тревоги (нередко оказывает противоположное действие: повышает агрессивность, вызывает рвоту и боли).

Из Интернета

Мне это показалось жутко забавным. Я им говорю, идите, ребята нах. Мы в детстве так развлекались – звонишь кому-нибудь из знакомых, и корявыми голосами всякие глупости выкрикиваешь. Подумал, может, это действительно Серёга, молодость вспомнил, приколист доморощенный. Хотел ему позвонить, да как-то замотался, забыл.

А через несколько дней в дверь звонят. Кто там, спрашиваю, говорят, соседи с четвёртого этажа. А я, что, помню, кто на четвёртом живёт? Ну, открыл я им. Тот, который первый зашёл, он у них, похоже, главный, сразу, кастетом что ли, прямо в солнечное сплетение. Так что вы, ребята, со всеми

⁷ – Правильно сделали! – прим. редактора.

соседями знакомство хоть какое-то сведите, мало ли чего... Дыхалку перехватило, в глазах темно, упал, начали пинать. Я лицо пытался закрывать руками, так они меня подняли, руки за спину, и начали физиономию калечить. Тот, который главный, он, похоже, боксёром был, нос у него сломанный...

Потом в ванну притащили, под душ поставили. Ну что, сука, теперь усвоил, кого можно нах посылать, а кого нельзя? В общем, давай, придурок, подписывай, отказываюсь от всех прав, деньги получил в размере... Уже и бумагу приготовили, убудки, ручку протягивают. А я сижу, не двигаюсь, вода на пол капает. Они было снова меня бить, но тут главный говорит, не, пацаны, мы так до вечера провозимся, там, на кухне или в комнате, должен быть уют, как же, значит, без уюта. Я, в общем, всё понял, хрен вам, думаю, выдержу. Ну, когда уют накалился, последний раз предлагаем, подписывай, а я всё ж-таки живой человек, страшно совсем стало, подписал.

Они уходить собрались, ключи взяли, говорят, чтоб до завтра освободил жилплощадь. А главный мне зажигалку оставил. На память, говорит. И давай ржать. С юмором, видно, человек был. А я из принципа даже не улыбнулся. Тогда он ржать перестал, и в челюсть хорошо так приложился, вон, видите, двух зубов нет. И зажигалку отобрал. Жаль, дорогая зажигалка была, «Zippo»...

Пошёл сразу в нашу районную поликлинику, вот, говорю, зафиксируйте факт побоев. Они спрашивают, что случилось, ну, я сдуру и ляпнул, что квартиру отобрали. А, так вы теперь здесь не проживаете? Не будем мы заморачиваться, нам и так копейки платят, а вас мы вообще обслуживать не обязаны. Потом сжалились, тоже всё-таки люди, пластырями залепили, а вот здесь, ну, где шрам, ага, шов наложили. Но факт побоев не стали фиксировать, ответственность, мол, да и времени на это уйдёт, а там в коридоре ещё пятьдесят старушек своей очереди дождаются...

Потом в отделение отправился. Там такой здоровенный мент, выслушал, и давай ржать, точь-в-точь, как этот главный. Иди, говорит, отсюда, бомж новообращённый, а то ещё добавим, и где он только такое слово выучил.... Раньше надо было думать, когда дверь хрен знает кому открывал.

Ну, собрал я самое ценное, что мог унести, тут меня злость взяла, я все бумаги из письменного стола сложил на кухне, растворитель и лак какой-то в кладовке нашёл, поджёг всё это и тихонько свалил, благо в подъезде никого не было. Зашёл в соседний дом, на лестнице из окна наблюдаю. Только-только дым повалил, сразу же пожарные нарисовались – соседи, сволочи, вызвали.... Ну, понятно, мне здесь оставаться по-любому не стоило.

Я тогда ночевать стал на работе, то есть, ночью я по городу гулял, а днём спал. Я сисадмином работал, ну да, сети локальные, базы данных, глюки

всякие отлавливал, хорошая была работа, в комнате своей запирался, и, пока не позвонят, мог дрыхнуть сколько угодно, звонили редко, я сеть хорошо настроил. А как-то очередной раз прихожу, говорят, тебя там какие-то искали, ты им, вроде того, что денег должен, надеемся, говорят, что завтра застанем. Думал, в комнате забаррикадируюсь, выходить не буду. Но вечером наша же охрана всех выгоняет, меня тоже выгнали, как я ни пытался объяснить, мол, срочная работа, все данные компании могут накрыться – извини, приятель, у нас распоряжение. Выхожу – на улице вроде ничего подозрительного, быстро в переулок свернул. Больше на работе я не появлялся.

Деньги быстро кончились, а жить-то ещё хочется. Я тогда из дома гитару догадался вынести, правда, играю я не очень, однако фиг ли делать. Пошёл в переход метро, стою, играю. Плохо получается, самому слух режет, но прохожие из жалости что-то кидают. Потом менты появились, сразу документы проверять. Документы у меня были, и до сих пор, кстати, есть, короче, с документами всё в порядке, начали придираяться, лицензию требовать, разрешения всякие. Я понял, что им надо, давайте я вам буду половину отдавать. Не, мужик, ты нам будешь отдавать восемьдесят процентов, а если что заныкаешь, у нас тут повсюду видеонаблюдение, мы тебе в обезьяннике растолкуем основы суверенной демократии.

Того, что оставалось, даже на кусок хлеба не хватало, в прямом смысле, да ещё надо было в метро спускаться, десять рублей. Я решил играть на Малой Садовой, или на Ваське, где пешеходную зону сделали. Ну, а там... Практически сразу подошли двое, один коробку пнул прям на середину улицы, второй гитару вырвал и расколошматил об мостовую. Хорошо хоть, не об голову... Не суйся, лошара, на чужую территорию. Девушки какие-то завизжали, прохожие стали аккуратненько обходить, а народу там много ходит, у всех ещё лица такие интеллигентные, глаза опускают. Петербуржцы...

Ну а дальше жопа полная. Я поначалу к знакомым в гости ходил, всякие отмазы придумывал, а когда всё-таки узнавали, кто я теперь, намёками, а то и прямым текстом выпроваживали, и больше двери не открывали, как будто дома никого нет. Ну да я понимаю, кому охота говорить, что у него знакомый – бомж. Один, мы в школе вместе учились, у него теперь агентство недвижимости, квартиры в строящихся домах продают, он даже не парился, скажи спасибо, бомж сраный, что я на тебя собаку не спустил, да, когда-то учились, мало ли кто с кем учился, я теперь человек, а ты – лузер, на помойке тебе и место.

Самое дерьмо во всём этом было, что и не помыться. Я-то дома привык каждый день душ принимать. Поначалу ещё ладно, лето, я за городом на озере купался, а потом осень-зима, это – сдохнуть. На баню, понятно, де-

нег не было, я в «Макдональдс» ходил, там кое-как мылся. Что, вы в «Макдональдсе» едите?! Да ну, ребята, там же жрать невозможно, единственная тема – бесплатный туалет, необязательно еду заказывать. Заходишь – и сразу в сортир. Хотя, сейчас бы я и в «Макдональдсе» пожрал... А потом у меня уже шмотки в полную негодность пришли, меня туда просто пускать перестали, фэйс-контроль, мать их...

Бутылки собирал, на свалку было сунулся, но там у них свои кланы, всё уже поделено. Да и здесь за бутылки воевать приходилось, хорошо, потом с Витькой скорешился, мы с ним, оказывается, в один и тот же институт поступали, он, правда, не поступил. Ну да, в этот. Мы участок поделили, кое-как перебиваемся. А в ночлежку, там все места на полгода вперёд расписаны,дохлый номер.

А тут вот решил пойти в Президенты. Ну, а что, хватит всяких упырей себе на шею выбирать. Я знаю, чего людям не хватает, может, хоть кому-то смогу помочь. Наш брат, если у кого документы сохранились, подписываются сразу, уже поздравляют. Вот, и возле институтов студенты тоже того... поддерживают. У меня Витька что-то вроде инициативной группы, министром экономики будет, он раньше в магазине работал, такие числа в уме складывает, офигеть, так он подсчитал, у меня уже больше шестисот тысяч подписей, а нужно миллион. Спасибо, ребята. Ага, вот здесь паспортные данные...

Да, у вас Монахов ещё преподаёт? Ему что-нибудь сдавать будете, какие бы правильные формулы вы ни написали, если в тексте хоть одну запятую лишнюю, или там падежное окончание перепутаете – выгонит, и за допуском. Ему бы не физику преподавать, а родную литературу. Я тогда пятёрку получил, вообще не зная материала. Не, коньяк не прокатит, в параллельной группе пытались подсунуть, так там чуть всю группу из института не выгнали. Лучше учите русский язык, в России всё ж-таки живём...

Работа Марии СЕЛЕДЧИК

Виктор ПОЖИДАЕВ-ПОКЛАД

Художник

Никто не придёт

Посвящается брату Олегу

...Без свинга – нет джаза.

Луи Армстронг⁸

Джаз – безмолвное движение каравана на конфетной обёртке. Жёлтые песчаные дали Каракумов, цепочка верблюдов и над ними – синее, синее небо.

Баба Вера выдала нам по одноименной конфете ещё утром. После съеденного омлета и выпитого с маковым бубликом чая, она – достала из кармана хозяйского кухонного передника связку ключей. Двумя пальцами баба Вера взялась за кончик самого длинного и замысловатого. Молча, она отперла невысокую филёнчатую дверь кладовки и нырнула в запретное для нас пространство. Посещение этого чулана, даже в “экскурсионных” целях для деда Петра и нас с братом под любым видом, бабой Верой строго воспрещалось по двум причинам. Первая – дедовские запасы самогона, а вторая – варенье и конфеты.

Помещение кладовки было довольно большим. Свет попадал сюда из крохотного запылённого, наподобие крепостной бойницы, окошка под самым потолком. На стеллажах, под ними, на полу, стенах и даже на потолке хранились годы, прожитые бабой Верой. Здесь были кастрюли и кастрюльки разных размеров, большой эмалированный таз с гранёными стопочками и стаканами, три больших пирамиды с блюдами, глубокими и мелкими тарелками. В большом чугунном казане вперемежку была свалена гора ложек и вилок из нержавеющей стали. Поверх приборов покоились три древние мясорубки. Весь этот стеклянно-железно-фарфоровый ложечно-тарелочный реквизит тщательно сберегался для свадеб, поминок и общесоседских праздничных гуляний во дворе. В углу топорщились аккуратные объёмистые пачки самых разнообразных газет и журналов, отдельно высилась стопка книг по электротехнике, горному и маркшейдерскому делу. Сиял золотистым шрифтом корешок самой верхней и самой толстой: “Наклонные и вертикальные горные выработки”. Таинственно мерцал в бутылках подёрнутый зеленоватой пеленой самогон; толпились, в склянках и пузатых пузырьках, какие-то немыслимые лекарства и настойки. В многочисленных банках темнело самое разнообразное варенье. Посередине полки стоял старый патефон, обитый потёртым от времени и частого использования старым синим кожаным материалом. На его крышке была сложена, чуть съехав-

⁸ – Армстронг, Луи – американский джазовый музыкант, композитор, актер.

шая в сторону, большая пачка грампластинок. В картонном ящике из-под сливочного масла с огромной буквой “М” на торце, переложенные жёлто-коричневой технической ватой, хранились ёлочные игрушки, гирлянды, звёзды и дождики. Дальше шли большие шкатулки, сделанные из глянцевых, раскрашенных анилином открыток, набитые пуговицами, пробками, катушками разноцветных ниток, старыми витиеватыми ключами, стеклянными бусами, брошками и другой дешёвой бижутерией. Рядом со шкатулками примостился большой бумажный мешок с пухом и перьями для подушек и перин. К его боку была прислонена большая полотняная наволочка, плотно набитая мотками грубой цветной шерсти. За наволочкой – особняком, гордо и величественно возвышалась радиола “Беларусь”. На полированной крышке радиолы лежала огромная раковина рапаны⁹ с золотистой гравировкой “Привет из Евпатории”. Остальное пространство под стеллажом было заполнено бутылками, банками и бутылками для купорки. В большом фанерном ящике была свалена старая поношенная обувь, валенки, шахтные сапоги и калоши. В двух посылочных ящиках поменьше – хранился столярно-слесарный инструмент деда и отца.

В другом углу чулана, можно было легко наткнуться на старый бабкин “Зингер”. На трубе под потолком были подвешены тулуп с полушубком, фуфайка, кожаное пальто деда, чистые “шахтерки”, пара “летучих мышей” и дедовская “коногонка¹⁰”. На крюке, вбитом в стену, висел велосипед; на веревочной косице свисали туго связанные пучки чебреца, зверобоя, пижмы, ромашки и полыни; там же болталась в связке дюжина крупных сушёных лещей; ближе к двери – две пары коньков, пара пялец для вышивания и на толстой ржавой двухсотке висели, нанизанные на латунную проволоку, два десятка новых, в масле зубков¹¹, для врубмашины. К зубкам младший брат Олег почему-то питал какую-то потаённую любовь. С редким для брата постоянством, зубки пользовались у него непреодолимой скрытой симпатией. Он мог часами, не обращая ни на кого внимания, терпеливо ковыряться на технической свалке у шахтного двора и, обливаясь смертным потом, выуживать из горы металлического хлама изношенные ржавые зубки. Брат приносил их деду Петру, а тот, принимая их с серьёзным видом, благодарил Олежку:

⁹ – Рапана – раковина моллюска распространённого на черноморском побережье.

¹⁰ – Коногонка – керосиновая, позже электрическая, лампа-фонарь, которая крепилась на поясе или каске рабочего-горняка.

¹¹ – Зубки – основной режущий элемент врубмашины или угольного комбайна, крепящийся на баре или роторе горнопроходческой машины.

– Помощничек ты наш, – и громко взывал к бабке, – Верка, дай шахтёру конфету!

Дед привселюдно отдавал бабе Вере связку бэушных, никому не нужных зубков, а та заносила их в кладовку и делала вид, что вешает их на гвоздь. В тот же день дед Петро тихонько относил зубки на помойку за угольными сараями. Брат же получал в награду конфету, сорт которой, зависел только от настроения нашей любимой бабки.

Конфет же в кладовке были целые залежи и количеству их было несть числа. Начиная от сахарных подушечек с джемом, ”Морских камешков”, монпансье в жестяных коробках, карамелек ”Дюшес” и ”Театральная”; ирисок ”Золотой ключик”, ”Лето” и ”Кис-кис”; до батончиков нескольких видов. Конфеты шоколадные и ”непростые”, требующие особых заслуг или приготовленные к праздникам – лежали в отдельной корзине. В большой плетёной ёмкости, находились: ”Зоологические”, ”Белочка”, ”Бурёнка”, ”Раковые шейки”, ”Мишки косолапые” и ”Мишки на Севере”. Ассортимент зоопарка сменялся гербарием, состоящим из ”Красных маков”, ”Ренклода” и ”Ананасной”. Был там, конечно и ”Каракум”, но список ”кораблей” завершали огромные, размером со среднюю шоколадку и подталкивающие нас с братом к бессмертному подвигу на уровне Героев Советского Союза – иллюстрированные вафельно-шоколадные гиганты – ”Приключения Гулливера”, аж по четырнадцать копеек за штуку в поселковом магазине и шоколадки ”Сказки Пушкина” разного формата с портретом поэта работы Кипренского в золотой виньетке и сюжетами из сказок Александра Сергеевича на упаковке.

В связи с этим, ключ от кладовой ни теоретически, а уж тем более, практически, в наши с братом руки – попасть никак не мог. Баба Вера выдавала деду самогон ”для аппетита”. Если дед начинал забываться, она со словами, – Когда же, ты, её уже нажрёшься? – выдачу прекращала. Строго дозировано, за исключением праздников, нам выдавались конфеты. Сорт, как уже упоминалось, полностью зависел от настроения бабы Веры. Диапазон её настроения был совершенно необъятен. От ”невыносимо-ужасного”, через множество, не поддающихся пониманию градаций, до ”отличного” и ”превосходного”.

В начале зимы нам выдавались санки, коньки, клюшки и лыжи. Зимой всё это хозяйство размещалось в подъезде на площадке. Перед Новым Годом – выдавались ёлочные игрушки, в конце марта – велосипед ”Орлёнок” – мне, ”Школьник” – брату. У самого входа в кладовку стояли огромные слесарные тиски, которыми никто никогда не пользовался, а дальше под стеллажами – две снаряжённые салом мышеловки.

Так вот – баба Вера выдала нам с братом по ”Каракуму” из чего можно было сделать вывод, что настроение у неё не ”отличное”, но ”хорошее”.

Свою я съел сразу, а брат-пятилеток таскал барханы, караван и синее небо в карманах шортиков до самого полудня. За это время мы успели бесцельно пошататься по шахтному двору, покопаться на технической свалке, где брат успел нанизать на кусок проволоки десяток бэушных зубков; постреляли из рогатки в шахтный водоём, слазили на верхушку террикона и вернулись к дому, присев на огромное полено тополиного ствола у покосившихся угольных сараев. Именно здесь, брат вспомнил о конфете. Она – уже безнадёжно растаяла и через светлую вылинявшую ткань кармана проступило жирное тёмно-коричневое пятно. Безмолвно и с невыразимой грустью, брат неторопливо слизал остатки, почти жидкой, шоколадной массы уже с коричневых дюн, коричневых верблюдов и непонятного цвета неба.

К нам важно приближался соседский индюк Гришка. По его виду было видно, что у птички далеко не дружеские намерения. Второй индюк Филя, сопровождающий Гришку, тоже любил посидеть со своим гаремом на старом тополе. Брат махнул в его сторону связкой с зубками:

– У-лю-у-лю, – топнул он ногой. Гришка отступил на шаг, распустил хвост, надулся до “двух атмосфер“, злобно закурлыкал и, приподняв крылья, собрался на нас напасть. Брат с презрением, неторопливо скатал “пустынный пейзаж с караваном” в шарик и запустил им в пернатого. Тугой комочек попал птице в грудь. Индюк подпрыгнул от неожиданного коварства врага, пронзительно заулюлюкал, захлопал крыльями, но отступил, издавая булькающие звуки, наверное, по-своему, матерясь. Он направился к большому острову травы у соседских угольных сараев – на свою территорию, где, прекратив щипать стебли крапивы и вытянув шеи в нашу сторону, с опаской наблюдали за короткой стычкой несколько гусей и индюшек.

В конце концов, жара – осточертела. В соседском дворе мы умылись. Не помогло. Майская жара была, отнюдь, не майской. Она давно перемахнула все допустимые для этого времени года температурные нормы. Зашкаливая, зной нещадно стекал с небес, стремясь изжарить всё, что попадалось у него на пути. Вдоволь напившись воды и наплескавшись под краном, мы, не раздумывая, по очереди влезли под тугую, в два пальца толщиной, струю воды; шорты всё равно высохнут через пять минут.

Струя воды громко шипела, с силой ударялась в наши загоревшие животы и спины, рикошетом, разлеталась в стороны ершистой радугой. От быстро выросшей у колонки огромной лужи, в разных направлениях потянулись несколько полноводных ручейков.

– Что же, вы, ироды?! Воду льёте да грязь разводите! – верещала бабка из-за штaketника у соседнего дома.

Тяжело покачиваясь, растревоженной несущей, она – вдоль забора, огибая сохнувшее на верёвке бельё, торопливо направилась в нашу сторону к колонке.

Брат выпрямился. Продолжая стоять по щиколотки в воде, весело журчащей по бетонированному жёлобу, он, с опаской и вопросительно, взглянул на меня. Я выбил камешек над металлической рукоятью рычага, отполированной до блеска, множеством ладоней. Камешек покатился по бетонной крышке колодца. Я отпустил рычаг и он, со звоном, вернулся в нерабочее исходное положение. Колонка, издав низкий, булькающий, почти животный звук – прекратила подачу воды. Воцарилась гнетущая тишина.

Бабка продолжала идти к нам, с трудом переваливаясь с одной ноги на другую. Одной рукой она держалась за поясницу, а в другой – уверенно и коварно сжимала зеленовато-глянцевый толстый ивовый прут; специально изготовленный для устрашения таких, как мы – вольноболтающихся в канникулы любителей водных процедур.

Брат подошёл ко мне и стал рядом. Остановилась и бабка – метрах в десяти, грозно рассверливая нас взглядом, скорее для острстки, наверняка понимая, что её мы не боимся. Я нагнулся, зачерпнул у жёлоба увесистый ком глины и неторопливо начал скатывать его в шар. Безмолвно возникло некое противостояние.

Мы шмыгали носами, стряхивали капли воды, стекающие со лба, висков и кончика носа. Братец подтянул резким движением к самому пупку шорты и внезапно навалился одним боком на рычаг колонки. Где-то в глубине бетонного колодца под чугунной крышкой люка, на котором мы стояли, коротко и звонко лязгнула заслонка. Этот звук превратился в утробное эхо, многократно отразившееся от бетонных колодезных секций. Мы физически ощущали, как освобождённая вода – стремительно, подвергая металлическую внутренность труб сильной вибрации, ринулась вверх. Это движение и вибрацию мы почувствовали собственными пятками через тоненькие подошвы сандалет. Шипящий звук потока становился всё выше и, вытолкнув с силой из трубы остатки воздуха, струя, взвизгнув, ударилась в “зеркало” бетонированного жёлоба, не успевшего высохнуть от нашей предыдущей забавы... Вновь брызнули по всем сторонам света дрожащие колючие радуги – “стекляшки” от “зеркала”, расколовшегося под струей воды; разлетевшегося на бесчисленное количество упругих, сияющих брызг; в которых, отражаясь, начали самостоятельную жизнь: майское знойное небо, наш дом, соседский, естественно, тоже; сохнувшее на верёвке бельё, тополь – огромный и старый, помнящий последнюю войну, под которым находимся с братом, колонка, рассерженная бабка с хворостиной в руке, разлетающиеся из под кра-на брызги, превращающиеся в вэсэлки¹², в каплях которых отражаются...

¹² – Вэсэлки – укр. (веселка) – многочисленные маленькие радуги, возникающие в солнечные дни у водопадов, при поливе из шланга клумб и т. д.

Словно прицеливаясь, прищулив один глаз и вытянув вперёд свободную руку, брат направил её в сторону соседки. На неё смотрела выразительная дуля¹³.

– Вот зас-рран-цы, – хрипло и раскатисто взревела, осатаневшая от нашей выходки, бабка. Этот фокус, сотворённый у общей колонки, которую соседка почему-то считала своей собственностью, вызвал у неё новый прилив возмущения и бабка, считая себя служительницей Фемиды, глупая, уже готова была вступить в неравный и смертный бой с ушлыми и пронырливыми пацанятами...

Ей мешала лужа и, так как брат, вновь отпустил рычаг, уже успокоившаяся поверхность воды, вновь превратилась в неподвижное зеркало. Лужа лежала между нами слитком застывшего серебра. Ступить на водную гладь и разрушить отражения – бабка не решалась.

Мы демонстративно прыгнули с крышки колодца, из которой торчал, так любимый детворой, корпус колонки-гидранта очень походивший на маленького языческого чугунного идола. Не останавливаясь, шлёпая по пыльной траве двора мокрыми сандалетами, издававшими визгливые, хлюпающие звуки; мы стремглав помчались по двору к огромной дровяной поленнице. Развернувшись на бегу, не целясь, наугад, через голову я швырнул в бабку глиняное ядро. Снаряд в бабку не попал, зато он угодил прямо в середину лужи и вдрызг расколотил отраженные в луже миры, окатив соседку, её же собственным отражением. В изрядном количестве брызг, родившихся от всплеска; в их бесчисленных микросферах, мы с братом уже скрылись за углом старых покосившихся угольных сараев.

Молча, миновав сараи, усердно сопя, мы, не сговариваясь, бегом направились к колхозному вишнёвому саду. Издалека ещё были слышны вопли разъярённой бабки. Это были ругательства настоящей и верной шахтёрской подруги – рано овдовевшей, не успевшей родить, не погодам состарившейся, прожившей в одиночестве без мужа и детей. (Тело мужа после расчистки обвала в шахте так и не нашли.) “Изысканные” словечки, ещё долетающие до наших “невинных” ушей, превратились уже в откровенную площадную брань. Когда мы достигли картофельных огородов, брат вдруг резко остановился:

– Забыл, – тяжело дыша, по слогам выдавил он, – ...зубки для деда забыл. Щас...щас вернусь, – с досадой добавил Олег.

Он резко развернулся и неторопливо побрёл по дорожке между огородами. Ускоряя шаг, брат постепенно перешёл на бег и затрусил рысцой уже вдоль сараев, в сторону недавно покинутого нами, двора с гидрантом.

¹³ – Дуля – укр. кукиш.

Я опустился на корточки и принялся бесцельно разглядывать, как на иссохшейся горячей дорожке – из трещинки в трещинку снуют туда сюда крохотные муравьи и красные спинки клопов-содатиков. Звонко звенели кузнечики и цикады. Высоко в небе лениво гудел самолёт.

Нарушил звенящую тишину и отвлѣк отдалѣнный странный шум. Я поднялся и посмотрел поверх лиловых и белых картофельных соцветий.

По открытому пространству, где мы обычно гоняли в футбол, между сараями и огородами – без оглядки, что есть духа, летел Олежка. Одной рукой он прижимал к голой груди проволочную низку с зубками, а в другой – сжимал, слетевшую где-то по пути, сандалету.

Поднимая клубы пыли, гогоча, растопырив крылья, вытянув шеи, едва касаясь земли своими перепончатыми, когтистыми лапами, грозно щѣлкая чѣрными и жѣлто-оранжевыми клювами – стимфалийскими птицами¹⁴ – брата преследовало около дюжины гусей. Резко остановившись у глубокой канавы, тянувшейся вокруг огородов и обрамлѣнной широкой полосой высокого бурьяна и разросшегося репейника, он – швырнул сандалету в самую гущу гусиной орды. Не раздумывая, брат лихо перемахнул через канаву. Не снижая скорости и не выпуская из рук низки с зубками, он мчался по сорняковым джунглям, ломая их с треском и оставляя за собой густую пелену терпкой желтоватой пыльцы.

Гуси же, наткнувшись на препятствие в виде канавы, сбавили скорость, прошлись вдоль рва с десятков метров и остановились. Постояв несколько минут в замешательстве, они развернулись и, гордо задрав клювы вверх, неторопливо и дружно зашагали в направлении дома.

Олег продолжал мчаться уже по огородам, с шумом сминая перед собой цветущую ботву. Остановился он только рядом со мной – рухнул на колени и повалился на бок. Отдышавшись, он приподнялся на локте и, наконец, выпрямившись, уселся на мягкий край огорода. Рядом с его босой ногой, бесцветно громыхнув, брякнулась низка со ржавыми бѣззубными зубками. Кряхтя, он, не расстѣгивая, стянул с другой ступни оставшийся без пары сандалет и вытряхнул из плетѣной обуви штыб¹⁵:

– Эта сволочь, Слюсариха – курятник свой гусиный выпустила в нашу лужу – поплескаться... я к зубкам, а они – на меня, скотины. Я на них, зубками – пострацать, а они, как скажѣнные¹⁶ – за мной! Там – куча угля,

¹⁴ – Стимфалийские птицы – мифические птицы, злодействующие в одном из двенадцати подвигов Геракла. Птицы имели металлическое оперение, железные клювы и когти.

¹⁵ – Штыб – мелкая угольная крошка.

¹⁶ – Скажѣнные – укр. (скаженні) – одержимые.

породы... Я через неё, а они – в обход и опять за мной! Страсть, какой ужас! Я к сараям, а они – не отстают!.. Га-га-га, да, га-га-га!.. Скотские птицы...

Брат с досадой швырнул себе под ноги внезапно осиротевший непарный сандалет и оглянулся в сторону, где ещё совсем недавно гоготали его преследователи:

– Надо пойти второй лапоть найти, подобрать... Мать может и ничего не скажет – старьё всё-таки. А баба Вера – замордует. Конфет не даст, – брат вопросительно посмотрел на меня:

– Пойдём куда?

– Может в сад за вишнями?

– Не... – отверг предложение Олег, – маек нет – прятать некуда... Там ещё этот... прибацанный кобель рябой... Трезор. Порвёт в лохмотья. Да и куда по забору без обувки? Забор – неструганный, в солидоле весь – есть обо что попой поёрзгать – отцовского ремня не надо. Всю жисть занозы друг у друга выдёргивать будем по будням, выходным и праздникам. Через неделю – сами убирать позовут... Жарко... Может, на пруд? Скупаемся? – в свою очередь предложил брат.

– Далёко... – потянулся я, – да и велик сломан...

На этом разговор наш окончился. Брат отдирал, прицепившиеся к шортам, мохнатые шарики репейника.

В это время мы услышали, что нас зовут. Протяжный и властный голос бабы Веры созывал нас на обед.

Брат, закинув руки за голову, откинулся на спину, примяв несколько кустов ботвы:

– Пойдём? Воскресенье. Все дома. Вечером музыка, – вопросительно предложил он, разглядывая в небе маленькое облачко.

Я грыз сладковатый стебелёк какого-то дикого сорного злака. Было очень жарко, и обедать не хотелось. Хотелось пойти куда-нибудь. Просто так – будь-то летний парк, шахтный двор или стадион; хотелось влезть на вершину террикона, чтобы с высоты птичьего полёта поглазеть на изнывающий от зноя посёлок... Но в воскресенье было принято обедать дома – всей семьёй.

Каждый день летних каникул развивался подобно джазовой импровизации. Мы точно знали, чем он начнётся, но вот чем закончится – предсказать было невозможно, за исключением воскресных вечеров.

Брат поднялся с земли, сладко потянулся и собирался уже подхватить с земли низку с зубками, но я оказался проворней и опередил его. Раскрученное в воздухе проволочное кольцо, улетело далеко в заросли ботвы.

– Ну, ты – каба-а-ан, – обидевшись, процедил сквозь зубы Олег. Он покосился на меня исподлобья и, не сказав ни слова, нырнул на поиски в картофельную ботву, доходившую ему до пояса.

– Жуки съедят! – крикнул я ему вдогонку. Он молча отмахнулся, продолжая разыскивать свою ношу.

Неожиданно я почувствовал что-то неладное и оглянулся. Это было очень кстати. Ко мне уверенной поступью грозно приближалась великовозрастная шахтёрская вдовица, гонявшая нас с братом у колонки. В её руке, по-прежнему красовался знакомый ивовый прут. Она подкралась так тихо и была настолько угрожающе близко, что казалось, вылезла из-под земли.

– Олег, – неуверенно позвал я...

– Вот, скоты мелкотравчатые! Они уже здесь... По копаному шастают! Картошку топчут! – Нагайной шипела бабка, медленно надвигаясь на меня и уже наполовину заслонившая солнце своей головой в белой косынке.

– Атас, Олег! – что есть силы заорал я и бросился прочь от соседского прута, который за моей спиной, к величайшему счастью, со свистом рассёк только воздух.

Зная, что мы легко от неё смоемся, бабка кричала вслед, скорее всего для порядка:

– Я вот, бабе Вере скажу! Щас прямо пойду и скажу! Отцу пойду скажу, он – как раз, дома! Пусть вас, подлецов, обоих выпорет!

Олег, уже подобрав свои железяки, пригнувшись, сквозь ботву бежал ко мне. Рысцой, огибая огород с противоположной от бабки стороны, я, перешёл на шаг и неторопливо побрёл к дому.

– Подожди, кабан! – беззлобно, запыхавшись, сопел братишка. – Вот, курва, за что ж она нас так ненавидит? Теперь влетит, – тихо пробурчал он за моей спиной, чуть припадая на босую ногу.

Сандаleta нигде не было. Мы облазили весь пустырь, но его, как будто и в помине не было.

– ... эти псины, что ли, его уволокли? – сокрушённо чертыхался Олежка.

Бабка продолжала браниться на другом конце огорода. Она была далеко, но в подтверждение своим угрозам, которые до нас едва долетали, она махала рукой и в ней было зажато вещественное доказательство – сандалет брата.

– Ну-у-у, блин! – теперь точно влетит, – скорчив гримасу, погрузнел брат.

– Не дрейфь, кабан! Мы же, на пару были – отбремемся, как-нибудь, да и не пожалуется она, а если что – дед выручит, – я опустил ему руку на плечо и тихонько подтолкнул в сторону дома...

...но мы-то знали, знали, знали, чем, как правило, заканчивалось летнее воскресенье – ЗНАЛИ!!!

Одновременно с наступлением сумерек, посередине двора – не очень большого, стеснённого летними кухнями и самим домом – тоже небольшим двухэтажным – появлялся большой стол. Когда-то и кем-то добротного сколоченный из простых, грубо оструганных досок, он появлялся под пятисотваттной лампой. Выносить его из общей летней кухни помогала вся соседская детвора, включая нас с братом. На выскобленной добела столешнице, появлялись хлеб, домашние закуски и самогон. Вся эта снедь выставлялась вскладчину, но для нас гвоздём вечера был электрический патефон. Отец выносил его во двор и пристраивал на старом, почерневшем от времени, табурете под терновкой у летней кухни. Мы усаживались на длинную, отполированную ягодицами скамью рядом с патефоном. Отец разрешал нам менять пластинки, а сам принимался помогать соседям расставлять у стола принесённые стулья и табуреты.

Мы с братом заводили патефон. Витиевато вступали саксофоны и медленно, но выразительно набирал скорость поезд “А”¹⁷, в таинственное купе которого, обязательно приглашал Дюк Эллингтон¹⁸.

Взрослые выпивали и закусывали. Повеселев, сидящие за столом, начинали вести свои разговоры; кто-то начинал танцевать, а кто-то подсаживался рядом с нами на скамейку, поближе к табурету с патефоном и просто слушал музыку.

Пластинок было много. Мы с братом по очереди их меняли, стараясь, чтобы музыка звучала без перерыва:

– Джаямка, Джаямка, – пел Робертино Лоретти, ... Злата Прага, красавица Прага, ... три года ты мне снилась... мы учим летать самолёты, мы учим их страх побеждать... жил да был чёрный кот... потому, что на десять девочек... а у нас во дворе... по переулкам бродит лето...

“Караван”¹⁹ зажигал в ночном небе последнюю звезду, ставил точку в воскресном вечере и Эллингтон играл уже исключительно для нас с братом.

Мужики разносили стулья и прочую мебель по квартирам, а женщины мыли в большом тазу посуду. Мы, стараясь не привлекать лишнего внимания, собрались, было, ради приключений улизнуть, чтобы пробежаться по ночным соседским дворам, но тщетно. Всевидящее око бабы Веры и её властный голос бесповоротно нас останавливал:

¹⁷ – “Садись в поезд “А” – “Take train “А” – тема Б. Стрейхорна, которая часто исполнялась Биг Бендом Д. Эллингтона.

¹⁸ – Эллингтон Дюк – американский джазовый музыкант, композитор, дирижер. Как и Л. Армстронг – руководители крупнейших и не ошибусь, если скажу – лучших Биг Бэндов в мире.

¹⁹ – “Караван” – тема Т. Хиззла. Как и “Садись в поезд “А”, одна из “визитных карточек” оркестра Д. Эллингтона.

– Куды побегли? Нечего бечь! Пейте канпот, мойте лицо и ноги, пока вода тёплая и марш спать! Свиняччи души! Ишь ты!.. Побегли уже на ночь глядя. Кто вас там дожидается? – говорила она, тоном, не терпящим возражений, и вытаскивала патефонную вилку из розетки удлинителя, шнур от которого тянулся через весь двор и исчезал под дверью летней кухни. Двор быстро пустел. Гасили “праздничный” свет и двор погружался в тусклое желтоватое мелководье света маломощной лампочки. Так и останутся до утра наедине друг с другом – пустой небольшой, плохо освещённый дворик и чёрное меганебо с мириадами караванов звёзд, среди которых, наверняка, есть и “Караван” Дюка Эллингтона...

ДЖАЗ – модное слово в детстве – звеняще-жужжащее. Эхо, от его произношения напоминало звук дождя, барабанившего по рубероидной крыше летней кухни и баламутившего в гремящем медном водостоке. Сколько было капель, столько же было и междометий “джаз”, произнесённых дождём; что превращало обыкновенное явление природы в музыканта, исполняющего на чём придётся – виртуозное соло для ударных с дождём и громом.

ДЖАЗ – далёкий, таинственный и зовущий в мелодии Эллингтона, где синее небо, жёлтые барханы, цепочка верблюдов и отрешённый напев погонщика, льющийся из зарешёченного овального окошка в боку патефона.

ДЖАЗ – грустный в танце матери; неистовый, жёсткий и уверенный в движениях отца; чарующий в глазах соседских мальчишек, недоступный для них, в связи с невозможностью поменять пластинку. Примостившись рядом с нами у летней кухни, они восторженно болтали ногами в такт музыке, улыбаясь, поглядывали – то на танцующих, то на нас с братом, то на завораживающе-крутящийся с пластинкой, диск патефона. Наконец, решившись, заикающимся голосом, тот, кто посмелее – просил за всех разрешения на то, чтобы поставить следующую пластинку. Я не возражал. Братишка же, посопев, тоже соглашался, оставляя за собой право, ставить любимые вещи. В конце концов, вокруг нас образовывался кружок из мальчишек. Кто-то сидел рядом с нами на лавочке, кто-то на корточках, а кто-то просто стоял, прислонившись к стенке кухни, но все вместе терпеливо ждали, чтобы согласно очереди, поменять пластинку...

ДЖАЗ – философски-задумчивый в янтарных разрезах миндалевидных глаз огромного полосатого кота, невозмутимо разглядывающего воскресную вечеринку с толстой ветки старой черёмухи. Кот был общим, жил в летней кухне, исправно ловил по подвалам распоясавшихся и бесчинствующих грызунов, и кормили его всем домом. Поэтому он был неизменным атрибутом импровизированных воскресных вечеринок.

ДЖАЗ – возмутительный, по словам бабы Шуры и старой шахтёрской вдовицы; зовущий и интригующий в походке девчонки Нелки из семьи глухонемых, где она – единственная из всего семейства была говорящей и с нормальным слухом.

На вид она с большой натяжкой, едва, выглядела на пятнадцать. Но, Нелка! Ой, Нелка! Под её тёмной чёлкой, почти касающейся бровей и ровной, как натянутая струна – глаза. В их зелёных сферах светилась и таинственно мерцала её мечта и совершенно иная сущность. Ей было наплевать на джаз. Она была представителем “новой волны”. Об этом, наверняка, никто не догадывался. Не обращая на нас ни малейшего внимания – в мини юбке, лодочках и гипюровой блузке, она проходила мимо неторопливой таинственной походкой, исполненной торжественности и величия, достойных, разве что, королевы Англии. Мы были для неё соплячём, дворовой мелюзгой, пустым местом. Впрочем, нас это мало волновало. Мы могли пролезть на танцы в летнем парке в любую дырку, а она – нет. На танцы её не пропускали контролёры из-за, как в известной песне, её малого роста и девчоночьего экстерьера. Мы-то – знали всё. Нелку не спасали даже, купленные в аптеке, большие оранжевые спринцовки, у которых она обрезала “жопки”, носики и втискивала в мамин бюстгальтер. Перед нами у неё было одно неоспоримое преимущество. На танцы она проходила через чудо-эстраду вместе с музыкантами. В их компании дул в тромбон её бывший однокашник. Юркнув на танцплощадку из-под раковинообразного полукупола эстрады; прячась за спинами своих рослых подружек, тоже стриженных под “каре”, волнуясь и робея, Нелка с завистью разглядывала танцующие пары. Её никто не приглашал и никто не обращал на неё внимания, словно она была нашей ровесницей. Мы же, прислонившись к высокой деревянной стенке эстрадного помоста, молча наблюдали за её “каботажным плаванием” по периметру танцплощадки... И всё же, она уже была представителем “новой волны”...

Каждый вечер в одно и то же время, а именно – в шесть... Каждый божий вечер она ставит на кругляш маховика (с красненькой толстенькой, в размер маховика, рифлёной резинкой сверху) новой радиолы “Муромец” – песню “BEATLES”, записанную на “ребре²⁰”. Нелка включает приёмник на полную мощность и распахивает настежь свои окна, выходящие на улицу.

²⁰ – Ребро – грамзапись, выполненная кустарным способом, на использованной рентгеновской фотопластинке с негативом чьих-то рёбер, грудных клеток, черепов и позвоночников.

Казалось, что “BEATLES” слушает само небо, а уж здесь, на земле они были слышны от первого до последнего дома на нашей улице. Как только песня подходит к концу и обрывается звучание последней ноты, Нелка тут же аккуратно подхватывает пальчиком тонарм и, не дыша, с благоговением ставит его на начало песни, не давая механизму остановки, где-то внутри радиолы, громко щёлкнуть. “BEATLES” крутят и слушают уже по всему миру. Наша улица Грибоедова, вот уже на протяжении двух недель, тоже слушает их, но только одну единственную песню.

Нелка упёрлась острыми локотками в подоконник и опустив подбородок на кулачки, с зеленоглазым деланным безразличием глядит в перспективу весенней улицы.

Там – набухшие тополиные серёжки, готовые уже через день-два – разродиться густым пухом; кое-где между тополями выглядывают белоснежные шапки цветущих акаций и абрикосов, погружающие улицу в пучину тонких изысканных ароматов; сосед, закинув за плечо авоську с рабочей одеждой, возвращается с шахты домой; баба Шура набирает у колонки воду в новое сверкающее оцинкованное ведёрко; там же безмятежно щиплют траву гуси и разгуливает с выводком цыплят соседская несушка Настя; мимо окон протарахтел на синем мотороллере “Тула” Вовка – однокашник Нелки, даже не взглянув в сторону нелкиных окон; у самого двора на пустыре мальчишки гоняют в футбол. Олежка, хоть и воображает себя Жаирзиньо²¹, но его, как самого маленького, наверняка, поставили в ворота. Я хорошо слышу глухие удары по мячу и звонкие голоса игроков, доносящиеся в распахнутые окна в те короткие мгновения, когда Нелка переставляет иглу на начало песни.

Нелка ждёт... Локти устают, затекают и начинают болеть. Никто не приходит. Уже, как полчаса назад, мимо окон прошли, заливаясь беспричинным смехом, зазывая Нелку с собой, её подружки. Та, только мгновение поколебавшись, всё же (хотя и с некоторой неуверенностью) отрицательно мотнула головой.

Наши окна – на расстоянии вытянутой руки. Если перегнуться через подоконник и протянуть руку, то Нелке, запросто, можно врезать “Арифметикой” по шее, но я всё же терплю. Где-то в глубине души мне жаль Нелку. Как-то в разговоре с мамой, соседка, с сочувствующим видом, сообщила, что Нелку “никто не берёт”. Что такое “никто не берёт” и почему, мне – неизвестно, да, собственно, мне до этого и нет никакого дела. Приходится мне терпеть и, захлопнув учебник, – злиться, что я не могу дорешать примеры и пойти погонять с мальчишками мячик. Там

²¹ – Жаирзиньо – игрок сборной Бразилии по футболу.

уже давно разыграли: кто Эйсебио²², кто Ривелино²³, Бенкс²⁴, Тостао²⁵ или Мур²⁶.

Вместо этого я сижу, упёршись, как и Нелка, локтями в распахнутую тетрадку и зажав ладонями уши, тоже жду вместе с ней. Никто к Нелке не приходит, но от этой песни “BEATLES” меня – вот-вот стошнит и вывернет нутро наизнанку.

Они поют:

– Oh, girl, girl...

Нелка ждёт... Никто не приходит... Нелка ждёт... Я тоже... Никто не приходит...

Наконец, она выключает музыку где-то на середине “anybody”, даже на “any” – “body” уже взвизгнуло. Взвизгнуло не со злостью и не с отчаянием, а с некоторым сакральным предостережением. Со злостью, громыхнули захлопывающиеся окна.

– Интересно, что она сейчас делает? – пытаюсь я отмахнуться, от внезапно возникшей тишины и угадать, что же происходит по ту сторону стены, – наверное... она сейчас лежит за стенкой на диван-кроватьи и смотрит в неизвестную точку на белом потолке... – сам собой навязчиво подкрадывается вопрос, – плачет или нет?

Мир за окном начинает оживать, и комната постепенно наполняется отголосками уличной суеты. Отодвинув учебник, вылезаю из-за стола, подхожу к окну и пошире открываю раму.

Во дворе под старым тополем, звеня ключами, возится с новеньким “Орлёнком” глухонемой Вовка – младший брат Нелки. Велосипед сияет никелированными ободами и светло-кофейной рамой. Вовке глубоко наплевать на нас, на джаз и на “BEATLES”...

Вчера ему купили ВЕЛОСИПЕД!

Жаль, никто не пришёл, Нелка...

P.S.

По словам классика, каждая девушка – хорошенькая или плохая; рано или поздно выходит замуж. Вопреки сплетням “доброжелателей”, Нелка через год вышла замуж за морского офицера, капитан-лейтенанта Тихоокеанского Флота, нашего земляка, приехавшего в отпуск навестить родителей. Не знаю, как они познакомились и где: на танцах ли, под джаз ли, под “BEATLES”; но через два года Нелка приехала погостить с мужем и тремя

²² – Эйсебио – легендарный форвард сборной Португалии по футболу.

^{23, 25} – Ривелино, Тостао – игроки сборной Бразилии по футболу

(Мехико 1970 г. Сборная Бразилии трёхкратный чемпион мира по футболу.)

^{24, 26} – Бенкс, Мур – игроки сборной Англии по футболу, чемпионы мира (Англия 1966 г.)

детьми. Дети, вопреки Карме, родились, слава богу, здоровенькими. Через стенку было отлично слышно, как малышня, видимо, не поделив игрушку или ещё что – громогласно орала. Правда, ор и гвалт за стеной быстро прекращался. По всей видимости, Нелка, со знанием дела, успокаивала старшего и младших двойняшек... Слышал, что живут они с мужем душа в душу дружно и счастливо и умрут, наверное, тоже в один день...

P.P.S.

Младший брат Олег – трагически погиб 35-ти лет от роду.

Примечание редактора:

Мне глубоко противны диссиденты-шестидесятники, а тем более, семидесятники. Ведь они выступали не против красного террора, не против культа Ленина или Сталина, не против пошлости и некультурности. И славили они не героев белого движения, сражавшихся за единую неделимую Россию. Отнюдь нет. Они выступали как раз против того немногого стабильного, уютного и порядочного, патерналистского и человеческого, что оставалось в официальной советской идеологии. Они сами были советскими демократами и равнялись отнюдь не на Царскую Россию или старую интеллигенцию с ее эстетикой и высокими нравственными устоями, а на пошлый Запад. Правда, есть одно смягчающее обстоятельство. Этот Запад предстал перед ними не таким, каким он предстал перед нами, пережившими Перестройку, – жестоким и циничным, делающим все от него зависящее, чтобы превратить нашу страну в содружество суверенных полукolonий – стран третьего мира. Запад, торгующий людьми ради секса и человеческими органами бедняков ради здоровья богатых. Запад, бомбящий Белград и истребляющий сербских детей в Косово и Метохии. Запад, превративший в кровавое месиво Ирак и покровительствующий наркотрафику из Афганистана через оккупированное албанскими головорезами Косово. Им виделся другой Запад, его блестящий фасад, когда, во времена могущества СССР, он, этот Запад, разговаривал с нашей страной и с ее гражданами на равных, как с немногими, как с людьми золотого миллиарда. И их ослепил этот блеск. Но заблуждались многие из них искренне. Мне хочется верить, что на Страшном суде эти искренние заблужденцы будут оправданы за их искреннюю веру. По крайней мере, я не буду выступать свидетелем против них, хотя мне ближе тот бывший диссидент, который как-то сказал в прямом эфире по телевидению: «Знать бы наперед, чем все закончится, ни слова бы не сказали против Советов. Напротив, всю жизнь бы положили для укрепления советской власти и ее идеологии, а сами прожили бы свою жизнь последними научными сотрудниками в захудалом НИИ, лишь бы было могучим наше Отечество».

Станислав ПОЧЕБУТ

Выбор

Вчера я случайно обнаружил, что плавно и незаметно к двери моей маленькой холостяцкой квартирки подкралась осень, безжалостно изувечив дождём единственный пиджак, который день назад, сам не знаю почему, я решил надеть для похода в магазин, благоразумно оставив зонт валяться в чулане, ибо ношу эту счёл слишком тяжелой. Когда я приближался к кассе, девушка сочувственно мне улыбнулась, обедя взглядом промокший насквозь и испорченный навсегда гардероб.

— Вы ужасно выглядите, Александр...

— Что Вы, не стоит комплиментов, а то я совсем растаю...

Действительно, на полу уже образовалась лужа от стекающей с меня воды и невольно создавалось впечатление, будто я был разморожен недавно, а прибавив к этому похмельно-усталый вид, вполне можно было предположить, что лет сорок до сего момента я находился в кристаллическом состоянии. Пришлось изменить «Пшеничной» и скрепя сердце пробить «Горилку», стоявшую ровно в два раза дороже, а мысль сэкономить на сигаретах закончилась тем, что я решил обойтись без сыра...

Игорь позвонил в тот же день:

— Как погода, дорогой друг?

— Прекрасна, как и сама осень... Ты просто так звонишь иль по делу?

— По делу, конечно... Может...

— Выпьем за первое сентября?

— Саш, сегодня двадцать первое...

— Какая разница, ты ведь по этому делу...

Игорь приехал один, поскольку Коля получил травму на своём бумажно-финском производстве, незадолго до этого уверяя меня устраиваться работать на оккупантов. Впрочем, о лучшем друге мы не забывали, и первый тост необходимо поднимался за его здоровье, а чтобы Коле не было совсем скучно, мы периодически снабжали его пивом, дабы антибиотики в его организме не скучали, причем, пиво покупали разливное и тёмное, таким образом, внешне оно было похоже на квас и не вызывало подозрений у грозного персонала, то и дело бросающего гневный взгляд на нетрезвых посетителей большого Коли...

— А Инга-то где?

— Работает, Саш, работает, надо ж как-то денежки зарабатывать.

— А ты чего?

— А я... поддерживаю морально... Давай за неё по рюмочке...

Время тикало, горилка кончалась, пиджак почти высох, Впрочем, это ему помочь уже не могло, но мне к тому моменту было всё равно после принятия на грудь успокоительного, несмотря на порой несколько раздражающий фактор по имени Игорь. Впрочем, эта ипостась его личности проявлялась только тогда, когда он находился, как бы сказал Фрейд, в бессознательном состоянии, отстаивая то права на землю русских, то, вдруг, сочувствуя приезжим диаспорам, а то и вовсе пытаюсь найти неприятности как на себя, так и на тех, кто в тот момент оказывался по той или иной причине рядом...

– Жаль Колю, Саш.

– Да, жаль, дай Бог, всё пройдёт нормально. Операция – не шутка.

– Он же не пол меняет.

– Как сказать, бывает, врачи путают конечности.

У Коли был открытый перелом ноги, но мы как могли поддерживали его, особенно это касалось разных колкостей в его адрес как в стенах больницы, так и вне их. Последняя шутка была о судном дне в палате для лежащих...

Дискуссия продолжалась не один час, после чего приехала Инга. Мне показалось, что она чем-то была недовольна, но ни я, ни Игорь так и не смогли понять причины, более того, тогда мы не смогли даже толком поздороваться.

– Знаете, почему люди не летают как птицы? Потому что подобно вам бухают как свиньи.

– Ин... Ин... га...

Впрочем, у Инги был большой плюс по сравнению с человеком, долгое время находившимся рядом со мной, но, даже, несмотря на это, не смирившимся с тем, чем на самом деле я являюсь.

Инга налила себе рюмку, гордо выпила за горести, выпавшие на долю женского населения нашей родины и пошла готовить нам ужин. Заглянув в холодильник, она спросила:

– А где сыр?

Конечно, пища в этой жизни – не самое главное, другое дело – водка. Впрочем, Игорь всегда гордился откуда-то взятой фразой: «Протестую! Бухло – это еда!» Так или иначе, постный ужин, кажется, пришёлся всем по душе, а самое главное, что по душе больше пришлось само его наличие. День всё-таки кончился благополучно, за исключением небольшой уличной драки возле пресловутой улицы с ларьками, то ли с болельщиками «Спартак», то ли с местным продавцом водки, то ли с соседом собаководо-

дом... Это уже было не так важно, особенно учитывая тот факт, что мы всё равно не смогли полностью установить, что же всё-таки произошло, но одно было ясно наверняка – едва успевший высохнуть пиджак отныне и вовсе не подлежал восстановлению, равно как и кожанка Игоря, издаലെка напоминавшая снятую с больной лишаем собаки кожу. Кажется Инга, в очередной раз проявив небывалый героизм, смогла отстоять нашу честь и мы ушли проигравшими, но не побеждёнными...

Двумя часами позже Игорь уже спал у меня в коридоре, Инга заняла диван, а я докуривал на кухне то, что удалось купить, сэкономив на сыре. Ничего не осталось, даже толстый прохвост, радовавший меня своими неожиданными сюрпризами – и тот однажды попал под машину... Ни семьи, ни денег, ни нормальной работы – ничего из того, о чём я когда-то мечтал, ничего из того, во что я верил, ничего, кроме верных друзей, дожигающих беспощадно остатки жизни, пытаясь утопить боль и собственные слабости в стакане... На первый взгляд может показаться, что я виню кого-то в происходящем, но это не так – мы сами выбираем свой путь, сами и отвечаем за свой выбор. Моя подруга по переписке, которую я видел только на фотографии, однажды написала: «Жизнь многообразна и выбор существует всегда, только часто мы не видим вариантов, ибо стеснены и ограничены собственными страстями...» ... Да, было бы глупо не согласиться, но мало просто быть согласным, надо жить, надо что-то менять, что-то делать... Сигарета тлела, дым постепенно окутывал кухню, и мне на миг показалось, что моя жизнь догорит также, не спеша и одиноко, оставив после себя только дым, который быстро развеется после открытия форточки и исчезнет навсегда, как будто его и не было...

Работа Наталии КЛИВАК

Василиса СОКОЛОВА

Открылась бездна, звёзд полна...

В доме жарко от только что натопленной печи и горячего чая, а за окном – лёгкая августовская прохлада и звёзды – загадочные, сияющие, бесконечно далёкие.

Открываю дверь и выхожу на улицу. Сразу становится как-то призрачно тихо, не потому, что я городской житель, привыкший к шуму на улице, и не потому, что громкие вечерние обсуждения остались в доме, но просто... август, мягкий, как пушистая хвоя сосны, безмолвный, как догорающий костёр, мимолётный, как время.

Бесконечные, яркие и тусклые пятна звёзд, подобно сетке раскинулись по тёмному небу. Вдыхаешь ночную свежесть и долго-долго, подняв голову, созерцаешь и не можешь оторваться от этой завораживающей картины! И вот, среди прекрасных созвездий, на фоне тёмного неба, загадочно мелькает ярчайший факел стремительно падающей звезды, и, моментально сгорев, исчезает где-то далеко, в глубокой ночи.

А желание-то я и забыла. Вот дура. Пока я загадывала, и клялась себе, что буду постоянно помнить это желание, и буду держать его в голове до падения следующей звезды, «следующая звезда» уже предательски мигнула за верхушкой высокой ёлки. «Ладно, – я махнула рукой, – если уж началась звездопад, то это надолго, и можно хоть всю ночь простоять и загадать безумное количество желаний», но вот беда – спать хочется жутко, а усталость тяжёлым грузом так и тянет вниз. Мною овладевает недовольство собой: что если вдруг опять пропущу случай и... О! Мелькнула и исчезла! И я успела (слава Богу!) – правда только одно слово... Всё! Пора сосредоточиться!

И вот огромная звезда, нет не звезда – буквально комета, ярко вспыхивает, мгновение останавливается... и я (неожиданно для себя) вдруг начинаю кричать во всё горло своё самое сокровенное желание, кричать, забыв про всё на свете, обезумев от счастья, от августа, от ночной свежести, от темноты, и бездны звёзд, одна из которых так удачно «сбылась»... Факел вспыхивает и, описывая полукруг за секунду, гаснет, но я уже успела! И счастье со мной!

Когда возвращается рассудок, невольно встаёт вопрос: о Боже! Зачем я выдала своё лучшее желание?

Море

Зеркальная гладь неприкосновенна... Вдали от берега раскинулся широкий морской простор ультрамаринового цвета, как стекло ровный, – небо и море спокойны – ни ветра, ни туч, ни волн...

Песок под ногами уже влажный и холодный, немеют пальцы, стучат зубы, глаза туманятся, а сердце подпрыгивает – ледящий бриз насквозь пронизывает тело.

Море спокойно. Оно не класает зубами, не мёрзнет, не пенится, не греется, оно величаво, расслабленно, неторопливо – пробежит изредка лёгкая рябь по поверхности, и снова утихнет, уляжется. Никаких тревог, никаких волнений, никакого беспокойства. Море хладнокровно.

.....

Сейчас уже не холодно. Согрелись онемевшие пальцы, дрожи нет как и в помине, и благодатное, мягкое тепло разливается по телу, а настроение сразу велит улыбаться...

А море всё так же тихо, снисходительно сверкает прозрачностью. Синеет, просторное, нарядное.

.....

Прошли дни, сменились погода и ветер, теперь картина уже совсем другая: спешно тарахтят пенистые гребни, по-деловому бегут на берег, откатываются, возвращаются, а на их место уже спешат новые, новые, новые... Гонцы, посланные издалека, из середины, с важными просьбами выливаются на берег и, исполнив поручение, отходят, уплывают, растворяются...

Деловой гул... Работа кипит!.. Издалека всё это очень напоминает шум приближающегося поезда.

Хорошо купаться! Вода – тёплая, на волнах качает, голова кружится, сверху небо – серое, снизу вода – серая, тёплая, мутная, родная. Волны гудят, переваливаются, ветер свистит...

А далеко на горизонте, в середине, что-то вертится, клокочет, переливается, бурлит в глубине, посылает на поверхность сигналы, и бегут, бегут тревожные гребни, несутся, разбиваются вдребезги песочной пеной, и всё море – колышется, покачивается, жужжит. Вот оно – безумное, страшное, негодующее, неугомонное, бурлящее гневом!

Не утихают волны, продолжают пробиваться к берегу, всё огромное, длиннее их белые клыки и море со страшной силой бросив себя на берег, ревёт, злится, воем, силится что-то объяснить – но тщетно... Никто никогда не поймёт морской тайны, не расслышит загадочные сигналы, не почувствует шторма и, облачась в водоросли, не опустится во тьму...

Рассорилась гордая земная стихия с водной, не слышит зова своей нежной сестры-русалки, забыла родство... Но настанет день и потеряет она своё нынешнее превосходство, вновь сольются вместе земля и вода, скроются за горизонтом и одной стихией поплывут в прекрасной синеве...

Светлана ХРОМИЧЕВА

Выпускница ЛИСИ

Счастливая Настасья Филипповна

Сказка

Настасья Филипповна была пожилой пенсионеркой и никакого отношения к героине романа Достоевского «Идиот» не имела. Она даже не читала этот роман. Сериал одноименный, правда, смотрела по старому телевизору, который подарили ей соседи по коммуналке, когда приобрели себе новый. Дарёный телевизор сильно искажал пропорции предметов и людей и всё представлял в свекольно-фиолетовом цвете. Настасье Филипповне тётка из фильма сильно не понравилась, она даже обозвала её про себя грубым словом на букву «б».

В жизни нашей героини не было никаких роковых страстей. Проработав всю жизнь на макаронной фабрике, она благополучно вышла на пенсию и существовала тихо, скромно в своей маленькой комнатке. Из её развлечений, кроме выше упомянутого телевизора, можно назвать ещё вязку носков. Но со зрением было уже плоховато, а главное, она не умела вывязывать пятку, поэтому и закончить работу не могла: распускала носок и начинала всё сначала.

Жила она в нашем большом городе одиноко: родные частью повымерли, частью находились неведомо где.

Однажды Настасья Филипповна пошла на почту за пенсией. Дело было в декабре. Смеркалось. На почте получила она свои 2991 рубль 12 копеек и отправилась домой, обрадованная тем, что пенсию повысили.

Она шла и представляла, что купит себе на эти деньги к празднику маслица, колбаски и, может быть, даже курочку Синявинской птицефабрики. Так мечтая, и не заметила она, как подошли к ней в тёмном месте два здоровых молодца и взяли под руки. Один из них прошипел ей в ухо зловещим шёпотом:

– Слышь, старуха, мы – бездомные сироты.

А другой пробасил в противоположное ухо угрожающе:

– Давай сюда деньги живо, а то хуже будет.

Настасья Филипповна жутко испугалась, поняла, что сопротивляться бесполезно, достала из авоськи кошелек и, вся дрожа, отдала налётчикам

2990 рублей, оставив себе только мелочь, которую те взять отказались. Получив деньги, грабители скрылись в тумане.

А Настасья Филипповна пришла домой вся в слезах и принялась есть перловую кашу без масла.

– Придётся мне теперь перловую кашу без масла целый месяц есть до следующей пенсии, – горестно думала она. (То, что перл в переводе с иностранного языка означает жемчужина, не утешило бы её, даже если бы она знала об этом).

На другой день ни свет ни заря заявила в их квартиру девица на тонких длинных ножках, острых каблукках, в короткой розовой дублёночке, и стала спрашивать Настасью Филипповну. Пришлось этой попрыгунье дверь отворить, так как она заявляла, что работает на телевидении, и даже удостоверение показывала.

– Одевайтесь скорее, машина ждёт, поедem на телестудию. Там сегодня снимается передача «Самый добрый человек месяца». Вас приглашают в ней участвовать, – сказала девица Настасье Филипповне. Та завела было речь об украденных накануне деньгах, но посланница её обнадёжила:

– Там всё уладим с вашей пенсией. Нет проблем.

Надела Настасья Филипповна тёплые войлочные сапоги на резине фабрики «Красный треугольник» да пальто швейного объединения «Большевичка», купленное тридцать лет назад. Вышли они из дома, сели в серебристую иномарку и поехали.

Прибыли на студию. Теледевица провела Настасью Филипповну в зал, где уже собрались зрители, усадила в первый ряд. Заглись яркие софиты со всех сторон, и на середину зала выбежала ведущая. Это была эффектная блондинка, кое-где прикрытая красным, развевающимся и расшитым стразами. Посмотрев на декольте ведущей и увидев, как у неё в пупке что-то сверкнуло, Настасья Филипповна зажмурилась, и слово на букву «б» снова вспомнилось. Тем временем Блестящая Блондинка, пританцовывая и улыбаясь на все стороны, начала свою речь:

– Сегодня в очередной раз мы будем выбирать самого Доброго Человека месяца. Мы ещё не знаем, кто им будет, но он получит награду, которую заслужил. У нас есть несколько претендентов. Первая претендентка – Марина Петровна. Она всегда одалживает деньги своему соседу по подъезду Фёдору, когда ему не хватает до полочки. Это, безусловно, говорит о её щедрости и доброте. Мы удивлены, но другие соседи почему-то не одобряют такого её поведения. (Аплодисменты зала).

Вторая претендентка – Валерия Антоновна. Она подобрала и спасла от гибели выброшенного на улицу злыми людьми молодого крокодила, не-

счастную рептилию, всего метр с небольшим в длину. К сожалению, Валерия Антоновна не смогла присутствовать на нашей программе, так как находится сейчас в больнице, сильно покусанная своим любимым крокодилом. (Аплодисменты).

Третий добрый человек – господин Лисицин. Он организовал на свои средства приют для бездомных собак. Это очень благородное и похвальное дело. Но анонимные злопыхатели сообщили нам, что г-н Лисицин является также владельцем ресторана с традиционной китайской кухней, где (о ужас!) подаются блюда из собачатины. Вы понимаете, на что намекают авторы анонимки? (Аплодисменты). Это, конечно, происки конкурентов, но истина, несомненно, восторжествует. (Продолжительные аплодисменты).

Четвёртый благодетель – известный и многоуважаемый всеми предприниматель Джонатан Худойназарович Иванов. Он купил в Лондоне на аукционе Сотбис за 50 миллионов фунтов стерлингов картину Айвазовского «Десятый вал», намереваясь подарить её музею одного из городов России. Но на днях выяснилось, что картина является подделкой, и Джонатан Худойназарович сейчас через суд пытается получить обратно свои миллионы. (Аплодисменты).

Ну а пятую нашу претендентку зовут Настасья Филипповна. (Аплодисменты). Правильно, вы, я вижу, уже чувствуете её доброту. Она отдала свои последние деньги, всю свою небольшую пенсию за месяц бездомным сиротам. (Энергичные аплодисменты). Эта сострадательная женщина с широкой русской душой и получает, по мнению нашего жюри и с единогласного одобрения зрителей, звание Самый Добрый Человек месяца. (Аплодисменты). Операторы, покажите эту щедрую женщину крупным планом.

Ничего не понимающая Настасья Филипповна стала было вновь рассказывать о грабителях и даже заплакала от обиды, но ей не дали микрофон, поэтому её слов никто не услышал. А Блестящая Блондинка продолжала:

– Наша победительница очень скромна, она считает, что не сделала ничего особенного, что на её месте так поступил бы каждый. Не плачьте, дорогой наш Добрый Человек, вы заслужили это звание и получите награду за свою добродетель. Вы награждаетесь шубой из голубой норки и поездкой в Египет на целый месяц. Туда же отправится и наша съёмочная группа, чтобы снять документальный фильм с вашим участием. (Энергичные аплодисменты).

– Шубу в студию!

Не в моих слабых силах описать следующую за этим душераздирающую сцену. Настасью Филипповну наряжали в норковую шубу, а она вырывалась, цеплялась за своё потёртое пальто с облезлым воротником и кричала:

– Я честная женщина! Отдайте мою пенсию!

Но совместными усилиями молодых телеассистентов сопротивление было сломлено.

Тут я многое опускаю. В конце концов, нужные для вылета в Египет документы были оформлены и Настасья Филипповна благополучно доставлена на берег Нила. Там ей показали пирамиды, Большого Сфинкса, остатки храмов, изваяния богов и фараонов, но всё это не произвело на неё большого впечатления. Когда же ей предложили покататься на верблюде, то и не подозревали, что за этим последует. Толстый усатый бедуин, хозяин верблюда, в длинной до земли рубаше, с платком на голове, с трудом объяснил, что «корабль пустыни» понимает две команды. Чтобы он пошёл вперед, нужно произнести: «рахат лукум», а чтобы остановился, – «шахер чурек».

Верблюд был старый, серо-коричневый, с клочковатой гривой, украшенной цветными ленточками и кисточками. Его большие выпуклые глаза были полуприкрыты тяжёлыми веками с ресничками, отвислые губы шевелились, меланхолично что-то пережёвывая. Его длинные ноги заканчивались мозолями – подушечками, поэтому он ходил как бы в мягких тапках.

Бедуин помог Настасье Филипповне забраться и усесться между горбами животного, в седло, покрытое красным с белыми полосками ковриком. Она взяла в руки повод и произнесла как заклинание: «Рахат лукум». Верблюд двинулся. Шёл он степенно, глядел гордо и презрительно, поплёвывал свысока. И как некая Клеопатра восседала на нём Настасья Филипповна и плыла над необозримой пустыней.

И теперь каждый день она хотела кататься. Уже кончились деньги, отпущенные каналом на развлечения. Чтобы платить за ежедневный прокат верблюда, пришлось продать норковую шубу. И уже время каникул подходило к концу.

И вот в один из последних дней пребывания в Египте Настасья Филипповна увидела на обычном месте, недалеко от гостиницы, в тени финиковой пальмы знакомого толстого бедуина, но старого верблюда с ним не было, вместо него был молодой, светлый, почти белый, с короткой гривкой, весело помахивающий хвостом. Хозяин животного что-то долго объяснял по-арабски, размахивая руками и указывая на Белого, но Настасья Филипповна ничего не поняла и смело подошла к новенькому, чтобы ей помогли усесться. Оказавшись в седле, отважная наездница привычно крикнула: «Рахат лукум». Молодой верблюд взбрыкнул и рванул с места галопом. Наша героиня изо всех сил уцепилась за край седла, и началась гонка. От скорости и тряски Настасья Филипповна совсем забыла команду остановки. И они ещё долго мчались под густо-голубым небом по оранжевой

земле и фиолетовым горам на горизонте. В конце концов, на одном небольшом бугорке Белый как-то особенно резко подпрыгнул и сбросил с себя уже почти потерявшую сознание Настасью Филипповну. При падении она переломала себе всё, что можно было переломать, и через три дня скончалась в Каирской больнице. Говорят, что последние её слова были: «Какая я счастливая», а по другой версии она просто сказала: «Рахат лукум».

Знакомство

В телефонном разговоре он назвал себя экстрасенсом.

Готовясь к встрече, Лиина тщательно выбирала платье. Надела своё любимое, из тяжёлого шёлка цвета спелой рябины, с присборенными рукавами и поясом-бантом. На шею – нитку чёрных агатовых бус.

Цвет платья красиво сочетался с её пепельными пушистыми волосам и бледной кожей.

Гость явился без опоздания и оказался человеком среднего роста с узкими глазами на заурядном лице и совершенно лысым. Одет он был неприметно: серо-бурый пиджак, такие же брюки, рубашка, галстук.

Лиина провела его в комнату и с улыбкой предложила сесть. Но он не сел сразу, оглядывал помещение, останавливаясь на каждом предмете, проинспектировал взглядом углы и, наконец, остановил его на хозяйке. При этом выражение лица гостя менялось, становясь попеременно: восторженным, испуганным, озабоченным.

После недолгого молчания он заговорил:

– Ах, какая у вас аура красивая, сияние вокруг голубоватое, искристое, но как много боли! Я вижу тёмные пятна. Это родовое проклятье, родовой негатив, который передался вам из предыдущих поколений. Вы осуждены носиться по кругу причинно-следственного закона, по кругу кармы, но я помогу вам вырваться из этого круга, помогу выйти на связь с Богом или абсолютным космическим разумом. Я научу вас погружаться в мир информации, наполняющей Вселенную, ведь мы в ней не одни. Там, в других измерениях находятся души умерших. Я установлю связь с прошлыми поколениями и определю на каком уровне пошёл негатив, кто из ваших предков совершил ошибку, грех. Я могу распутать линии человеческой судьбы, найти лучший оптимальный вариант.

– Неужели все людские неприятности идут от ошибок предыдущих поколений?

– Нет, конечно, не все, кое в чём мы сами виноваты. Вот, например, я вижу тахту. Вы на ней спите?

– Да.

– Она у вас ориентирована с севера на юг, а под вашим домом как раз проходит разлом земной коры в том же направлении. Да, у вас по ночам, наверное, голова разламывается?

– Бывает, иногда, по утрам.

– Вот, вот. Но этому помочь очень просто. Надо повернуть тахту на 90°.

– Спасибо, что подсказали. Пожалуйста, садитесь к столу. Вот чай, пирожные.

Экстрасенс сел и с аппетитом принялся за угощение. Выпив несколько чашек чая и уничтожив большую часть пирожных, он продолжил свою речь:

– Я хочу сообщить вам, уважаемая Полина, конфиденциально, что являюсь контактёром. У меня был непосредственный контакт с иными мирами. Я встречался с посланцами звезды Сириус. Это случилось года два назад в конце июля, когда белые ночи уже кончились. Я лёг спать, как обычно, примерно в полночь и быстро уснул, а проснулся внезапно от яркого света из окна. Взглянул на часы: шёл второй час, самое тёмное время суток. Окно оказалось открытым, я подошёл к нему и увидел, что от подоконника тянется полоса света к висящему в воздухе неподалёку крупному объекту, который имел форму эллипсоида или шара, сплюснутого с полюсов. Этот, несомненно летающий, объект или аппарат был, похоже, металлическим и серебрился, как алюминиевый. Я видел всё очень чётко и заметил, что из блестящей поверхности торчали заострённые выросты, напоминающие колючки морского ежа. Световая дорожка вела по воздуху к открытому овальному проёму... В моём мозгу прозвучали слова: «Иди к нам!»

Я повиновался, так как это была команда высшей силы, подавившая сразу мой страх и сопротивление. Я поднялся на подоконник, ступил за окно, ощутил под ногами упругость света и пошёл над землёй на зов неведомого. Когда я приблизился к проёму и ступил за порог, мне пришлось сделать несколько шагов в темноте, вытянув вперёд руки. Ощувив преграду, толкнул её. Невидимая дверь открылась, и я оказался в большом круглом зале, ярко освещённом. Свет мягко исходился поверхностями потолка и стен.

Передо мной стоял человек, то есть он выглядел почти как человек, в длинной одежде, спадающей складками. Пришелец вместе с одеждой был прозрачен и сверкал, как отлитый из хрусталя. У стен зала стояли ещё несколько таких существ, но разноцветных и менее блестящих, как бы из цветного стекла. Хрустальный обратился ко мне со словами, которые я воспринял сознанием, а не умом: «Мы, посланцы звезды Сириус, выбрали тебя нашим связником. Через тебя будет поступать информация от Высшего Духовного Начала. Твоя голова станет антенной». Тут он поднял руку и

провёл ею по моей голове. Я увидел, как посыпались на пол мои волосы. Он смахнул их, как пыль, потом сказал: «Вот так, как я стряхнул волосы с твоей головы, вытряхни из своей жизни всё лишнее и услышь Бога. Помогай другим людям услышать его и жди нас, мы ещё вернёмся». После этого всё исчезло, и я снова оказался в своей постели, но с того дня совершенно облысел. Как видите, волосы не растут, а были густые.

– Какая удивительная история, мурашки по телу, и про волосы – жутко...

– Да, волос жалко, но не очень, ведь теперь я получаю команды прямо оттуда, – он указал пальцем на потолок, Лиина заёрзала на стуле.

– Примерно полтора года назад я услышал: «Отрекись от всего суетного, выкинь из квартиры ненужные вещи». И я стал выкидывать. Моя жена (я ведь был женат) возражала, кричала, плакала, прятала вещи, но я упорно выкидывал: кухонную утварь, вилки, чайные ложечки, ножи, горшки с цветами, книги, стулья, стол, холодильник... Жена мне постоянно мешала. Тогда я и жену выкинул из окна...

Глаза Лиины испуганно округлились. Она подпрыгнула с восклицанием:

– Боже мой, вы убили свою жену!

– Убил? Нет, что вы, я видел как она там, за окном, вскочила и побежала. Моя квартира ведь находится на первом этаже.

– А...

– Да, больше она не возвращалась.

– Вы любили свою жену?

– Мне казалось сперва, что любил, но потом я понял, что это был приворот. Обычное дело. Она обратилась к колдуну. Тот колол мою фотографию иголками, топтал ногами, потом они закопали её на кладбище в старую могилу, принесли оттуда немного земли, посыпали в цветочные горшки... Но я сумел снять этот приворот и забыл её...

Во взгляде гостя, устремлённом на Полину, снова появилось напряжение:

– Вы не должны так одеваться: чёрные бусы притягивают негативную энергию, а оранжевый цвет распаляет нечистые силы. Я вижу, как ваша аура мерцает и гаснет, покрывается ржавыми пятнами...

Лиина встала.

– Что-то у меня голова разболелась. Простите, мне нужно отдохнуть.

– Я помогу вам снять усталость. Боль, как рукой...

– Нет, нет. Не сегодня. У меня назначена ещё встреча, важное дело. Давайте, попрощаемся. В другой раз поговорим подольше. Я позвоню.

Экстрасенс пытался ещё что-то говорить, но Полина уже не слушала. Она, как могла, поспешно проводила его, закрыла дверь и, вернувшись в

комнату, некоторое время машинально пила чай и жевала печенье, успокаивалась. Потом позвонила подруге:

– Ириша, это просто ужас какой-то. Ну, почему я такая невезучая? С кем ни познакомлюсь – все уроды с поехавшей крышей. Вот и этот сегодня – ну, совершенный шизик. Можно в отчаяние прийти. Мне всё чаще кажется, что нормальный мужчина – нечто легендарное, вроде Тунгусского метеорита, бесследно утонувшее в таёжных болотах.

Алексей ХУДЯКОВ

Выпускник Юридического факультета

Август

В конце Августа жару разбавляет осенняя прохлада.

Летнее тепло становится нежным и тонким.

Как нежна и хрупка жизнь рядом со смертью.

В звонкой пустоте последнего солнечного дня

Я ощущаю дыхание времени.

Мою душу переполняют предчувствия

Того, что уже когда-то было

И уже больше никогда не повторится.

И я снова вижу Её,

Ту, что встретит меня в конце моего пути.

Идеальная чашка

*Творец из лучшего эфира
Создал живые души их.
Они не созданы для мира,
И мир был создан не для них*

М. Ю. Лермонтов

Чёрно-белые фото – подарок автора. Только теперь я понял, что он снимал её не камерой, он снимал её своим сердцем. И это сердце любило её безгранично. И поэтому так божественно, так запредельно красива она на этих фото!

Они пели ей песни, посвящали ей стихи, устраивали разные безумные выходки. А она молча смотрела пристально и выжидательно, с чуть на-смешливой полуулыбкой Будды. И по её лицу никогда нельзя было понять, что она обо всём этом думает. А они женились на невзрачных девушках, с

вечно потупленными глазами, у них рождались дети, разводились и снова женились. Создавали свой бизнес, спивались или просто исчезали. Она же по-прежнему оставалась одна.

Молчаливый, не умевший искромётно шутить как все остальные, он уходил всегда первым со всех вечеринок тихо и незаметно. Он тоже исчез, говорили, что уехал куда-то на Крайней Север.

Я пришёл однажды пьяным к ней домой и упал перед ней на колени. Я был глуп и наивен, я не знал, что ею невозможно обладать, как невозможно обладать небом и звёздами. Что она та самая «чашка, о которой можно только мечтать».

Мой Учитель

Совершив головокружительный полёт по лабиринтам сияющих тоннелей, я снова оказываюсь в Алма-Атинском дворце пионеров, в комнате, в которой сладковато пахнет белым и густым, как кефир, типографским клеем, на стене висит портрет пионера-героя и стоит печатная машинка марки «Ятрань». В этой комнате собирался Литературный клуб «Ямб». Иногда я думаю, что всё самое главное в моей жизни, за исключением рождения детей, произошло именно в ней.

Руководитель Клуба – детский поэт Владимир Григорьевич Краснер. Маленький, аккуратный, с большой головой и пышной серебристой шевелюрой. Он протягивает мне тонкую, тёплую ладонь. Были когда-то в его жизни эвакуация, детский дом, эшелон, бомбёжка...

Он не учил и не воспитывал нас, он пестовал нас с истинно-еврейской родительской заботливостью. Станных, немного жутковатых детей, чахоточно-нежные цветы, нелепо растущие на асфальте. Он выхаживал наши недоношенные души, лишённые какой-либо защитной оболочки. И, возможно, некоторых из нас он уберёт от непоправимого.

– Алёша! Напиши какую-нибудь зарисовку, – говорит Владимир Григорьевич.

И я написал что-то про весну и какой-то вертолёт. Мне было, кажется, не то двенадцать, не то тринадцать...

Давно уже не висит на стене пионер-герой. Давно уже нет Литературного клуба «Ямб», и разбрелись кто куда его воспитанники. Ветер времени обратил в прах построенную в детской песочнице Башню из словенной кости.

Моя душа, которой некуда больше идти, одна в этой комнате.

Поезд

Однажды весенним дождливым днём я сел в поезд.
Уезжать в дождь — хорошая примета.
Со мной ехала девушка, взлетающая на верхнюю полку с кошачьей грацией.
И были долгие ночные разговоры там, на верхних полках.
Грохочущий мрак разрывал жёлтый свет на станциях и полустанках.
Кружилось звёздное небо над чёрной степью.
И духота купе была наэлектризована тихим безумием.
Поезд вёз меня и вёз.
Иногда моя жизнь становилась отчаянным путешествием из Москвы в Петушки.
Я ехал в вагоне пустом и холодном, и хлопала в тёмном тамбуре незапертая дверь.
Но ехал. Ехал!
А теперь я стою и курю на платформе, на которой меня никто не ждал.
И в конусе фонарного света медленно падает снег пеплом прошедших лет.
И надо бы купить в амбразуре кассы билет и снова сесть в поезд.
Но куда ехать? Куда?

* * *

Когда-то в дебрях коммуналок
Обитали на положении призраков
Бывшие их хозяйки.
Полубесплотные старухи
Бывшие смолянки и курсистки.
Дочери профессоров и адвокатов,
Кадетов и октябристов.
Уцелевшие, как медная оконная ручка
Или табличка с «ятью»,
В этих огромных квартирах,
Которые опустошали смерчи
Блокады и чисток.
Тому, кого упустила смерть,
Даруются долгие годы.

Вера ЧИГАРИНА

* * *

Аня вошла в полупустую электричку, выбрала местечко у окна, с удобством расположилась и радостно вздохнула. Кажется, наконец, фортуна повернулась к ней лицом. Вечернее, сентябрьское небо приветливо улыбнулось Ане, она тоже заулыбалась и даже покивала в ответ. Может быть, небу, а, может быть, собственным мыслям. Кажется, вот сейчас жизнь дала ей маленькую передышку, появилась возможность успокоиться и какое-то время не вести изнуряющую борьбу за кусок хлеба и за крышу над головой. Она уже устала меряться силами с собственной жизнью, честное слово, устала. Здоровье, да и возраст уже не те.

В прошлом году Ане сравнялось пятьдесят. Выглядела она значительно моложе своих лет, хотя, наверное, похудеть не помешало бы, но...

Ох, уже эти «Но!», бесконечные, странные, неожиданные, коварные. Аня спотыкалась о многочисленные «Но» всю свою сознательную жизнь. «Но» когда-то помешали создать семью, родить ребёнка, «Но» запутали, уговорили не получать высшее образование, да что там говорить, в своё время «Но» сделали её бомжем. Эх! Аня снова тихонечко вздохнула. Едва ли в этой улыбчивой, опрятной женщине можно было заподозрить бомжа. Человека без определенного места жительства. А, между тем, это было так. Много лет Аня скиталась по друзьям и знакомым, то жила в гостях, то снимала жильё, а своего угла не было. Вот и остаётся только охать, но толку, как говорится, от этого мало. Будучи добрым, но безалаберным и чрезвычайно непрактичным человеком, Аня терпеливо сносила неприятности, то и дело, падавшие на её голову, а православная вера, в которую она нырнула с головой совсем недавно, и молитвы, которые она успела выучить наизусть, помогали ей как-то сохранять душевное равновесие. Богемная молодость, растрата сил и здоровья, бродяжничество, актёрская деятельность, бесконечные путешествия по всему свету остались позади. Теперь хотелось покоя, стабильности, а самое главное, понимания смысла, к чему всё это, зачем нужна эта странная, непонятная жизнь, полная вопросов и загадок.

Аня уже много лет работала лаборантом в кабинете химии, в одном из петербургских медицинских колледжей, но подрабатывать, чтобы хоть как-то сводить концы с концами, приходилось постоянно. И вот сейчас она как раз ехала на одну такую «халтуру». Наконец-то «халтура» попалась лёгкая и приятная, а деньги за неё были обещаны хорошие. Аня достала из сумки старенький телефон и отыскивала в записной книжке нужный номер.

– Привет! Хочу поблагодарить тебя за работу. Что? Да, всё получилось. Люди приятные, деньги дают хорошие, вопросов лишних не задавали, про временную петербургскую прописку не спрашивали. А? Да, слышно плохо, поезд шумит. Нет, общалась уже. Славный такой дед, разговорчивый. Полковник в отставке. За ним и ухаживать не надо. Так, еду приготовить, посуду помыть и поговорить по душам. Он там один сидит в своём коттедже. Родственники разъехались, ему скучно, бедняге. Что? Нет, там не нужно сильно вкалывать, я же говорю. Техника на грани фантастики. Да, машина посудомоечная, машина стиральная, комбайн один, комбайн другой... готовь – не хочу. Да, ну в общем, спасибо тебе. Удачная халтура. После Славика, это, конечно, рай земной.

Аня попрощалась и нажала отбой. Улыбка медленно сползла с её лица. Пару месяцев назад ей пришлось поработать одновременно няней и сиделкой у одиннадцатилетнего Славика, страдавшего ДЦП в тяжёлой форме. Родись Славик обычным, здоровым мальчиком, он, наверное, был бы очень подвижным и озорным. Даже сейчас он был по-своему активен. Мычал что-то на ему, одному понятном языке, пытался двигаться в коляске, дёргал за специально подвешенную погремушку. Он весил около тридцати килограммов, переворачивать, мыть и переодевать мальчика было тяжело. И морально, и физически. Тяжелее же всего было смотреть на его маму. Елена Юрьевна, дизайнер, преподаватель ВУЗа, во всем остальном успешная дама, вероятно, когда-то была красавицей. Горе состарило мать Славика лет на десять и наложило на её лицо неизгладимую печать строгой, почти монашеской печали. Она полностью смирилась со своей участью, приняла её, но при этом, словно бы отрешилась от мира, целиком посвятив себя больному сыну. Муж бросил её, не выдержав столь тяжёлого испытания. Елена Юрьевна и это приняла со спокойной, грустной готовностью, словно и не ожидала ничего другого. Она просто продолжала любить своего сына таким, каков он есть. Могла часами читать ему стихи или показывать репродукции с картинами знаменитых художников, напряжённо вглядываясь в лицо мальчика. Иногда Ане казалось, что взгляд Славы становится более осмысленным во время таких занятий, а, может, ей просто хотелось так думать. Кроме этого было ещё кормление с ложки, смена памперсов и длительные прогулки по лесной дороге. Аня часами возила Славу в коляске, после чего, они вместе с Еленой Юрьевной мыли, кормили, укладывали больного ребёнка. Другой работы летом не нашлось, но Аня понимала, что скоро она сломается. Не в силах она была так долго оставаться рядом с неизбывным горем и безысходностью. Аня пыталась сама себя уговорить, пыталась внушить себе, что это её христианский долг, что раз

уж она считает себя верующей, раз стоит часами на коленях в церкви и читает молитвы, то уж, казалось бы, должна остаться, но не могла заставить себя. Ане каждый раз казалось, что воздух куда-то уплывает из комнаты, когда она наталкивалась на бессмысленный взгляд светло-карих мальчишеских глаз. Сердце начинало громко стучать, виски ломило, хотелось убежать из этих стен куда угодно, всё равно куда. На прогулке было лучше. Она могла не всё время смотреть на Славика, пока везла коляску. Роскошная природа Карельского перешейка, сосны, залив и живописная дорога вдоль пляжа делали прогулки терпимыми. Но непоседливый Славик требовал внимания. Он мычал, пытался двигаться, сползал с коляски и полностью выматывал Аню. С ужасом чувствовала она в себе не сострадание, а раздражение и даже отвращение, хотя старалась никак его не показывать. В конце августа она, пряча глаза, сказала, что планы её изменились, и работать с их семьей она больше не может, так как уезжает. Елена Юрьевна, которая, конечно, рассчитывала на её дальнейшую помощь, ни словом не попыталась её удержать.

– Спасибо и за то, что Вы для нас сделали, Вы и так надолго задержались. Пока мне мама поможет, а потом я подыщу другую сиделку. Ещё раз спасибо.

Расчёт был произведён до копейки и, мучимая угрызениями совести Аня в тот же вечер укатила в город. Денег было заработано достаточно, чтобы две-три недели не делать ничего, пожить она собиралась у подруги, а заодно и подыскать себе там более приятную подработку. Аня успокаивала себя тем, что, сходит в церковь, помолится за раба Божьего Станислава и за мать его Елену, и ей почти удалось усыпить свою совесть. Но где-то там, глубоко, глубоко внутри шевелилась подлая мыслишка, что она их просто бросила, сбежав, как крыса с корабля.

Прошла неделя, пробежала другая, и судьба повернулась к Анечке лицом. На сей раз, госпожа Фортуна обнаружила своё присутствие в лице подруги Серафимы. Серафима, проще говоря, Симка, позвонила с утра пораньше, и, не обращая внимания на сонное Анино ворчание, затараторила в трубку:

Хорошая работа для тебя есть. Коттедж, клиент – полковник в отставке, ходячий, живучий, ему только приготовить что-нибудь вкусненькое и жить там же. Срочно нужно. Я тебя рекомендовала.

Аня, окончательно проснувшись, подумала, что раз уж Бог решил её побаловать, отказываться не следует. Через час она созвонилась с дочкой полковника, а через два уже ехала в электричке знакомиться со своим будущим подопечным.

Подопечный полковник не разочаровал, а, скорее, очаровал Аню. Широкоплечий, уса́тый дядька галантно поцеловал новой сиделке руку, предложил чаю и пробасил:

– Вы, Анечка, согласны стать моей домоправительницей? – полковник отчаянно кокетничал, и его дочь Катя, усмехнувшись, шепнула Ане, что в молодости отец был тот ещё ловелас и любой даме мог запросто вскружить голову. Заниматься хозяйством в доме с отлаженной техникой, где всё работает, где вдоволь денег и не нужно экономить на продуктах, было одно удовольствие. Аня, проработав у полковника два дня, испытала целый букет положительных эмоций. Они с Владимиром Викторовичем пили чай, вспоминали молодость и даже слегка друг с другом флиртовали. Изредка Аня подумывала, не позвонить ли Елене Юрьевне, не узнать ли, как чувствует себя Славик, но трусила.

Она уже несколько раз ставила за мать и сына свечи в церкви, но противная совесть всё-таки нет, нет, да и поднимала голову и пищала, и ныла, и мешала Ане наслаждаться лёгкостью и приятностью бытия, которые так неожиданно подарила ей судьба.

Когда она вышла из электрички, небо, до этого сиявшее не по-сентябрьски легкомысленной голубизной, неожиданно сделалось свинцово-серым, подул ветер, и Аня пожалела, что не прихватила с собой тёплую куртку. Раскланявшись с охранником, она пошла по длинной улице, где один за другим выстроились в ряд коттеджи, словно солдаты на параде. Хотя солдатами их назвать было трудно, скорее уж моделями на подиуме. Забавно было наблюдать, как трёх или четырёхэтажные, громоздкие здания стоят почти вплотную, и соседи могут без труда наблюдать за жизнью друг друга через окна. Аня рассматривала очередные дизайнерские изыски и думала, что, пожалуй, не хотела бы жить в таком доме, несмотря на комфорт и бьющее в глаза богатство. Наконец она подошла к коттеджу, где обитал полковник, и позвонила в дверь. Хозяин не отзывался довольно долго, а когда, наконец, щёлкнул замок, Аня от удивления открыла рот и едва удержалась от восклицания. На старичке-полковнике красовалось японское кимоно, а в руках он держал настоящий самурайский меч.

– Не беспокойтесь, Анечка, это я так, балуюсь иногда с мечом. Гимнастику, так сказать, делаю. А то ведь в семьдесят пять лет можно, знаете, и форму потерять.

Аня испуганно посмотрела на полковника, но возражать и спорить не стала, а сказала только:

– Вы, главное, не переусердствуйте, а то давление подскочить может.

– Ерунда, какое там давление, Вы лучше, Анечка, пожарьте мне блинчиков, мы их сейчас со сгущёнкой употребим, – ласковым, но нетерпящим

возражений голосом сказал полковник, и Аня поспешила на кухню, чтобы приступить к своим обязанностям. Когда она позвала Владимира Викторовича к столу, ей сразу бросилась в глаза неестественная бледность старика, которая, впрочем, быстро прошла, едва он выпил чаю с мёдом. Нырнув в какой-то шкафчик, полковник выудил из его недр маленькую, пузатую бутылочку коньяку и радостно улыбнулся Ане:

– Употребляете?

– Владимир Викторович, Вам нельзя спиртного, Катя говорила, что нельзя.

– Пустяки. От одной рюмочки ничего не делается, а я так давно не пил с хорошенькой барышней – Аня, коньяк уважавшая, позволила себе налить совсем чуть-чуть, решив, что если проконтролирует процесс, то дед не будет больше пить и отправится спать. Куда там! Старик и не думал униматься. Не спеша, он выпил первую рюмочку, причмокивая от наслаждения, и моментально налил себе вторую. Тут уж Аня воспротивилась и решительно убрала бутылку в шкафчик, заявив, что если полковник не будет слушаться, то она позвонит Екатерине Владимировне и пожалуется дочери на недисциплинированного отца.

– Предательница, как и все женщины, – грустно произнёс полковник, снова слегка кокетничая. Пить он больше не стал, но зато развлекал Аню рассказами о своих любовных похождениях весь оставшийся вечер. Рассказывал дедушка с юмором, Аня хохотала до слёз. Наконец, около часу ночи Владимир Викторович авторитетно заявил, что самое время отправляться ко сну. Уставшая Аня была полностью с ним согласна. Полковник начал подниматься из-за стола, и вдруг что-то произошло. Лицо его как-то странно перекосило. Он захрипел, взмахнул правой рукой, после чего начал оседать обратно на стул, издавая короткие, громкие хрипы.

Сказать, что Аня испугалась, было бы ничего не сказать. Она не имела медицинского образования, но состояние полковника сомнений не вызывало. Это был или инфаркт или инсульт, требовалось срочно вызывать скорую помощь. Полковник хрипел, из уголка рта у него потекла слюна. Он был достаточно грузный мужчина, и Аня понимала, что ей даже будет не дотащить его до кровати. Мысль о том, что она нанималась не как сиделка, а как домохозяйка, мелькнула быстро, как молния. В её обязанности не входило медицинское обслуживание, её наняли, как компаньонку. Может, просто бросить всё и уехать? Нет. Не годится. Не выйдет. Противное пиканье вывело её из состояния шока. Этого ещё не хватало. Конечно, в самый неподходящий момент разрядился аккумулятор. Аня знала, что в коттедже пока нет городского телефона, его ещё не успели подключить, дом был

куплен и обустроен для деда совсем недавно. Обитатели коттеджа пользовались мобильными телефонами. Аня беспомощно оглянулась. Она знала, как включить стиральную или посудомоечную машину, знала всё про комбайн и микроволновую печь, но, чёрт возьми, она не удосужилась узнать, есть ли мобильный телефон у полковника, и где он его обычно держит. Все переговоры велись до сих пор с дочерью полковника. Аня беспомощно заметалась по столовой, потом ринулась на второй этаж, где были спальни, по дороге истово крестясь и ругая себя за то, что начала чертыхаться. В голове у неё всё больше и больше путалось.

Аня пережила на своём веку немало смертей и похорон. Она похоронила мать, множество друзей, но никогда ей ещё не приходилось присутствовать при агонии. И это было страшно. Огромный пустой дом, в котором она, кроме хозяина, была единственной, живой душой, вдруг словно ещё увеличился в размерах. Аня вбегала то в одну комнату, то в другую, трясущимися руками зажигала свет, растерянно шарила глазами по многочисленным секретерам, диванам, пуфикам, но нигде не находила чёртов мобильный. Ругая себя на чём свет стоит, за то, что умудрилась забыть дома заряжающее устройство, она снова вбежала в столовую. Полковник стал какого-то синего цвета, но все ещё был жив, о чём свидетельствовали короткие свистящие хрипы. Тут она вспомнила, что Екатерина говорила про стационарный телефон у охранника. Значит, надо было бежать через весь посёлок в охранную будку. Ноги Ани сделались как ватные, дышать стало трудно, к горлу подкатывала истерика. Она выскочила во двор. Дождь, моросивший весь вечер, теперь прекратился. Над Аниной головой висело бесконечное, тёмное небо, усыпанное равнодушными, холодными звёздами. Аня побежала сначала по садовой дорожке, потом через весь посёлок, то и дело, спотыкаясь и теряя шлёпанцы, которые в спешке забыла переодеть. Задышавшись, она подбежала к будке охранника и заколотила кулаками в тёмное окошко. Прошло, наверное, минут пять, показавшихся ей вечностью, прежде чем на крыльце появился заспанный охранник, от которого сильно разило спиртным. Как только Аня начала объяснять, в чём дело, слёзы, которые она до сих пор сдерживала, прорвались наружу, и вместо слов получилось какое-то неразборчивое бульканье. Наконец, поняв, в чём дело, охранник, матерясь сквозь зубы, вызвал скорую помощь. Аня побежала назад. Когда она влетела в столовую, старик все ещё боролся со смертью. Он ещё дышал. И невыносимо было слушать свистящие хрипы в сочетании с равномерным тиканьем ходиков. Тик-так. Тик-так. Время отсчитывало последние минуты жизни человека, который всего несколько часов назад шутил, хохотал, флиртовал, балагурил. Аня словно чувствовала при-

существование смерти здесь, совсем рядом, протяни руку и дотронешься до неё, словно смерть была неким одушевлённым организмом. Одушевлённым организмом без души. Больше всего Аня боялась, что ей самой сейчас станет плохо. Пятьдесят лет – не шутка, сердечные приступы с ней уже случались. С невероятным облегчением она услышала, как подъехала машина. В этот момент полковник перестал хрипеть. Существо по имени смерть одержало над ним полную и окончательную победу.

Худой, остроносый врач был явно разочарован, что не застал никого, кроме зарёванной экономки. Он брезгливо пощупал пульс старика и быстро констатировал смерть. Зевнул, достал какие-то бланки и равнодушно спросил:

– Фамилия покойного? Имя, отчество? Год и место рождения?

В этот момент Аня поняла, что толком не может ответить ни на один поставленный вопрос, ведь паспорта полковника у неё не было. Тускло-серые глаза доктора смотрели на Аню с невероятным презрением. Врач, годившийся ей в сыновья, был раздражён всем. И тем, что ночь, и тем, что маленьких вознаграждений не предвидится, и тем, что надо возиться с трупом, а эта глупая баба ничего толком не может объяснить. В конце концов, Аня назвала имя и отчество полковника, а также примерный возраст умершего, потом сообразила, что у охранника есть телефон хозяйки коттеджа, и сказала, что у неё самой сел мобильный телефон, и она ничем помочь не может. Врач выслушал истерическое лепетание, послал своего шофера на охранный пункт, а Ане предложил вколоть успокоительное:

– Иначе завтра тут могут лежать два трупа, – цинично пошутил доктор. Аня едва стояла на ногах без всякого лекарства. Ей хотелось спать, голова слегка кружилась, перенапряжение давало себя знать. Труповозку можно было вызывать только утром, милицию тоже, всё равно бы они сейчас не поехали. Аня, пошатываясь, пошла в свою комнату. Тело полковника доктор и санитар перетащили на диван в гостиной.

Утром приехала Катя и взяла дальнейшие формальности на свои плечи. Она долго лепетала слова благодарности и щедро заплатила Ане и за труды, и за пережитые волнения. Но Аню почему-то не радовали эти деньги, хотя были они, как всегда, кстати. Что-то в ней изменилось необратимо. Слишком близкое присутствие смерти, дыхание её, напомнило Ане слова принцессы из фильма «Обыкновенное чудо»:

«Она подошла так близко, что я рассмотрела всё. У неё был большой мешок с отвратительными инструментами...»

Ане казалось, что она тоже видела этот мешок со страшными инструментами смерти, слышала зловонное дыхание, чувствовала, как смерть медленно и с наслаждением вытаскивает клещами жизнь из человека. Аня видела

бездонное, молчаливое равнодушие небес, и вдруг ей стало понятно, что нас всех, маленьких, беспомощных человечков легко и просто придавить и уничтожить или, кто знает, быть может, просто перенести в иное пространство, не важно. Всё, что мы можем дать друг другу здесь на земле – это живое и чуткое, человеческое тепло. Ибо человек тоже космос, только тёплый.

Аня, идя на электричку, путалась в собственных мыслях, пыталась их как-то собрать, соединить воедино, получить некую систему, но всё разваливалось.

Уже вечером, выпавшись, и немного придя в себя, она, наконец, сделала то, что хотела уже давно. Набрала номер Елена Юрьевны:

– Здравствуйте, это Анна. Как там Славик? Елена Юрьевна, если можно, я бы хотела вернуться...

Максим ШВЕЦ

Не такой, как все

У всех женщин, как известно, логика особенная – железная.

Если у жены настроение хорошее, она мужа хвалит, если – плохое – пилит. Так заведено. Эмоциональность здесь ни при чём. Просто, если что-то не так, например, на работе её довели до белого каления, – кто виноват? – конечно, – мужчина, глава семьи, ответственное лицо. А если наоборот, всё в порядке, в магазине всё, что нужно купила и дёшево, ребёнок в школе пятёрку получил, – можно радостью поделиться – ты у меня тоже хороший. Я тебя немножко люблю даже.

Так однажды мне жена и заявляет – Как хорошо, что ты у меня не такой, как все!

Неожиданно, понимаете.

– Все не такие, как все, – отвечаю из скромности.

– Нет. Я не то имею в виду. Все мужчины одинаковые. И Игорь, и Дима... – (Моих же друзей перечисляет). – Ты не такой.

– Да, ладно, – говорю, – я тебя люблю. Хочешь, за пивом сбегая.

Тему решил сменить.

Но она не унимается.

– Я это сразу поняла, что ты не такой, как все.

– Ну и что? И ты не такая, как все, – парирую, – все не такие, как все. Все одинаковые, но по-разному.

– Все – не такие, но не так.

– Все – по-своему. То есть, каждый по-своему, не так, не такой, как все.

– Казуистия и демагогика, – (она у меня иногда слова путает от возбуждения), – ты меня понимаешь, не притворяйся.

– Ну, хорошо. Не такой, не такой. Давай, за пивом сбегаю. Телевизор посмотрим, отдохнём от трудов праведных.

– Да, погоди ты со своим пивом! Я сейчас даже не представляю, как я раньше без тебя жила.

Ну, думаю, не иначе как заработную плату ей повысили раза в два.

– Я тебя тоже недаром так долго выбирал, – говорю.

– Нет. У тебя другие девушки были: Галочка, Танечка. И чего они, дуры, тебя не разглядели?

– Повезло. Судьба.

– Кому повезло?

– Мне повезло... Всё, я за пивом пошёл, – и начинаю собираться.

– Ладно, иди, только ещё чипсов купи...

Гуляем, значит.

Хорошо всё-таки побыть иногда не таким, как все, если, конечно, жену иметь соответствующую, тоже с отклонениями от нормы, в хорошую, разумеется, сторону.

Гоблины

Какое-то время назад в наши не слишком стройные ряды (я имею в виду человечество) затесались гоблины.

Нет, не те крохотные существа с длинными ручищами из кельтской мифологии. Это новые гоблины, современные, очень похожие на людей. Номо goblinus, Goblin homius или Гоблинус практикус обыкновенус какой-нибудь – не знаю, как правильно они называются. Внешность у эволюционировавшего гоблина такая же, как у обыкновенного человека, но поведение в корне от человеческого отличается, хотя с виду тоже такое же. Гоблины, очевидно, мимикрировали и создаётся впечатление, что они имеют своей целью известить человеческую цивилизацию под корень. Иначе не понятно – для чего они всему вредят, всё ломают, портят, разрушают, уничтожают, гадят и пакостят без выходных.

Гоблины – повсюду. Выйдите на улицу. Следы вредительской деятельности гоблинов – на каждом шагу!

Вот скамейка в сквере – не скамейка, а рожки да ножки. Это гоблины над ней потрудились. Вот газон с клумбой – здесь гоблины проезжали на своих «мерседесах», изредка резко тормозя. Получилось – месиво. Вот какой-то гоблин много дров наломал, вот – доску от забора оторвал, вот на стене лифта – свой портрет незаконченный вывел, из одного фрагмента состоящий. А вы думаете – кучка на тротуаре перед входом в подъезд ва-

шего дома оставлена собакой? Но это не так. У гоблинов ещё с тех древних времён есть способность превращаться на некоторое время в животных.

Вот гоблины дом реставрируют – в соседнем здании от их усердия уже потолок обрушился, а они ещё только на фасад краску наляпали, да вокруг дома цемент рассыпали. Вот настоящий гoblin в три часа дня многолюдную улицу из шланга поливает, после дождя в ненастную погоду.

Многие гоблины выглядят вполне презентабельно и прилично, если успевают вовремя сбрасывать обильно растущую собачью шерсть и заглушить мощный животный запах. Для этого-то им и нужны лезвия с тройным эффектом и шампуни тройного действия, вошедшие теперь в моду.

Опасность для человечества распространения гоблинов не вызывает сомнений. Они проникают уже и в правительства, и во властные структуры, и в духовную область: литературу, искусства, религию.

Когда именно они начали своё наступление, мне неизвестно, и положить конец этому безобразию не так-то просто.

По телевизору идут сериалы про гоблинов с ними же в главных и прочих ролях. Сценарии к ним написаны явными гоблинами. В новостях – практически одни гоблины. Новый правительственный указ и новый принятый депутатами закон – гoblinские предписания чистой воды: в школе чтоб учились 12 лет вместо 10 – всё глупеем, пенсию чтобы копили у какого-нибудь гоблина на счету – пусть пользуется, льготы отнять у всех, кроме заслуженных гоблинов.

Вот какие дела. А всё оттого, что гоблинов там – наверху – подавляющее большинство.

Профессор гoblinовед оксфордского университета написал учебник для гоблинов по изучению гoblinского языка, включающий в себя, как сам учебник, так и рабочую тетрадь. Без специальной адаптации гoblinу, даже самому выдающемуся, обычный язык не одолеть.

Я расскажу вам – как опознать гоблина.

Полновесные, полноценные гоблины не любят выделяться из человеческой массы, стараются пребывать в толпе, быть неотличимыми от окружающих людей. Для этих целей они: во-первых, застревают в дверях, образуют пробки на дорогах, создают очереди, искусно пользуясь врождённой медлительностью и тугодумием, во-вторых, они вводят моду и развивают у людей стадный рефлекс.

Даже рядовой гoblin никогда не бросит мусор в урну и всегда постарается получить всё бесплатно, не прикладывая усилий. Праздность – это ещё одна отличительная черта почти что любого гоблина. Гoblin, поскольку патологически ленив, всегда и везде ищет кнопку, на которую нужно нажать, чтобы всё само собой заработало. Принять решение или сделать что-то хорошее, положительное – для гоблина отчаянная попытка. Трусость

и боязливость им тоже свойственны. Ни один гоблин никогда не признает своего коварного поступка.

Если существо, похожее внешне на человека, ведёт себя, как человек, носит человеческую одежду и живёт в человеческом жилье, три часа без отдыха болтает по телефону в середине ночи ровным счётом ни о чём, — не сомневайтесь, это — гоблин. Вот ещё некоторые характерные признаки: например, это непреодолимое желание пугать людей. Если ваш начальник гоблин, он обязательно начнёт вас пугать снижением зарплаты, штрафом или увольнением.

Все уважающие себя гоблины ходят в школы вместе с человеческими детьми, но там они ломают парты, обзывают учителей нецензурными словами, пьют пиво на уроках, хулиганят и ябедничают. Известно, что всё самое хорошее гоблин способен быстро, качественно и надёжно превратить в самое плохое.

Становясь взрослыми, они подыскивают себе такое место работы, где смогут вредить наибольшему количеству людей. Поэтому любой вахтёр или охранник чаще всего подлинный гоблин. Понаблюдайте за его поведением. Одна его несгибаемая подозрительность подозрительна сама по себе. А хамство? А бесцеремонность? А уже отмеченная выше медлительность?

Действительно, гоблины редко бывают проворны. Разве что — в юном возрасте, или, если гоблин подбодрит себя алкоголем. Есть, конечно, исключения. Гоблины — альбиносы.

Самки гоблинов ничем не отличаются от самцов и, как правило, даже стремятся их перещеголять в пакостях и беззакониях.

Естественным образом получается, что гоблины по неистребимому запаху находят друг друга, и браков между ними и людьми практически не заключается. А вот интимные отношения не исключаются, и этого надо старательно остерегаться.

Часто люди и не догадываются, что общаются с гоблинами, и узнают об этом только спустя какое-то время. Чтобы этого избежать, надо бы провести полную и принудительную перепись гоблинов с указанием и перечислением всех учинённых ими мерзостей в личном паспорте. Паспорта такие надо выполнять в виде больших плакатов с крупно нанесённым на них текстом. Гоблины могли бы прикрываться этими плакатами в случае наличия у них хоть малой толики чувства стыда.

Все мы, если разобраться, гоблины, поскольку миримся с их засильем и спокойно следим за тем, как они деловито множатся и размножаются.

Но я их не боюсь. Не знаю наверняка, но верю, что, если они останутся без людей, одни, то быстро исчезнут, заглохнут, захиреют и вымрут, как и все остальные паразиты и только потребители. И я их не боюсь. Потому всё откровенно про них и написал, когда другие молчат.

НЕКРОЛОГ

Работа Марии СЕЛЕДЧИК

ВЛАДИМИР СЕРАФИМОВИЧ СОБОЛЕВ

(15.03.1955 – 23.09.2010)

23 сентября 2010 года после тяжёлой продолжительной болезни ушёл из жизни доктор технических наук, профессор кафедры Менеджмента и систем качества Владимир Серафимович Соболев. Так начинается официальный некролог.

«В. С. Соболев окончил в 1977 году факультет Прикладной математики – процессов управления Ленинградского государственного университета. После окончания университета работал в ряде научно-исследовательских организаций города. В 1984 году В. С. Соболев защитил кандидатскую диссертацию по специальности 05.11.16 «Информационно-измерительные системы». Член-корреспондент Российской метрологической академии, в 1994 – 1998 гг. – учёный секретарь Северо-западного отделения Российской метрологической академии».

«С 1986 года работал на кафедре Информационно-измерительных систем и технологий СПб ГЭТУ «ЛЭТИ» в качестве старшего научного сотрудника и доцента. С 1986/87 учебного года принимал активное участие в учебном процессе, читал лекции и проводил практические занятия по ряду основных курсов кафедры. В 1999 г. после окончания очной докторантуры СПб ГЭТУ «ЛЭТИ» защитил докторскую диссертацию. В 2000 г. после обучения в Европейском обществе по качеству (EOQ) получил квалификацию менеджера систем качества EOQ.

С 2000 года В.С.Соболев работал на вновь образованном Факультете экономики и менеджмента (ФЭМ) в качестве профессора кафедры Менеджмента и систем качества, участвовал в становлении нового для ЛЭТИ направления подготовки специалистов по «Управлению качеством», подготовил и преподавал ряд базовых дисциплин для студентов ФЭМ. Являлся членом Ученого Совета СПб ГЭТУ «ЛЭТИ», членом Совета ФЭМ, председателем Научно-технической комиссии (НТК) факультета.

В 2001 – 2005 гг. был директором Центра менеджмента качества в образовании (ЦМКО) СПб ГЭТУ «ЛЭТИ» и проводил большую организационную и учебно-методическую работу по внедрению принципов и методов управления качеством в образовании. В.С. Соболев являлся одним из веду-

В. С. Соболев

В. С. Соболев

трудниками факультета и кафедры, аспирантами и студентами.

ших специалистов и консультантов в этой области, проводил научно-исследовательскую и научно-методическую работу в области менеджмента качества в образовательных учреждениях. Он был руководителем и участвовал в ряде научно-исследовательских работ в этой области, включая международные проекты, имел более 100 научных публикаций, в том числе 6 учебно-методических разработок и учебников. Стаж научно-педагогической работы в СПб ГЭТУ «ЛЭТИ» 23 года.

В 2005 году В.С. Соболев был награждён Почётной грамотой Министерства образования и науки РФ.

Владимир Серафимович был душевным и отзывчивым человеком, который щедро делился своими знаниями и опытом с молодыми со-

Коллектив кафедры Менеджмента и систем качества».

Именно в этот период 2001 – 2005 гг., о котором идёт речь в некрологе, я и узнал Владимира Серафимовича. Тогда я боролся с одним преподавателем-садистом, что в 90-ые и в начале нулевых не было редкостью. Тогда, на волне либерального разгула, всё в России было на нуле, если не ещё ниже. Везде была власть силы, и только силы. Мой курс лекций должны были аттестовывать. Одним из рецензентов был как раз тот садист, которого по иронии судьбы звали Силин Геннадий Николаевич, или Гениталий Николаевич, крокодил Гена, как мы его называли, а вторым был – проф. Соболев. Я ожидал увидеть очередного доктора технических наук, одного из тех, кто в советские времена вешал индексы на формулы для красоты и солидности, так что книги были недоступны для понимания. И вместо этого к своему глубокому изумлению встретил умного и компетентного человека, вполне интеллигентного, учёного с университетским математическим образованием и благородным сердцем. Этого я ожидал менее всего.

Потом мы часто встречались. Я прибегал к нему в Центр, которым он заведовал, всегда глубоко потрясённый очередными подлыми беззакониями Силина и прямым попустительством ему со стороны тогдашней администрации. Он читал мои проекты доносов в различные инстанции, по-

правлял, давал советы. И если мне тогда вообще удалось хоть чем-то помочь тому несчастному и «потерянному поколению» студентов, то только благодаря мощной поддержке Соболева, его вовремя сказанному на Совете вескому слову из уст заслуженного профессора.

В. С. Соболев

В те годы он всё ещё играл на гитаре и пел свои прекрасные бардовские песни собственного сочинения. Что это были за песни! И как он их пел! Здесь ведь важен не голос, а общая культура, которой нет у большинства профессиональных певцов, поэтому и романсы в их исполнении, как правило, ни на что не похожи. А у него всё это было. И талант, и культура, чистота и благородство благословенной русской поэзии.

В последние годы мы виделись крайне редко. Необходимость в его помощи отпала, потому что порядок в вузе, как и в целом в стране, был восстановлен, либералы и прочая западническая шваль получили по заслугам. Силина с его поклонением США и ФИНЭКУ вышвырнули из ЛЭТИ ко всем чертям. Жизнь вошла в своё исконное человеческое русло. А Владимир Серафимович настолько погрузился в свою работу по менеджменту качества, что даже перестал выступать на концертах со своими песнями, перестал печатать стихи в нашем альманахе и всегда сетовал на чрезвычайную занятость и отсутствие времени. В последний раз мы виделись близ станции метро «Удельная» в начале лета 2009 года, кто-то один из нас подписывал другому программу курса лекций в качестве рецензента, не помню, кто кому именно в тот раз, разумеется, по хорошему тону, не читая. «Мне достаточно того, что ВЫ это написали. Мне незачем читать», – говорят в таких случаях истинно русские люди и ставят свою подпись, не глядя. О приближении Владимира Серафимовича тогда я узнал по слышавшемуся за квартал страшному кашлю. Мне стало жутко. Я рассказывал ему о

В. С. Соболев

множестве знакомых, умерших из-за лёгких, просил его позаботиться о своём здоровье. А он говорил о ремонте в квартире жены. Вернувшись в ЛЭТИ, я рассказывал: «Соболев, наверное, скоро умрёт. На него страшно смотреть», — надеясь этим привлечь внимание к состоянию его здоровья. Увы, это было возгласом в пустыне. Он прожил ещё год с небольшим. Мы разговаривали ещё только раз по телефону. Помню, я сидел и занимался, вдруг зазвонил телефон, и в нём знакомый голос. Я страшно обрадовался, ведь чаще я ему звонил, а он мне очень редко. Владимир Серафимович сказал, что у него подозревают рак лёгких, но он как-то так это сказал, что я понадеялся, что это совсем

не так и что всё в действительности хорошо. Ведь тот жуткий кашель прошёл. Я просил прислать стихи, а он опять ссылался на работу и вдруг начал говорить мне, что декан чем-то недоволен в моей программе, что что-то надо мне в ней переделывать. А я торопился, хотя и готов был всё бросить ради беседы с Владимиром Серафимовичем, но по существу, а не о чьих-то посторонних бреднях. Кроме того, я уже начинал опаздывать на лекцию. Сдерживая негодование, я ответил: «Дорогой Владимир Серафимович, я Вам потом позвоню об этом на досуге, напомните мне, пожалуйста, какой у Вас теперь телефон» и потянулся к бумагам записать, своротив при этом свою чашку с чаем, которая у меня всегда в руке или на письменном столе во время моих занятий и вообще всегда под рукой, когда я дома. Медленно, как в замедленной киносъёмке, моя чашка летела на пол, чай разливался и, в довершение всего, она разбилась. Я нежно, вежливо простился с Владимиром Серафимовичем, подавив своё возмущение и записав его номер телефона, и решил, что он, видимо, здоров, если занимается всей этой ерундой вместо стихов и песен. Больше я не звонил ему, думая, что всё с ним, должно быть, хорошо, если не считать того, что он надрывается на бессмысленной работе. И вдруг, как гром среди ясного неба, некролог... Я не сразу поверил, не сразу понял, что случилось. Вернулся в аудиторию, чтобы продолжить лекцию, и не мог... От слёз...

Милый, дорогой, Владимир Серафимович! Вы были лучом света во тьме поздних девяностых и ранних нулевых. Я не встречал в ЛЭТИ никого лучше Вас в эти годы. Да примет Создатель Вас в свои святые обители, да упокоит Вас в селениях блаженных. Некоторые, и на нашей кафедре тоже, относились к Вам с иронией. А я не постесняюсь процитировать здесь Ф. И. Тютчева:

*Назло людскому суесловью
Высок и свят был жребий твой.
Ты был богов орган живой,
Но с кровью в жилах, знойной кровью.*

Алексей Королёв

4 ноября 2011 г.

В. С. Соболев

КРИТИКА

Виктория БАЗЛОВА-БОРЩЕВСКАЯ
«Заброшенный дом. Окно»

Юрий ГРЯЗНОВ

Из откуда в куда котица русская реч?

Я не берусь проанализировать все «модернизации», которым был подвергнут русский язык за последние 50 лет, но некоторые представляются мне настолько возмутительными, что не могу молчать!

В частности: «В никуда» и «Из ниоткуда».

Попробуем разобраться.

Заглянем в «Толковый словарь русского языка» под редакцией проф. Д. Н. Ушакова, М., 1935:

«НИКУДА ... Ни в какое место.

НИОТКУДА ... Ни из какого места».

Таким образом, «В никуда» означает: «В ни в какое место», а «Из ниоткуда» – «Из ни из какого места».

Уже из этого видно, насколько абсурдны сочетания «в никуда» и «из ниоткуда».

Но пойдём дальше.

«Никуда» отвечает на вопрос «Куда?», а «Ниоткуда» отвечает на вопрос «Откуда?»

Соответственно: «В никуда» отвечает на вопрос «В куда?», а «Из ниоткуда» – на вопрос «Из откуда?». Эти вопросы тоже должны существовать! Будем последовательны!

Далее логично появление новых уродцев: «В туда», «Из оттуда», а так же «В сюда» и «Из отсюда». Это понятно: на вопрос «Куда?» есть ответ «Туда» или «Сюда», а на вопрос «В куда?» будет ответ «В туда», и т. д.

Как вам понравится, к примеру, такой диалог:

– Из откуда идёшь?

– Из оттуда, – показывает пальцем.

– А в куда собрался?

– В туда, – показывает.

– Иди лучше в сюда, потом из отсюда пойдём в куда-нибудь вместе. Не понравилось? То-то!

В новых словарях «в никуда» и «из ниоткуда» постепенно получают «права гражданства». Так, в словаре Ожегова 1989 года мы читаем:

«НИКУДА, нареч...

...3. в знач. сущ. никуда, нескл. Разг. Место, где ничего нет, пустота. – Вы смело шагаете, но вы не знаете нас, как вы не знаете джунглей. Не надо идти по старым следам. Они часто приводят в никуда. Тихонов, Зелёная тьма».

Вот, значит, откуда это пошло. Классик советской литературы Тихонов положил начало безобразию, и его авторитет корифея это безобразие освятил.

«Из ниоткуда» в этом словаре ещё нет, но пишущая братия справедливо рассудила, что поскольку «в никуда» узаконено, то должно существовать также «из ниоткуда», и вот писатели пописывают, а читатели почитывают, овладевая новоязом.

А ведь когда-то писали грамотно (например, «Дорога никуда» – Александр Грин, издание 1980 г.; «Человек ниоткуда» – фильм с молодым С. Юрским в главной роли, 1961 г.), да и сейчас далеко не все поддались тлетворному влиянию «модернизаторов». А то, что весьма уважаемый мною писатель Виктор Пелевин озаглавил своё произведение: «Диалектика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда», я могу приписать только его ироничности. К сожалению, он не учёл, что далеко не все читатели воспринимают иронию, и на своё замечание (грамотный) школьный учитель может услышать в ответ: «А вот у Пелевина...».

И будут воспроизводиться новые поколения «модернизаторов Великого и Могучего...»

Кто – «ЗА»?.. Я – «ПРОТИВ»!!

Работа Юрия ГРЯЗНОВА

Виктория БАЗЛОВА-БОРЩЕВСКАЯ

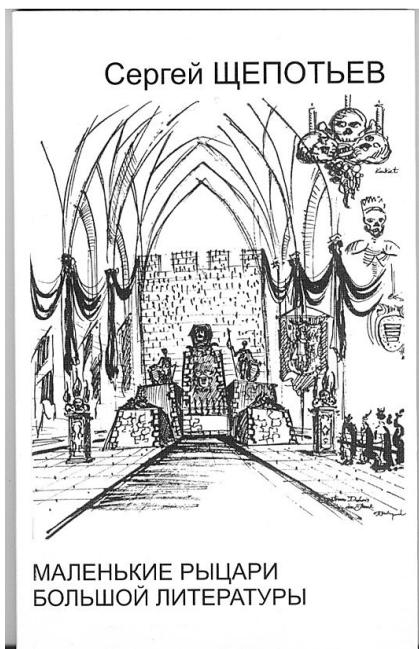
Член Союза писателей Ленинградской области и Санкт-Петербурга

«Аристократы духа» польской литературы в монографии современного аристократа русской литературы

Те, кто знаком с творчеством писателя, члена Союза писателей Ленобласти и Санкт-Петербурга, Сергея Иосифовича Щепотьева, знают, что он не только автор превосходных стихов и песен, серьёзной художественной прозы, тактичных и дальновидных критических статей, но и профессиональный литературовед и историк литературы. Достаточно ознакомиться с его исследованиями, посвящёнными английской, американской или французской литературе, чтобы понять, насколько ответственно, серьёзно, интеллигентно автор касается каждой темы, как глубоко и трепетно проникает в материю творчества, в постижение духовного и нравственного мира того или иного писателя. Не исключение – новая литературоведческая работа С. Щепотьева ««Маленькие рыцари» большой литературы», рассказывающая о творчестве польских писателей-прозаиков.

Эта монография охватывает довольно большой временной отрезок развития польской прозы. Обзорно касаясь работ авторов от позднего средневековья до конца XVIII столетия, Щепотьев подробно останавливается на литературе XIX–XX вв.

Конечно, как всегда, невозможно объять необъятное в 200 с. переплёта. По словам автора, он исследует творчество польских романистов, работавших, прежде всего, с историческим материалом. Впрочем, он не всегда придерживается этого принципа, уделяя немало внимания и творчеству тех писателей, которые отразили в собственных произведениях своё время или создавали психологический портрет своего современника на фоне событий эпох, в которые они сами жили и работали, ставших для нас уже историей.

С.И. Щепотьев

Стиль С.И. Щепотьева по обыкновению сдержан и чётко. Никакой излишней эмоциональности, никакого пафоса, самолюбования. Вы не найдёте там и развязного бравоирования «словечками» (от слэнга до заумных терминов), которыми так любят «грешить» нынешние критики и писатели, разбирая чьё-либо творчество. Работы Сергея Иосифовича всегда отличались использованием литературного русского языка, следованием традициям веками сложившейся высокой культуры. В какой-то мере они консервативны (в хорошем смысле этого слова), поскольку, читая, например, ««Маленьких рыцарей» большой литературы», невольно вспоминаешь старые добрые литературоведческие монографии и эссе, язык Ю.М. Лотмана и Д.С. Лихачева. Но не стоит думать, что книга С.И. Щепотьева – сугубо научный, нудный труд, способный привлечь только филологов. Не опускаясь до примитивной популяризации, нарочитого упрощения, поверхностного обзора, не используя язык улиц и тусовок, автор даёт возможность нам, читателям, насладиться интересным и серьёзным чтением, в результате которого мы прослеживаем путь развития польской литературы, в частности – развития исторической прозы. Причём, мы можем даже отчётливо представить себе основные вехи польской истории, наложившие свои отпечатки на становление, формирование и развитие национальной культуры, польского характера, исторических и литературных образов Польши.

Автор щедр на цитаты. И не только из самих рассматриваемых произведений, но и из работ критиков. Щепотьев рассматривает различные критические материалы. Иной раз может показаться, что мнение автора теряется в обилии приведённых в книге точек зрения. Но это только на первый взгляд. Внимательный читатель отлично поймёт, что работа Щепотьева – не компиляция чужих трудов. Недаром подзаголовок звучит как «Размышления о польской литературе». Я говорила выше, что в книге Щепотьева нет самолюбования. Но там всегда можно проследить чёткую авторскую позицию. Он спорит или соглашается с критиками и историками литературы, приводит свои доводы. Но мы не видим нарочитого, диктаторского эгоцентризма. Скромность и достоинство, умноженные на обоснованное собственное мнение выгодно отличают данное исследование.

Возможно, историки нашли бы повод придаться к некоторым фактам, упомянутым в книге С.И. Щепотьева. Возможно, какие-либо моменты заставят усомнившегося читателя взять то или иное произведение и перечитать его. Может быть, кто-то скажет, что в книгу вошло не всё, что о ком-то из писателей забыли упомянуть или сказали ничтожно мало. Кто-то воскликнет: «Почему автор обошёл вниманием произведения достаточно популярных в своё время Яна Потоцкого, Аркадия Фидлера или Хелены Мнишек, действие которых тоже происходит на фоне исторических событий?» Кто-то обидится: «Автор мог бы сказать что-либо и о литературе нового столетия, о сегодняшнем дне польской литературы. Хотя бы в двух-трёх предложениях...», «Он ничего не написал о модном ныне и почти причисленном к классикам Януше Леоне Вишневском...» и т.д. Но, согласитесь, подобные замечания сопутствуют любому (и солидному, и популярному) исследованию. И если они возникают, значит, книга вызвала интерес.

Что касается меня, то моя единственная большая претензия к Щепотьеву – тяга автора к развёрнутому пересказу, причём не только сюжетов произведений, но и фабулы или отдельных эпизодов. Впрочем, это можно объяснить словами самого Сергея Иосифовича в предисловии к исследованию: «О польской литературе, которая, как и польское кино, в 60–70 гг. минувшего века была неременной составляющей нашей духовной жизни, сегодня в России достаточно мало знает кто-либо, кроме специалистов-полонистов и отдельных любителей». Возможно, поэтому автор столь увлекается пересказом. Но я бы, например, не останавливалась на подробном перечислении сюжета, ограничиваясь схематичным его раскрытием или, при необходимости, краткой характеристикой того или иного эпизода. Во-первых, потому что считаю подробный пересказ художественного текста занятием неблагодарным и ненужным. Во-вторых, читатель на то и «*читатель*», чтобы *читать*. И никакой литературоведческий труд не заменит оригинального художественного текста. А вот побудить интерес читателя, заинтриговать, дать толчок – как раз одна из первостепенных задач исследования. И Сергей Иосифович прекрасно владеет способами подобных побуждений.

Впрочем, зачем мне навязывать свой «монастырский устав». Книга Щепотьева – достойный внимания и интересный труд. И я очень надеюсь, что она найдёт своих благодарных читателей. По крайней мере, в моём лице – уже нашла.

От редколлегии

Следуя нашим демократическим (в хорошем смысле слова) принципам, мы публикуем здесь едкую и уничтожающую, весёлую и задорную критику нашего альманаха, написанную замечательным поэтом и публицистом Архипом Гултоппы (заменившим, правда, в начале своей публицистической деятельности природное имя Архип псевдонимом Охрип, который в процессе дальнейшей литературной работы трансформировался в Ахрипа).

Рунизм как идеология будущего

(Литература, философия, политика)

Пока наши отцы и братья (литераторы, социологи, политологи, и другие неспокойные за судьбу Отечества, истинно благородные люди) всеми возможными средствами СМИ убеждали нас и себя, что России, как хлеб, вода и воздух, в общем, до боли насущно необходима новая идеологическая программа или платформа, среди наших детей (сегодняшних студентов) стихийно возникло новое литературное течение, которое и заложило первые железобетонные блоки грядущей русской идеи.

Течение это я и назвал, без спросу, рунизмом.

Объяснюсь. Определение это происходит от названия студенческого литературно-художественного альманаха «Руно», который в ближайшее время должен выйти в печати в двух книгах под крылом литобъединения при СПб ГЭТУ «ЛЭТИ».

Расшифровки предполагаемой аббревиатуры в сборнике нет. Молодые люди, в некотором смысле, открыто позиционируют себя наследниками легендарных аргонавтов, пустившихся в опасный путь на поиски Золотого руна. Прошу не путать с Золотым тельцом*.

Золотое руно – это символ героической славы: мужества, силы воли, достоинства, чести, дружбы и, наконец, любви, как к близким людям и любимым женщинам, так и к своей Родине!

А Золотой телец, всего лишь, – жалкий знак поклонения потребительству и наживе.

Надо сказать, что ранее студенческий альманах выходил под названием «Золотая нить». Вышло четыре выпуска (1 – 2005 г., 2 – 2006 г., 3 – 2007 г., 4 – 2009 г. – Изд. «Реноме», СПб.)

Из «Золотой нити» плетётся мало-помалу Золотое руно!

Свои принципы «Новые аргонавты» раскрывают в предисловии к первой книге издания. Философские концепции литературно-идеологического течения опираются на труды: Платона, Владимира Соловьёва, Вячеслава Иванова, Ивана Ильина, Алексея Лосева.

А литературные – как раз, заключают в себе ростки новой идеологии.

* – Здесь Ахрип Гултоппы выражает свою озабоченность, как бы достопочтенный читатель не спутал быка (тельца) с бараном, вернее, с его шерстью (руном). Поэтому он счёл своим долгом разъяснить, что такое золотое руно и что такое золотой телец. *(Примечание редактора.)*

В тексте предисловия прямо утверждается (цитирую):

«...наша основная цель – воспитание наших детей...»

Далее, не вдаваясь в детали и подробности, можно сказать следующее: Владимир Соловьёв требовал от творческого человека – стать теургом, т.е. соавтором Бога, а Вячеслав Иванов «отождествил работу художника с работой учёного», а «Развитие науки, по Лосеву, – это смена мифологий»...

Понять, что хотели этим сказать авторы предисловия-редколлегисты достаточно трудно, поэтому и понять меня не так-то просто. Но главные выводы, которые из этого сделаны, я отчасти процитирую:

«...На страницах (альманаха – А.Г.) наряду с довольно сильными произведениями печатаются иногда очень слабые стихотворения начинающих авторов...<...> Дело в том, что наше литературное объединение – вузовское и его основная задача – это воспитание через творчество, т. е. основная наша задача – теургическая».

В любом случае, из всего вышеизложенного я делаю заключение: в альманахе публикуют любых авторов, плохих и хороших, для того, чтобы молодые и неопытные учились у старших и профессионалов, и учились, и воспитывались.

В действительности, кроме литературной творческой школы, «юные аргонавты» получают и достаточно глубокие философские понятия о нравственных ценностях, моральных качествах, об исторических уроках и приоритетах.

В альманах сознательно и органично включены не просто оригинальные тексты философов и классиков российской литературы, а тексты, сокращённые и содержащие необходимые комментарии-пояснения. В сборник включены только выборочные отрывки из философских и литературных произведений наших знаменитых классиков.

Поддержка российского многонационального и интернационального патриотизма, веры в духовный и мирской мир, согласия и добрых отношений между людьми разных вероисповеданий, религий, церквей, любви к ближнему и законной и честной, социальной и любой другой справедливости, лояльность к власти – все эти, безусловно, идеологические принципы, ясно и чётко отражены в книгах альманаха.

В сборнике, больше всего, волнует и поражает некая воздушная, возвышенная чистота, как правило, свойственная, более всего, начинающим авторам, но, в данном случае, распространяющаяся на весь материал.

Чистота эта только на одну точку не доходит до слёз и сентиментальности. Опять, не путайте, со слезливой сентиментальностью, которая нашему случаю ровно противоположна.

Итак, молодые люди, увидев своё сокровенное слово в печати, почувствуют не только заслуженную или не очень – гордость, но и ответственность.

Они сразу же примутся учиться и стараться, чтобы ещё более соответствовать своему высокому призванию и назначению.

Закончить хочу тем, что всякая настоящая литература всегда была и будет создательницей не только вечных ценностей, но и провозвестником идеологий, которые, как всегда...

Ахрип Гултолы

Содержание

МИР КАК ИМЯ	3
О «Диалектике мифа» А. Ф. Лосева	4
Конспект «Диалектики мифа»	7
Стихотворения Алексея Фёдоровича Лосева	
«Я просыпаюсь в ранний час...»	37
«У меня были два обручения...»	38
ОТ РЕАЛЬНОГО К РЕАЛЬНЕЙШЕМУ	39
Антон АЛЕКСАНДРОВ	
«Мы любим музыку гробниц...»	40
Чёрная лилия сада теней	40
Нимфа девственных лесов	42
Видение сэра Ланселота Озёрного	42
Крест на вершине горы	43
Анастасия АНДРЕЙЧУК	
«Этот голос мне слышится ночью...»	43
Виктория БАЗЛОВА-БОРЩЕВСКАЯ	
Песня	44
Мария БЕЗРУЧКИНА	
Мой мир	46
Елизавета БЕЛЯНИНА	
«По тем же улицам, вдоль тех же серых стен...»	47
Дарья БЕРТОВА	
Оптимистическое	47
Марина ГАДЖИЕВА	
Новый вдох	48
Вера ГАЙДАР	
Разговор с Ангелом	48
Екатерина ДУБКОВА	
«За окном мелькают тени...»	49
Марина ЕВТЮХИНА	
Ни дня без строчки	49
Юлия ЖИВОЛУПОВА	
«Что гроз не вечные оковы?...»	50
Татьяна ЗАХАРЧЕНКО	
«На пороге завтрашнего дня...»	51
«Я словно маленький Будда...»	51
Олег ИЛЬИН	
«Унеси меня вдаль...»	52

Наталья КЛИВАК	
«Интересуются все ныне...»	53
Алексей КОРОЛЁВ	
Читая А. Ф. Лосева	53
1. «Моя луна – не та, что в небесах...»	53
2. «Я не верю в посмертье, ни в то, что посмертия нет...»	54
Сергей КОПЫТКИН	
Белая Дама	54
Татьяна ЛАПИНА	
«Если на сердце ненастье...»	56
Кн. Мария МЕЩЕРСКАЯ	
Магический свет	56
Мария МИРОНОВА	
Звезда	57
Евгений МОЧЕНКОВ	
«Я расскажу свой сон к полудню...»	58
Валентина ОСИПОВА	
«Она блистала, стоя в бигуди...»	59
Анастасия ПЕРЛУХИНА	
«...ловить остатки старины...»	60
Георгий ПЕТРЕНКО	
«Как молния, разрезав тучи...»	60
Письмо к Н.	61
Мила ПОЦЕЛУЕВА	
«На Благовещение...»	63
«О, белый лист, единственный мой друг...»	63
Николай СЕРГЕЕВ	
«Как хорошо стоять на крыше...»	64
Калерия СОКОЛОВА	
«Где та грань, за которой наш парусник жизни былой...»	64
Вячеслав СТЕПАНОВ	
«Беру лицо твое в ладони...»	64
Вера СТЕПАНОВА	
Феликсу	65
Александр ТАНКОВ	
«Если – смерть, то зачем, то зачем, то зачем...»	66
Святослав ТЕРНОВ	
«Потерпи! Морозный горный воздух...»	66
Светлана ХРОМИЧЕВА	
Сон	67

Алексей ХУДЯКОВ	
Слово	69
Вера ЧИГАРИНА	
Сны (№3)	69
Максим ШВЕЦ	
«Там, где кончается граница...»	70
«Сразу – в Рай! Без билета и пропуска!...»	70
Елена ШИПИНА	
Беседа в сумерках	73
Сергей ЩЕПОТЬЕВ	
Амазонка	73
Национальный вопрос	74
Ирина ЯРКОВА	
Песня	75
АНТОЛОГИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ	76
Николай АРТЁМЕНКО	
«В тумане утреннем виднеется Колхида...»	77
Виктория БАЗЛОВА-БОРЩЕВСКАЯ	
Ника	77
Ирина ИОЛИНА	
«Над лесом рыжая луна...»	78
Алексей КОРОЛЁВ	
«Кто созерцает формы милых жён...»	79
Лада КОРОЛЁВА	
Гроза	79
Жан МОРЕАС. Перевод Александра Королёва	
«Суний, Суний родной, край земли величавый...»	80
«О свет, небосвод голубой наводнивший...»	81
Евгений МОЧЕНКОВ	
«Я вспомню путь до родины своей...»	81
Антон ПОГРЕБНЯК	
Мандельштаму	82
Греческая Прощальная	82
Максим ШВЕЦ	
«Облачко розовое...»	83
«Песок, как ветвь, и платье, как песок...»	84
Вера СТЕПАНОВА	
«Уходит лето. В мятеже заката...»	85
Ирина ЯРКОВА	
Лето	85

АФРОДИТА УРАНИЯ	86
Владимир СОЛОВЬЕВ	
Das Ewig-Weibliche	87
Евгений БАРАТЫНСКИЙ	
Она	88
«Очарование красоты...»	88
Дмитрий ВЕНЕВИТИНОВ	
К изображению Урании	89
Александр ПУШКИН	
«Всё в ней гармония, всё диво...»	89
«На холмах Грузии лежит ночная мгла...»	90
Барон Антон ДЕЛЬВИГ	
«Зачем, зачем ты отравила...»	90
Фёдор ТЮТЧЕВ	
«Как неразгаданная тайна...»	91
«Я помню время золотое...»	91
«Я встретил вас – и всё былое...»	92
Алексей АПУХТИН	
«Прости меня, прости! Когда в душе мятежной...»	93
«О, возврати мне вновь огонь, и вдохновенье...»	93
«Безмесечная ночь дышала негой кроткой...»	94
Афанасий ФЕТ	
«Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали...»	94
«Шёпот, робкое дыханье...»	95
«Далёкий друг, пойми мои рыдания...»	95
К. Р (Великий Князь Константин Константинович РОМАНОВ)	
Серенада	96
Евгений ГРЕБЁНКА	
«Я тогда ещё молодухой была...»	97
Владимир СОЛОВЬЕВ	
«Бедный друг, истомил тебя путь...»	98
Владимир МАЗУРКЕВИЧ	
Письмо	99
Я всё забыл, мечтая у окна. <i>Музыка О. Де-Бове. Слова К. Сурина</i>	101
Вячеслав ИВАНОВ	
Любовь	102
Франческо ПЕТРАРКА.. Перевод Вячеслава Иванова	
LXI	102
Валерий БРЮСОВ	
Первые встречи	103

Женщине	103
Анна АХМАТОВА	
«Есть в близости людей заветная черта...»	104
Слушая пение	104
Ольга БЕРГГОЛЬЦ	
Ответ	104
Новелла МАТВЕЕВА	
«Любви моей ты боялся зря...»	105
Александр ТАНКОВ	
«Беда благоприятствует любви...»	106
Максим ШВЕЦ	
Портрет	107
АФРОДИТА ПАНДЕМОС	108
Наталья СОСНИНА	
Наболевшее	109
Вера СТЕПАНОВА	
«Свирель терзает вдохновенно Пан...»	109
КОМПЛЕКСЫ ОЛЕГА ИЛЬИНА	111
Александр КОРОЛЁВ	
«Печален стих Олега Ильина...»	112
Вера СТЕПАНОВА	
«Сократа череп, удаль пацана...»	112
Антон ПОГРЕБНЯК	
Сон в летнюю ночь	112
Олег ИЛЬИН	
Комплекс №1	113
Комплекс №2	114
Комплекс №3	115
ВЕСЬ ГОРОД МОЙ НЕПОСТИЖИМЫЙ	116
Николай АГНИВЦЕВ	
Гранитный барин	117
Николай АРТЁМЕНКО	
Ночная симфония	117
Надежда БАРАНОВА	
Карта метро	118
Павел БЕКЛЕШОВ	
Петербургская весна	119
1. «Из окна уже свежестью веет...»	119
2. «Ещё покрыты снегом крыши...»	119

Елизавета БЕЛЯНИНА совместно с Алексеем МЕРКУЛЕМ	
Питер лечит меня...	121
Елизавета БЕЛЯНИНА	
Город	121
Дарья БЕРТОВА	
Путь	122
Ксения БУРЖСКАЯ	
«Таков мой город зимой...»	122
Екатерина ВОРОБЬЁВА	
Мой Петербург	123
Марина ГАДЖИЕВА	
«Где-то в белоснежном Питере...»	124
Наталья ЗАБЕЛИНА	
Вкус лета	124
Татьяна ЗАХАРЧЕНКО	
Диптих	126
1. «Приезжай ко мне в этот город...»	126
2. «В этом городе все мы...»	127
Олег ИЛЬИН	
«Высокомерия убийственны законы...»	128
Антонина КАРИМОВА	
«Пышет золотом парк...»	128
Татьяна ЛАПИНА	
«У берегов Английского пруда...»	129
Людмила НОВИКОВА	
Ангел	129
Валентина ОСИПОВА	
«Мама в детство уехала... плакать...»	131
Александр ПАК	
Песенка про Купчино	131
Анастасия ПЕРЛУХИНА	
Рождество в Петербурге	132
Георгий ПЕТРЕНКО	
«Шаг. Шаг. Шаг, тук, шаг, тук, шаг...»	132
Антон ПОГРЕБНЯК	
Патриции	133
Николай СЕРГЕЕВ	
«Мне плевать на местных голубей...»	134
Калерия СОКОЛОВА	
«Не яркий и не тусклый...»	134

Вера СТЕПАНОВА	
«Мой Петербург, дари неспешные рассветы...»	136
Святослав ТЕРНОВ	
«Бесцельно дробится хрусталь отколовшейся льдины...»	136
Алексей ХУДЯКОВ	
Прогулка	136
Максим ШВЕЦ	
1. «Город каменных львов...»	137
2. «Это – город-мечта, город-марево...»	137
Елена ШИПИНА	
Пегасоград	140
Ирина ЯРКОВА	
1. Петроград	140
2. «А у нас – минус три...»	141
ФИЛИАЛ ЛИТО ЛЭТИ В ДЕ-КАСТРИ	142
Татьяна ИВАНИЛОВА	
Стихи для детей	143
Детство	143
Не верю	143
Смех	144
Прятки	144
Юбилей	144
Рисунок	144
Дед Мороз	145
Новогодняя страна	145
Снеговик	146
Стихи для детей о войне	146
«Мне обидно. Воевали деды...»	146
Моряки	146
«Ради жизни на Земле...»	147
Наталья СОСНИНА	
Детская страничка	147
Ты расти	147
«Солнышко устало, село за лесочек...»	148
«Маша, Машенька, Маняша...»	148
«Тот печальный вечер помню хорошо...»	148
Татьяна ИВАНИЛОВА	
Солдатам Великой Отечественной посвящаются	149
Война	149
Звезда	149

«Вы помните, грохот орудий...»	150
«Вздригнуло тело Земли...»	151
Ветеран	152
«Ты в атаку бежал...»	152
Была весна	153
ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ СТИХИ	154
Елена КАЧАРОВСКАЯ	
«Чай подсолнен. Горяч подстаканник...»	155
«Ты есть и будешь всегда...»	155
Кстати о жирафе	156
Пародия на «Кстати о жирафе». Автор – Мария ФАРБОТКО	156
Елена КАЧАРОВСКАЯ	
«День лукав...»	157
История одного портрета	157
Рецепт от холодца	158
«Я не надену больше брюки...»	158
Елена ШИПИНА	
Логопедическое упражнение. «Место стрелки изменить нельзя»	159
«Мирка очень любит сыр...»	160
ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНАЯ СТУДИЯ «ЗАПОВЕДНИК» ..	
«С ГОЛУБОГО РУЧЕЙКА НАЧИНАЕТСЯ РЕКА...»	161
Любовь АКИМОВА	
Мозаика	162
Мари АНОЯН	
«Я хочу быть лучше себя самой...»	162
Полина ВАРГИНА	
Ручка	163
Времена года	163
Ира ВАСИЛЬЕВА	
Хочу быть лучше себя	163
Анастасия ВИЛЬЧЕВСКАЯ	
«Застывшие сиреневые тучи...»	164
Осенний сон	164
Александра ВОЛКОВА	
День рождения	165
Аня ЁЛГИНА	
Где живёт ветер	165
Катя ЗАРХИ	
Портрет	166

Ульяна ИВАНОВА	
«Солнечные лучики...»	167
«Снег, снег, снег, снежок...»	167
Наталья КЛИВАК	
«Сижу я на стуле, гляжу я в окно...»	168
Настя КОМЕЛЬ	
Парусник	168
Утро	168
Полина КУХАРЕВА	
«Наш мир – это шар. Огромный шар...»	169
Алина ПАЛЕЙ	
«Порою наивна...»	170
Красная шапочка	170
Странности	171
«Милая, какая же ты милая...»	171
«Ах, Даша, Даша. Дашка!...»	172
«Давай станем сёстрами...»	172
Полина ПРОХОРОВА	
«Когда одиннадцать часов...»	172
Света ПЯХКЕЛЬ	
Луна	173
Катя РАТАЙКО	
«Я спросила своё Я...»	173
Вчера, сегодня, завтра	174
«Лучик солнца в сердце моём...»	175
Маша СТРОКОВА	
Антилопа	176
Попугай	176
Гитара	176
Ваня ТИХОМИРОВ	
Биатлон	177
Саша УЗЮМОВА	
Тротуар	177
«Тебя я вижу, темнота...»	178
Настя ФЕДОРАЕВА	
«Вчера мне подсказал Пегас...»	178
Марина ФЕДЧЕНКО	
Тема для стихов	179
«Снова боль, снова истерика...»	179

Даня ФЕШКОВ	
Таблица умножения	180
Зина ХАРИТОНОВА	
Белое бедствие	181
Саша ХАРЛАМОВА	
Грифоны	181
Зима	182
Артём ШАПОНКОВ	
Дорога в никуда	182
Ольга ШИБАЕВА	
«Вся жизнь-игра!..»	183
Аня ЯКУБОВИЧ	
«Скоро ёлочку поставим...»	183
«КАК ЖЕ НАМ НЕ ВЕСЕЛИТЬСЯ...»	183
Даня ФЕШКОВ	
Рифмы	183
Вова ОБОДНИКОВ	
Пародия на Даню	184
Ваня ТИХОМИРОВ	
Пародия на Даню и Вову	184
Вова ОБОДНИКОВ, Ваня ТИХОМИРОВ, Даня ФЕШКОВ	
Облака	184
«ВМЕСТЕ ВЕСЕЛО ШАГАТЬ...»	185
Соня АЛЕКСЕЕВА, Яна МУРТАЗИНА	
Времена года	185
Аня КОЛПАКОВА, Соня АЛЕКСЕЕВА, Полина ПРОХОРОВА, Мари АНОЯН	
Ёлка	186
Алёна МАКОШИНА, Даша КОЧЕГАРОВА	
Ёлка	187
СИНКВЕЙНЫ	187
Аня КОЛПАКОВА	
«Вова...»	187
Яна МУРТАЗИНА	
«Аня...»	187
Настя ФЕДОРАЕВА	
«Роза...»	188
Рита РУСНАК	
«Я...»	188
Алёна ТЯПКИНА	
«Я...»	188

Даня НАГАЕВ	
«Я...»	188
Зина ХАРИТОНОВА	
«Он...»	189
Ваня ТИХОМИРОВ	
«Учусь...»	189
«Мяч...»	189
Вова ОБОДНИКОВ	
«Мари...»	189
Полина ВАРГИНА	
«Курочка...»	190
«Собака...»	190
Люба ШАНШИНА	
«Даша...»	190
Даша КОЧЕГАРОВА	
«Люба...»	190
Настя КОМЕЛЬ	
«Алёна...»	191
Алёна МАКОШИНА	
«Настя...»	191
Света ПЯХКЕЛЬ	
«Любовь...»	191
ПРОЗА РУ... НО...	192
Борис АНДРЕЕВ	
Шагая	193
Если ты меня слышишь...	194
Светлана АРХАНГЕЛЬСКАЯ	
Девочка и одуванчик	196
Виктория БАЗЛОВА-БОРЦЕВСКАЯ	
Встреча	197
Фёдор ВЕДЕРНИКОВ	
На экзамене по истории экономических учений	202
Сергей ВИНК	
Old Man	203
Нелли ГОРБАТОВА	
«Уже...»	204
Анна ГРИГОРЬЕВА	
Приключения Хвостика	205
Александра ДЖАЛИЕВА	
Холодный мой Город	209

Ольга ДЬЯКОВА	
Лужа	210
Мария ЕРМАКОВА	
Отрывок из одного старого дневника	211
Анна Сергеевна	215
Философы и практики	217
Юлия ЖИВОЛУПОВА	
Воздушные шарiki	223
Олег ИЛЬИН	
«Иван Христофорович...»	223
Елена КАЧАРОВСКАЯ	
Ванька Мокрый	224
Впусти меня	229
Живот	231
Александр КИСЕЛЁВ	
Возвращение к легенде	233
Алексей КРОТОВ	
Телевизор	237
Александр МАСЛЕННИКОВ	
О солнце, чтении и пневмонии	242
Лики времени, лики памяти	245
Dolce Vita	247
Артём ОРЛОВ	
«Музыка...»	247
Антон ПОГРЕБНЯК	
Лабиринт	248
Бомж-пакет	249
Виктор ПОЖИДАЕВ-ПОКЛАД	
Никто не придёт	253
Станислав ПОЧЕБУТ	
Выбор	268
Василиса СОКОЛОВА	
Открылась бездна, звёзд полна... ..	271
Море	272
Светлана ХРОМИЧЕВА	
Счастливая Настасья Филипповна	273
Знакомство	277
Алексей ХУДЯКОВ	
Август	280
Идеальная чашка	280

Мой Учитель	281
Поезд	282
«Когда-то в дебрях коммуналок...»	282
Вера ЧИГАРИНА	
«Аня вошла...»	283
Максим ШВЕЦ	
Не такой, как все	290
Гоблины	291
НЕКРОЛОГ	294
<i>ВЛАДИМИР СЕРАФИМОВИЧ СОБОЛЕВ</i>	295
КРИТИКА	300
Юрий ГРЯЗНОВ	
Из откуда в куда котица русская реч?	301
Виктория БАЗЛОВА-БОРЩЕВСКАЯ	
«Аристократы духа» польской литературы в монографии современного аристократа русской литературы	303
<i>От редколлегии</i>	306
Ахрип ГУЛТОЛПЫ	
Рунизм как идеология будущего.	306

Книга издана на средства спонсоров

Подписано в печать 21.09.2012. Формат 60х88 1/16

Печать офсетная. Усл.- печ. л. 19,6. Тираж 500 экз.

Заказ № 166Р

Отпечатано в соответствии с предоставленным оригинал-макетом
в типографии издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40.

Тел/факс (812) 766 05 66

E-mail: renome@comlink.spb.ru

www.renomespb.ru

ГАЛЕРЕЯ ЛИТО ЛЭТИ

Работа Калерии СОКОЛОВОЙ

Работа Василисы СОКОЛОВОЙ

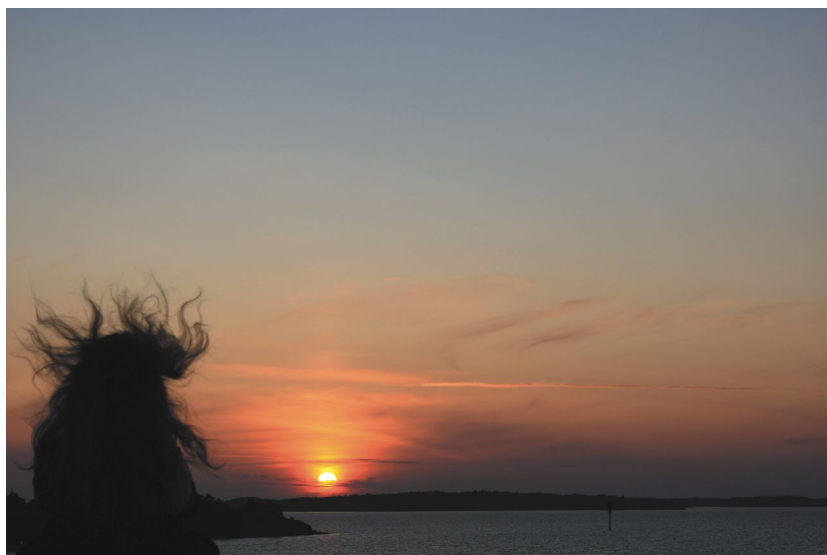
Валерия КОКОВКИНА “Дракончик”

Валерия КОКОВКИНА “Рыся”

Работа Валерии КОЛЫЧЕВОЙ

Работа Валерии КОЛЫЧЕВОЙ

Ксения ПОГОРЕЛЬСКАЯ “Старый город (Якутск зимой)”

Ксения ПОГОРЕЛЬСКАЯ “Ленские столбы”

Анна ТРОХОВА “Маки”

Анна ТРОХОВА “Синий натюрморт”

Ольга СКРЫНСКАЯ "Ручей"

Ольга СКРЫНСКАЯ "Цветок"

Работа Ивана ЛЕБЕДЕВА

Работа Ивана ЛЕБЕДЕВА

Работа Марины ЯСЫЧЕНКО

Работа Марины ЯСЫЧЕНКО

ВЫСТАВКА

“РИСУНОК и СЛОВО”

КАТЯ ЗАРХ

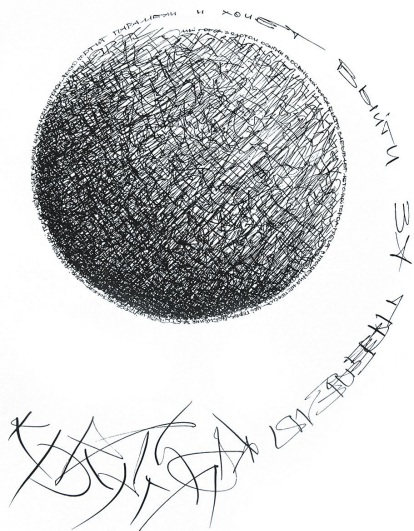
Рисунок слов

каллиграфия для меня –
движение чувства, мысли и ритма,
которое переходит во внешнее
пространство,
оставляя след на бумаге, которое
может стать знаком, символом,
образным или абстрактным рисунком.

это движение не заботится о том,
чтобы слова были читаемы,
это движение становится свободным и
непредсказуемым,
нарушая, порой, начатую красоту и
ладность,
ввергается в экспрессивный хаос,
чтобы добыть из него другой смысл,
новую закономерность.

«рисование» своих текстов даёт полную
свободу,
стих здесь – как причина, как посыл.

- развитие ритма
- исчезновение смысла слов
- неопределенность и точность
- движение к иной форме.

≡.

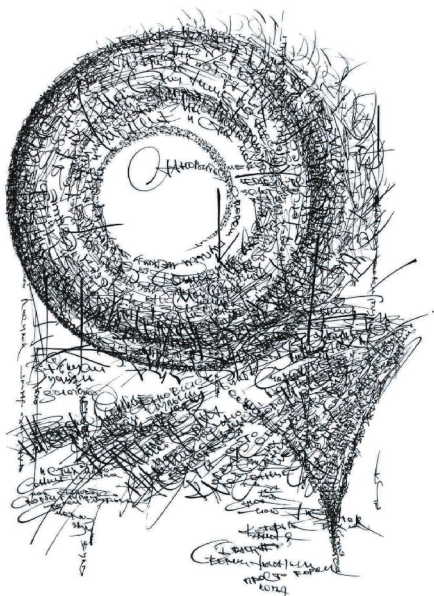
Катя ЗАРХ

1. ЗА ПРЕДЕЛЫ КРУГА

бум., перо, тушь, 60 x 42 см, 2003

мой город золотом осыпан в осень.
 мой город быстро забывает лето.
 мой город губит и прощения не просит.
 мой город любит и не ждёт ответа.

мой город не жалеет чёрной акварели.
 мой город не рисует диких маков юга.
 мой город жёстко чертит параллели
 и хочет выйти за пределы круга.

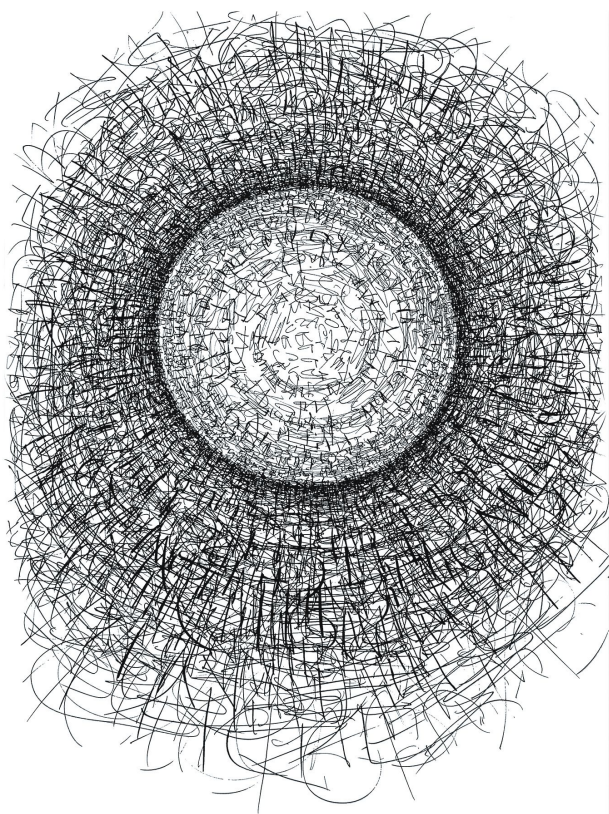

Катя ЗАРХ

2. КОГДА СОЛНЦЕ Я ВИЖУ

бум., перо, тушь, 60 x 42 см, 2003

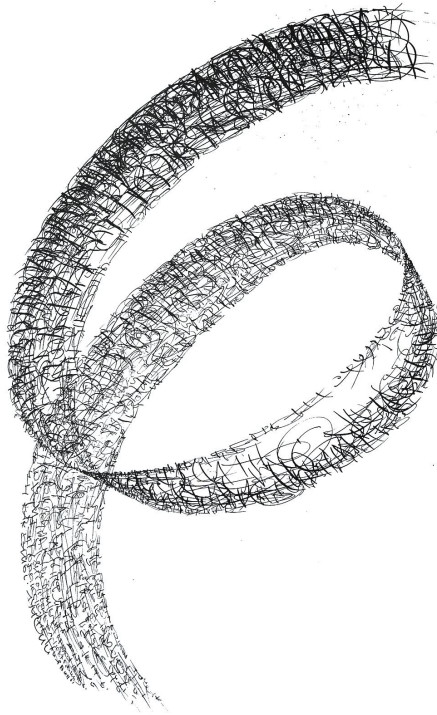
вот оно солнце,
и стих мой становится спором глупым между
звуками букв.
солнце,
да,
и мой стих,
мой рисунок,
который так лихо начат,
обращается вором nocturnal,
просто вором,
когда солнце я вижу,
мой стих ничего не значит.
солнце,
чёрных псов золотые тени
солнце – конь фиолетовый
закусил удила золотые

Екатерина Зарх, "Мы не будем бояться счастья", б., тушь, перо, 42х60 см, 2003г

Катя ЗАРХ

3. МЫ БУДЕМ ВМЕСТЕ
бум., перо, тушь, 60 х 42 см, 2003

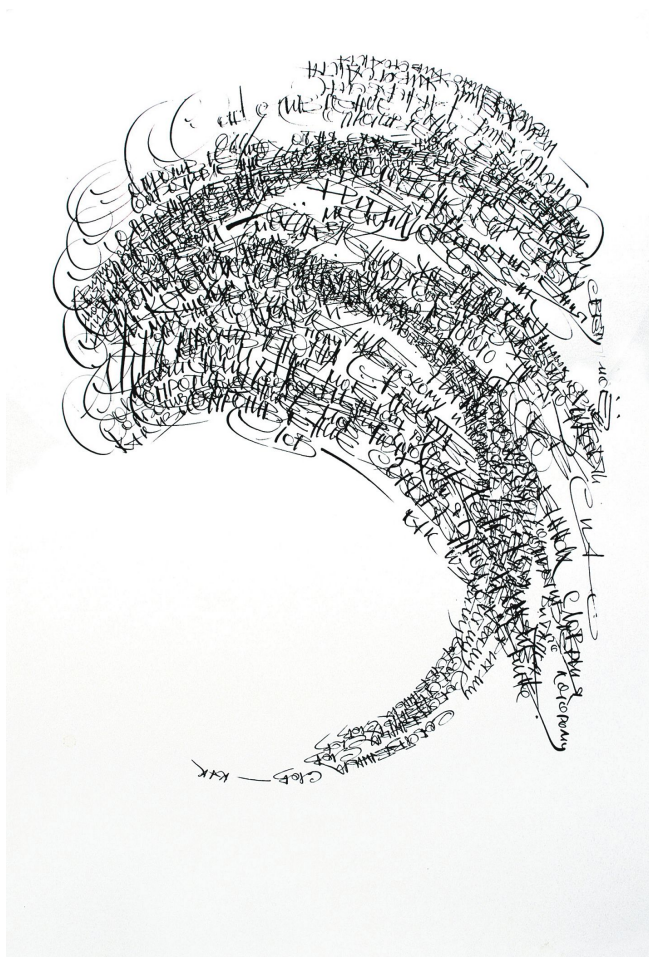

Катя ЗАРХ

4. «...»

бум., перо, тушь, 60 x 42 см, 2007

**Перевешиваю зеркало на другую сторону
света
и жизнь меняется**

Катя ЗАРХ

5. СОПРОТИВЛЕНИЕ ОГНЯ СВЕЧИ ВЕТРУ
бум., перо, тушь, 60 x 42 см, 2003

СЕРГЕЙ СИМКИН

Экспрессионизм

**...абстрактный экспрессионизм –
наиболее ёмкая форма выражения
мирочувствования
- это игра в пространстве,
где предметность холста исчезает начисто.**

**манера письма живописца – это психология
проживания через творение.**

**максимальное напряжение, полная
самоотдача
и создаёт то, что я определяю
произведением
живописи, когда мир пляшет под кистью
художника,
когда есть кураж и на холст изливается
поток энергии.**

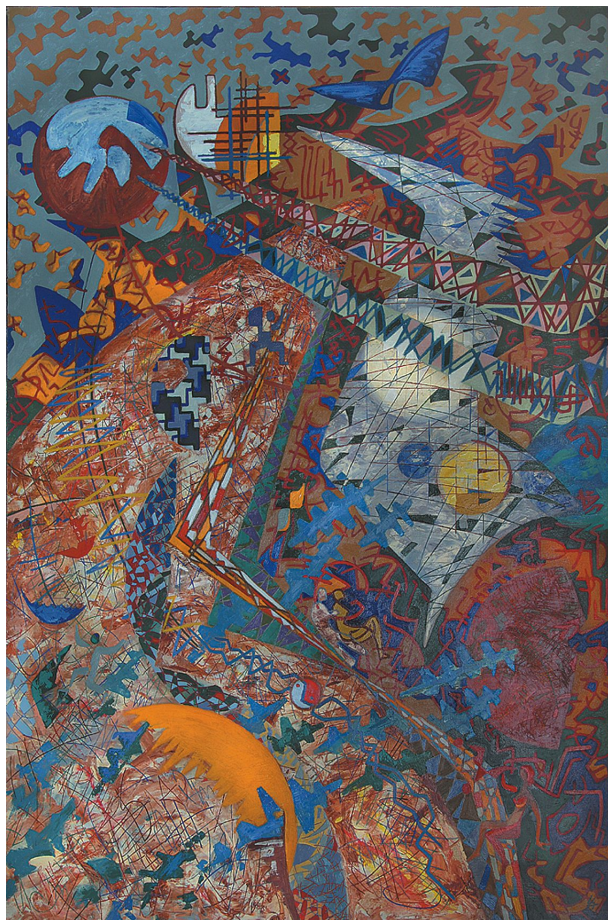
Сергей СИМКИН

1. Без названия
(по мотивам романов А. Белого "Серебряный голубь", "Петербург"),
х., м., 126 x 106 см, 2001-2008

Сергей СИМКИН

2. Без названия
(по мотивам романов А. Белого "Серебряный голубь", "Петербург"),
х., м., 126 х 106 см, 2001-2008

Сергей СИМКИН

3. Пространство
(по мотивам пьесы В.Шекспира «Макбет»),
х., м., 180 x 120 см, 2001-2004

Сергей СИМКИН

**4. Пространство двух линий
(Опыт трансмутации),
х., м., 180 x 120 см, 2001-2002**

Сергей СИМКИН

**5. Импровизация с развитием:
«Трансформация и движение Звезды.
Колпак и корона.
Ночь,
смотрящая в благие намерения короля»
(на произведения В.Шекспира
«Король Лир»)
х., м., 180 x 120 см, 2000-2008**